

5 РУССКАЯ РЕЧЬ 1979

СЕНТЯБРЬ

ОКТАБРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

В номере:

Осуществляется ленинская мечта	3
М. В. Орешкина. Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР	5

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 165-летию М. Ю. Лермонтова

В. И. Коровин. «Язык простой и страсти голос благородный»	10
М. А. Галманова. Драма «Маскарад». Арбенин — М. И. Царев	17

К 170-летию А. В. Кольцова

Е. А. Артеменко, С. Г. Лазутин. «Поэт земледельческого труда»	22
В. С. Сидоренко. В поисках точного слова	27
Е. В. Ключев. Живое слово уральцев в произведениях Бажова	30
В. А. Белькова. «Ты, березонька рябая, Чернопега моя...»	34

К 80-летию А. А. Суркова

Л. К. Граудина. «И стали вновь понятными Старинные слова»	39
Г. К. Волкотруб. Парцелляция в фельетонах М. Кольцова	44
Е. И. Луценко. Сложность «простого»	49

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

В. Шукшин. Думы	54
---------------------------	----

В ЛАБОРАТОРИИ ПИСАТЕЛЯ

Г. Д. Ахметова. «Кара-Бугаз» рукописный	59
---	----

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. М. Мокиенко. Убить бобра	64
В. В. Колесов. Финист ясный сокол	67

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. И. Скворцов. О культуре русской речи 71

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. И. Формановская. Речевой этикет и речевая ситуация 77

С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» (представить и предоставить) 81

М. Р. Львов. Родителям — о развитии речи детей 83

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Н. Г. Бычкова. Профессионализмы и жаргонизмы в очерке 88

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

М. И. Исаев. «Рядом летящая наша «мова» С русской Волгой речевой» 92

Н. Г. Михайловская. Древность легенды и молодость литературы 98

СРЕДИ КНИГ

Л. И. Скворцов. *К. С. Горбачевич. Нормы современного русского литературного языка* 104

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е. В. Дылюк. Русский язык на африканском континенте 107

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Л. Е. Лопатина. Симеон Полоцкий (1629—1680) 113

С. Д. Бабишин. Как учили писать на Руси 120

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

А. В. Степанов. А. И. Ефимов (1909—1966) 126

А. И. Ефимов. Великий мастер русского художественного слова 128

А. А. Браун, Т. Н. Егорова. Н. П. Макаров — лексикограф 134

ОЛИМПИЙСКИЕ АРЕНЫ МОСКВЫ

Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Химки-Ховрино. Ленинградский проспект. Улица Горького 139

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Л. И. Балахонова. Дрочена 144

Н. М. Михайлова. Студеный — холодный 147

М. М. Маковский. Русские имена 149

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий 150

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Премьера, премьер; За счет; Ипатовский метод; Опытнo-экспериментальный 153

На обложке: М. Ю. Лермонтов. Рисунок Ю. Космынина

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЛЕНИНСКАЯ МЕЧТА

**УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РУССКИЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК ДРУЖБЫ
И СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ СССР»**

Сердечно приветствую участников Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР».

В результате последовательного осуществления ленинской национальной политики идет плодотворный процесс развития культуры, науки, народного образования во всех союзных и автономных республиках, автономных областях и округах страны. Важнейшую роль в этом играют языки всех наций и народностей СССР. Развиваясь равноправно и свободно, взаимобогащая друг друга, они служат прогрессу национальных культур, объединенных нерушимой общностью социалистического содержания.

В условиях развитого социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность — советский народ, объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека. Свободное владение, наряду с родным, русским языком, добровольно принятым в качестве общего исторического достояния всеми советскими людьми, способствует дальнейшему упрочению политического, экономического и духовного единства советского народа.

Изучение русского языка советскими людьми всех национальностей стало в нашей стране предметом всеобщей заботы и внимания. Проявлением этого служит постоянный рост многотысячного отряда преподавателей русского языка и литературы, повышение их педагогического мастерства, активная работа по совершенствованию методов и средств обучения во всех учебных заведениях, расширение издания и повышение качества учебников, словарей, методической литературы. Ленинская мечта — сделать так, чтобы каждый гражданин нашей страны «имел возможность научиться великому русскому языку», — успешно осуществляется. Решению этой благородной задачи будет содействовать и ваша конференция. Желаю вам плодотворной работы.

Л. БРЕЖНЕВ

РУССКИЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ СССР

Под таким девизом 22—24 мая 1979 года в Ташкенте проходила Всесоюзная научно-теоретическая конференция, на которой были всесторонне обсуждены проблемы дальнейшего совершенствования изучения и преподавания русского языка в национальных республиках СССР.

Столица Узбекистана не случайно стала местом проведения Всесоюзной конференции. В республике накоплен богатый опыт изучения, преподавания и практического применения русского языка как языка межнационального общения. В последние годы Ташкент стал одним из центров русистики, где разрабатываются и внедряются передовые методы изучения и организации преподавания русского языка в национальной школе. Здесь сложилась традиция проведения всесоюзных конференций по русскому языку: в 1956 и в 1962 годах здесь проходили I и II Межреспубликанские, в 1963 году — Всесоюзная конференция, в 1972 году — Международный симпозиум, а в 1975 году — Всесоюзная научно-практическая конференция по русскому языку.

Всесоюзная научно-теоретическая конференция 1979 года, организованная Академией наук СССР, Министерством просвещения СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Государственным комитетом СССР по профессионально-техническому образованию, явилась крупным событием в идейной и культурной жизни страны, новым этапом в развитии научно-теоретической и научно-методической мысли в области углубленного изучения, практического использования и преподавания русского языка как языка межнационального общения народов СССР.

Гостеприимный Ташкент принял посланцев из всех братских союзных республик, научных учреждений Москвы и Ленинграда.

Открывая конференцию, председатель оргкомитета по ее проведению академик М. Б. Храпченко сказал, что сам созыв нынешней конференции, ее авторитетный состав, проблемы, которые рассматриваются, подчеркивают постоянную заботу и внимание, глубокую заинтересованность нашей партии и правительства в действенном решении проблем изучения русского языка советскими людьми всех национальностей.

Ярким свидетельством этого является теплое приветствие Леонида Ильича Брежнева участникам Всесоюзной конференции. С огромным воодушевлением ее участники восприняли слова Л. И. Брежнева о том, что успешно осуществляется ленинская мечта — сделать так, чтобы каждый гражданин нашей страны «имел возможность научиться великому русскому языку». Участники конференции направили приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

На трибуне кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Видный партийный деятель, известный советский писатель и поэт; филолог по образованию, Ш. Р. Рашидов много внимания уделяет вопросам изучения и преподавания русского языка. Ш. Р. Рашидов в своем докладе «Язык нашего единства и братства» дал высокую оценку роли русского языка как средства международного общения в развитии и укреплении советского общества. Русский язык, подчеркнул оратор, — это язык великого Ленина, язык народа-исполина, обладающего богатейшими демократическими и революционными традициями, высочайшей культурой. Это — язык строителей нового общества, о котором веками мечтали лучшие умы человечества. Это — язык современной науки, техники, культуры. Он всегда выполнял прогрессивные исторические функции — нес трудящимся разных наций и народностей свет знаний, передовых идей, социалистической культуры.

После установления Советской власти В. И. Ленин проявлял постоянную заботу о том, чтобы все богатство русского языка сделалось достоянием трудящихся масс. И сам язык ленинских трудов — важнейшее явление в

истории русского языка, классический образец русской научной и публицистической речи.

В условиях зрелого социализма роль русского языка возрастает. Это обусловлено расцветом и сближением наций, интенсификацией межнациональных связей, расширением воздействия научно-технической революции, ростом духовных запросов всех наших наций и народностей. И главным средством взаимного общения наших народов, важнейшим орудием обмена в сферах экономической, научно-технической и общественно-политической деятельности выступает русский язык.

Все республики принимали участие в историческом освоении целины. Вполне естественно, что языком общения представителей всех наций и народностей здесь был русский язык. Сегодня русский язык — это язык БАМа и КамАЗА, всех больших строек. Следовательно, мы можем с полным основанием утверждать, что русский язык является важной материальной силой, обеспечивающей успешное решение стоящих перед страной социально-экономических задач.

Ш. Р. Рашидов охарактеризовал меры по совершенствованию изучения и преподавания русского языка, предпринятые за последние годы в Узбекистане.

На пленарном заседании был заслушан доклад министра просвещения СССР М. А. Прокофьева «Пути дальнейшего улучшения изучения и преподавания русского языка в союзных республиках». В докладе говорилось, что наибольшие успехи достигаются там, где создана стройная система изучения второго языка. Оно должно начинаться в дошкольном возрасте и последовательно развиваться на различных этапах обучения. В союзных республиках получают широкое распространение такие новые направления работы, как изучение русского языка с самого раннего возраста — в детских садах и в подготовительных классах общеобразовательных школ, увеличение числа школ с параллельными языками обучения, школ и классов с углубленным изучением русского языка, изучение отдельных предметов на русском языке. В этом отношении накоплен интересный опыт на Украине, в Узбекистане, Грузии, Молдавии, Башкирской, Якутской АССР. Докладчик указал на необходимость дальнейшего совершенствования методики преподавания русского языка, подготовки новых учебников и учебных пособий, повышения квалификации учителей и подготовки молодых

кадров. Заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР Н. С. Егоров рассказал о подготовке преподавателей русского языка для национальных школ.

Председатель Госкомитета СССР по профтехобразованию А. А. Булгаков подчеркнул, что знание русского языка способствует более полному и широкому приобщению выпускников профтехучилищ к достижениям научно-технического прогресса, более активному их участию в производственной и общественно-политической жизни трудовых коллективов.

На актуальных вопросах развития педагогической науки и преподавания русского языка в школах союзных республик остановился президент Академии педагогических наук СССР В. Н. Столетов. Он сообщил, что разработана типовая программа по русскому языку, создаются типовые учебники, варианты различных учебных словарей, совершенствуются технические средства обучения. Начато фундаментальное исследование принципов методики преподавания русского языка в школах республик. Однако, несмотря на значительные успехи, ученые еще в большом долгу перед школой. Основной задачей методистов и сегодня остается создание оптимальной системы обучения русскому языку учащихся нерусской национальности.

Успехи в преподавании русского языка, говорил директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин, во многом зависят от состояния научной базы — науки о русском языке. Надо, чтобы накопленные знания о русском языке помогли поднять уровень преподавания русского языка всюду. В головном Институте русского языка АН СССР и почти во всех филологических институтах академий наук союзных республик созданы специальные подразделения, перед которыми поставлена научно-практическая задача: обеспечить сеть народного просвещения союзных республик высококачественными пособиями по русскому языку, а вузы и национальные филологические институты квалифицированными кадрами специалистов. Подготовлен долгосрочный план этой работы.

Впервые в истории науки о русском языке, отметил оратор, подготовлена однотомная энциклопедия «Русский язык», рассчитанная на преподавателей вузов и школ, студентов, на всех, кто хочет пополнить свои зна-

ния русского языка. На основе этого труда издательство «Русский язык» предполагает выпустить энциклопедию специально для национальных республик.

На конференции работало семь секций: дошкольной подготовки детей по русскому языку; совершенствования изучения и преподавания русского языка в общеобразовательной национальной школе; совершенствования преподавания русского языка в высших и средних специальных учебных заведениях союзных республик; учебников русского языка и учебных пособий для национальных школ; улучшения изучения и преподавания русского языка в учебных заведениях профтехобразования; вопросов подготовки и переподготовки учителей русского языка; роли средств массовой информации в повышении уровня изучения русского языка в союзных республиках.

Итоги работы форума подвел вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев. Конференция, сказал он, внесла ценный коллективный вклад в решение тех больших и ответственных задач, которые поставлены Коммунистической партией и Советским правительством перед учеными, работниками просвещения, учителями, деятелями культуры в области дальнейшего совершенствования методов преподавания и обучения русскому языку. Успешное решение этих важных и ответственных задач будет во многом зависеть от двух существенных факторов: хорошо скоординированной совместной работы научных учреждений, соответствующих министерств и ведомств, а также последовательного применения принципа национально-русского двуязычия. Это новый этап в изучении русского языка как средства межнационального общения, этап осуществления обширной программы практических мероприятий.

Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР» призвала всех учителей, преподавателей русского языка высших и средних специальных учебных заведений, работников народного образования приложить еще больше усилий, творческого труда и энергии для дальнейшего улучшения качества обучения миллионов советских учащихся, студентов русскому языку — языку межнационального общения и сотрудничества всех народов нашей великой Советской Родины.

М. В. ОРЕШКИНА

К 165-летию М. Ю. Лермонтова

«ЯЗЫК ПРОСТОЙ И СТРАСТИ ГОЛОС БЛАГОРОДНЫЙ»

По традиции поэтический язык Лермонтова изучается на фоне пушкинской стилиевой нормы, ибо Лермонтов за Пушкиным следует, на Пушкина опирается и от Пушкина отталкивается. Уже одно то, что Лермонтов создал оригинальный поэтический

язык, непохожий на пушкинский и в то же время учитывающий пушкинские достижения, выдвинуло его в число великих мастеров слова.

Определяющая роль в становлении и формировании его поэтического языка принадлежит, безусловно, содержанию, идеям, в которых выразилась личность поэта, познающая историческое время и человека в нем. В. Г. Белинский в своей статье «Стихотворения М. Лермонтова», приступая к анализу его творчества, написал: «Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия — совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., 1954, с. 503). Различие ощущается не только в содержании пушкинской и лермонтовской поэзии, оно проникает в глубины текста, обнаруживаясь в языке и стиле. В этом смысле сравнение с Пушкиным также и законно, и поучительно.

У Пушкина, например, слово *лучший* употребляется в прямых значениях: как сравнительная и превосходная степени к *хороший* («Иные лучшие мне дороги права, Иная, лучшая потребность мне свобода»; «Пред ним roast — beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет») или в сочетании *все к лучшему*. Значение слова *лучший* либо предполагает сравнение (*лучше, чем...*), либо дается в превосходной степени (*самый хороший*). Такова норма, и Пушкин от этой нормы не отступает. Даже перифразы *лучший цвет* не составляют исключения.

Что же мы наблюдаем у Лермонтова? Достаточно вспомнить:

Иль, божьей рати *лучший* воин...

Ветвь Палестины

Мы *лучший* сок навеки извлекли...

Дума

А годы проходят — все *лучшие* годы!

«И скушно и грустно...»

Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Молитва

Из контекста сразу же становится ясно, что на слово *лучший* падает неожиданная смысловая и эмоциональная нагрузка. Лермонтов использует его в превосходной степени, в самой экспрессивной его грамматической форме. За лермонтовскими определениями чувствуется нечто большее, не вмещающееся в семанти-

ческую норму. Как, например, понять выражение *лучшего ангела*? Есть, следовательно, ангелы «похуже» или «хорошие», а бывают и «превосходные», «самые лучшие». *Лучший* приобретает в контексте лермонтовской поэтической речи новый оттенок. «Божьей рати лучший воин» в «Ветке Палестины» — это самый стойкий в вере, самый мужественный. А «лучший ангел» в «Молитве» — самый добрый, самый чистый нравственно, самый красивый. Точно так же «лучшие годы» — это не «самые счастливые», как это обычно понимается. Напротив, из контекста явствует, что их никак нельзя такими считать. Вспомним:

И скушно и грустно! — и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

Пользы от «желаний» нет, а годы все-таки «лучшие». Однако в сочетании *лучшие годы* «спит» значение «юные, молодые», которое как бы отделилось от основного признака и даже вступило с ним в противоречие, но ассоциативно-эмоциональная связь с ним не утратилась. Лермонтов намеренно оживляет в слове его эмоциональный ореол и резко выделяет его, подчеркивая скрытую в нем выразительность. В ходе общего смыслового движения он повышает эмоциональную напряженность отдельных слов и сочетаний, форсирует ее интонационно. За стилистически точными и предметными значениями воздвигается новый смысл. «Лучший сок» — это «самый хороший сок», но такое плоское понимание явно недостаточно и даже нелепо. Поверх предметного значения выстраивается ряд метафорических образов, поддерживающих и вызывающих друг друга.

Подобная принципиальная выделенность слов и словосочетаний, с одной стороны, приводит к нанизыванию устойчивых метафорических групп, а с другой — к появлению контрастных им по значению или стилистической окраске оборотов. Сочетание *лучшего ангела* согласуется с выражением *душу прекрасную* (ср.: «коварным шепотом насмешливых невежд»). При этом размещение эпитетов, несущих, как правило, основную эмоциональную нагрузку, либо прямое («божьей рати лучший воин»), либо инверсионное — кольцеобразно замыкающее стих («Лучшего ангела душу прекрасную») и предельно сдвинутое («С досадой тайною обманутых надежд»). Вариации у Лермонтова весьма разнообразны. Иногда опоясывающие строку эпитеты контрастны по значению:

Теплой заступнице мира холодного.

В такой же степени эмоциональный эффект достигается благодаря резкому столкновению смыслов в стихе:

А годы проходят — все лучшие годы!

При этом контраст приобретает чрезвычайно разветвленный характер. Слова сопрягаются в пары, в отдельные и устойчивые сочетания либо по признаку их семантического или стилистического соответствия, либо, напротив, вследствие их расхождения. Так, в «Смерти поэта» на традиционные в поэтическом словоупотреблении сочетания ложится основная эмоциональная нагрузка: «мирных нег», «свет завистливый и душный», «сердца вольного», «пламенных страстей». Здесь и традиционные стилевые оппозиции:

И прежний сняв *венюк* — они *венец* терновый...

Нередко слова скапливаются в контрастные группы, в которых смысл целого превышает значение каждого отдельного слова, приобретающего в сочетании не свойственный ему ранее оттенок. Например, «напрасно и вечно» ощущаются неразъемной парой. Слова здесь сближены не по прямому контрасту (мгновенно и вечно), а по особому: напрасное желание обесмысливает вечное, придавая всему сочетанию трагическое значение. Слово *вечно* для романтика глубоко интимно, поскольку с вечностью ассоциирована неистребимость душевных порывов. У Лермонтова *вечно* теряет высокий ореол, становясь знаком неотступной тоски, несовершенных, хотя и необъятных желаний. *Напрасно* и *вечно* принадлежат при этом к разным стилевым пластам. *Напрасно* — слово обиходное, бытовое, тогда как *вечно* — книжное. *Напрасно* воспринимается как «прозаизм», *вечно* — как «поэтизм», но поставленные рядом, они стилистически уравнивают друг друга.

Лермонтов опирается не на внутренние метафорические и ассоциативные возможности словосочетаний, заключенные в них, а предельно выявляет выразительность отдельных слов и словосочетаний. Ему важна не столько игра смыслов внутри сочетаний, сколько их противоречивое единство в его совокупности, как целое.

У Пушкина в стихотворении «Чаадаеву» есть строка:

Знакомых мертвецов живые разговоры...

«Мертвецы» здесь — «духовные мертвецы», а вовсе не реальные, не настоящие. Поэтому и возможно сказать «знакомые мертвецы», а следовательно и услышать их «живые разговоры». Вся фраза расчленяется на множество смыслов: знакомых — мертве-

цов, мертвецов — разговоры, мертвецов — живые. У Лермонтова иначе:

Знакомый труп лежал в долине той...

Сон

«Знакомый труп» — не метафора. Однако необычность этого сочетания заключена именно в его целостности. Лермонтов стремится к сращению определяемого слова с определяющим, которое и выступает знаком своеобразного мировосприятия. «Труп» «знаком» не среди других, незнакомых трупов; не на их фоне, а своей уже известной и давно напророченной судьбой. Метафорическому выражению поэт возвращает реальный смысл.

Лермонтов закрепляет устойчивое экспрессивное наполнение в словах и сочетаниях, соотносимое как с текстом данного стихотворения, так и с лирикой во всем ее объеме. Отсюда обилие самоповторений, переосмысление уже готовых поэтических формул, тяга к афористической речи, где неотрывность сочетаний предельно очевидна и художественно значима:

С этим связаны две противоречащие друг другу тенденции. С одной стороны; крайняя неприязнительность в выборе определений; которые будто бы всецело предметны и даже нарочито неизобразительны. Например, в стихе «И белой одежды красивые складки» определение *красивые* слишком общее. И таких «проектных» определений поэт не избегает: *вороной конь* («Араб горячил вороного коня»); *Три пальмы*; *зеленые ветви*; *зеленые листья*: («С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская; На ветвях зеленых качаются райские птицы». «Листок»; «Хранимый под сенью зеленых листьев». «Три пальмы»); *высокая чинара* («И странник прижался у корня чинары высокой». «Листок»); *знойные лучи* («От знойных лучей и летучих песков»; «И стали уж сохнуть от знойных лучей...». «Три пальмы»):

Сюда нужно отнести и фольклорные образы: *черноглазую девицу*, *черногривого коня*, *месяц ясный*, *буйную думу*, *широкое поле* и пр. В зрелой лирике также заметно пристрастие к предметности: *проселочным путем*, *спаленной живицы*, *полное гумно*, *с резными ставнями окно* и т. д. С другой же стороны, — изощренная и утонченная живопись: *прозрачный сумрак*, *румяный полусвет*, *румяным вечером*, *степью лазурною*, *цепью жемчужною*, *влажный след*, *жемчужного фонтана*; напряженность психологических состояний — *позора мелочных обид*, *жалкий лепет оправданья*, *известной подлостью прославленных отцов*, *бренной мысли раздраженья*, *любви безумного томленья*, *немых страданий* и т. д.

На фоне эмоционально окрашенных эпитетов и сочетаний «предметные» образы, повторяясь, кочуя из стихотворения в стихотворение, наполняются экспрессией. «Зеленые листья» —

не простая регистрация цвета листьев, но и обозначение жизненности, молодости, «здоровья», а «знойные лучи» — не столько жаркие, сколько губительные. И это второе эмоциональное значение выдвигается на первый план.

Стремление Лермонтова к выделению отдельных слов и словосочетаний находится в прямой зависимости от интонационной структуры стиха, способствующей более полному выявлению выразительности всего контекста и одновременно принципиальному выделению в нем слова или словосочетания. С одной стороны, Лермонтов культивирует ораторско-декламационную интонацию, создаваемую патетическими формулами и сравнениями, развернутыми и подчас непосредственно не связанными с логическим содержанием, но эмоционально намекающими на состояние души лирического героя и поясняющими ее:

Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

«Расстались мы, но твой портрет...»

Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

«Гляжу на будущность с боязнью...»

Такого рода интонации всегда исключительно напряжены, и стиховая речь благодаря им движется в убыстренном темпе, а один образ сменяется другим.

С другой стороны, ораторской интонации противостоит «музыкальность». Классический пример — «Когда волнуется желтеющая нива...» с типично мелодической композицией, представляющей единый синтаксический период. Лермонтов стремится к слиянию напряженности и «музыкальности», сопрягает мелодичность с рассказом. В «Тамаре» напевность явно конфликтует с трагическим содержанием, с острым сюжетом. Сладостная и щедрая звукопись передает эмоциональный фон, атмосферу таинственной прелести и очарования. Контекст организуется мелодически, в нем акцентируются наиболее значимые сюжетные и характеристические моменты:

Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале...

Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла...

В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть...

Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон...

Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну.

Расслабленная, как бы «усыпляющая» мелодия скрывает напряженную ситуацию. «Сладость» звуков — в дисгармонии с содержанием целого.

Напряженность и мелодичность — два полюса, между которыми располагаются промежуточные типы интонаций. Вместе с тем ораторская интонация, как и напевная, может приобретать и разговорный характер. Так, в стихотворении «Валерик» она утрачивает свою обычную патетичность:

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию — но вас
Забыть мне было невозможно.

Интонационное разнообразие стиховых форм направлено на создание психологически конкретного облика лирического героя, на индивидуализацию его переживаний.

В устойчивых и повторяющихся словесных образах, намеренно выделяемых и представляющих собой противоречивое семантико-стилистическое единство, Лермонтов утверждает единый, глубокий лирический характер. Светлое сознание, торжествующее в завершенности стихотворных форм, уравнивает противоречивость переживаний. В таком взгляде на поэзию Лермонтов и расходится с Пушкиным, и продолжает его.

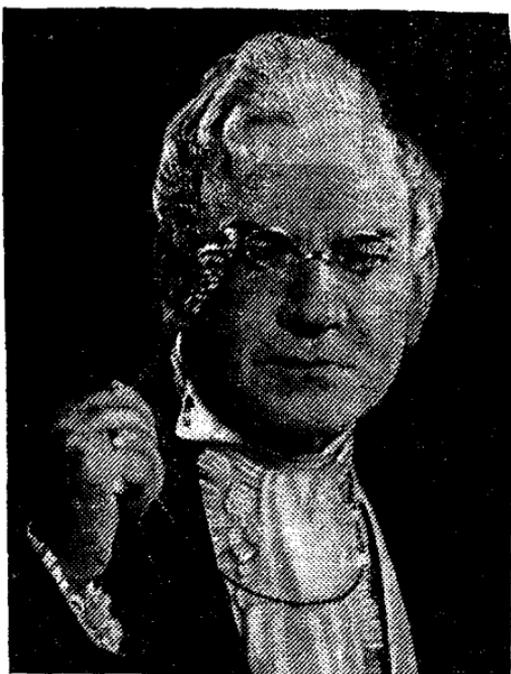
В. И. КОРОВИН

Рисунок Ю. Космынина

В этом году
отмечается 165 лет
со дня рождения
М. Ю. Лермонтова.

Творческое
наследие поэта
велико и
разнообразно —
это поэзия,
проза, драматургия,
Лермонтовская
драма «Маскарад»
постоянно
в репертуаре
многих театров.
Она была
поставлена
и в академическом
Малом театре
в 1962 году.

Редакция
обратилась
к народному
артисту СССР,
лауреату
Государственных
премий СССР,
Герою
Социалистического
Труда
Михаилу Ивановичу
Цареву с просьбой
поделиться
с нашими
читателями мыслями
и чувствами,
которые вызывает
у него творчество
М. Ю. Лермонтова
и, в частности,
драма «Маскарад»,
где он блестяще
исполнил роль
Арбенина.

Драма «МАСКАРАД» АРБЕНИН — М. И. ЦАРЕВ

— Чем близок и дорог Вам, Михаил Иванович, М. Ю. Лермонтов? Какое место в Вашей актерской судьбе занимает его творчество?

— Поэзия Лермонтова поражает меня своей современностью, тем, что его стих — во времени, протестующий и волнующий до глубины души.

Я рано полюбил театр. Когда я учился в ревельской гимназии (теперь г. Таллин), то стремился посещать все спектакли, которые показывали присажные те-

атры, так как постоянного, к сожалению, в городе не было. И вот в один из сезонов я увидел лермонтовский «Маскарад», который на мое юношеское сердце произвел очень большое впечатление. Впоследствии в школе русской драмы при бывшем Александринском театре, теперь имени А. С. Пушкина, я видел «Маскарад» в постановке Мейерхольда и в декорациях А. Я. Головина, где главную роль, Арбенина, играл мой учитель, Юрий Михайлович Юрьев. Эта постановка мне, студенту театральной школы, тоже запомнилась. Очень захотелось самому сыграть роль Арбенина. Но эта мечта осуществилась не сразу. Сначала я играл князя Звездича с Ю. М. Юрьевым в полуконцертном исполнении драмы.

И вот, наконец, осуществилась моя актерская мечта сыграть Арбенина на сцене Малого театра. В 1962 году поставил драму Лермонтова «Маскарад» талантливый режиссер Л. В. Варпаховский.

В спектакле удачно была использована музыка С. С. Прокофьева. Запомнилось, как И. Стравинский, большой знаток театра, увидев наш спектакль, охарактеризовал его как спектакль не «малого», а «великого» театра.

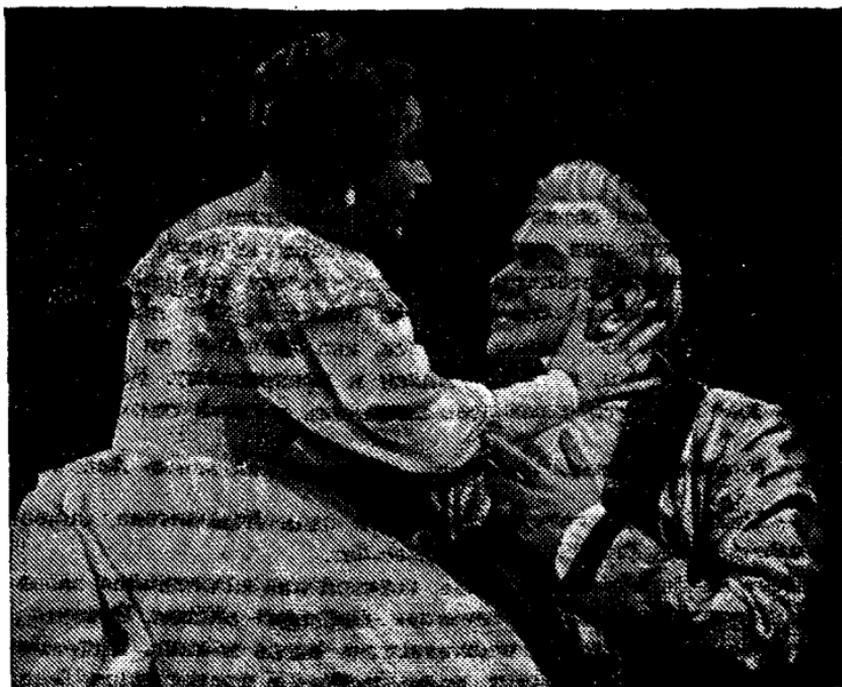
— *Чем привлекал Вас, Михаил Иванович, образ Арбенина?*

— По-моему, Арбенин — очень одаренный человек, наделенный сильной волей, незаурядным умом, мятежным духом. Но, связанный с великосветским обществом рождением и воспитанием, он тщетно стремился обрести независимость от него.

Чем жил и чем хотел быть счастлив Арбенин — об этом говорит друг его молодости Казарин:

Я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы...
Вот было время! Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино...
Беседа шумная, острот не перечесть;
Потом в театр...
.....
Вот пьеса кончилась, и мы летим стрелой
К приятелю... Взошли... игра уж в самой силе;
.....
Садимся мы... и загорелся бой!..

Окружающий мир оказался тесным и скучным для сильной

*Сцена из драмы «Маскарад»
Нина — К. Ф. Роев, Арбенин — М. И. Царев*

арбенинской природы. И в Арбенине пробудилось презрение к нему. Кто-то подал ему «совет лукавый» — жениться:

И я нашел жену — покорное создание.
Она была прекрасна и нежна;
Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся;
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидел, что я её люблю,
И — стыдно молвить, — ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь...

Любовь к Нине превратилась для Арбенина в целый мир.

Все, что осталось мне от жизни, это — ты:
Созданье слабое, но ангел красоты!
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек, пока они мои;

Без них — нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!

Пеленая случайность заставляет Арбенина заподозрить свою жену в неверности. Рушится и этот мир, ограниченный его любовью. Отсюда и трагическая развязка: погубив любимую, он сам лишается рассудка.

Итак, создавая образ Арбенина, я стремился передать не какие-то злодейские или шулерские его черты, которые выделялись некоторыми исполнителями-актерами, это все побочно, а основное — протест против общества того времени. Мне кажется, что в той среде, где жил такой человек, как Арбенин, он не мог не кончить трагически, хотя стремился к прекрасному. Вот это хотелось мне пронести через весь спектакль в своей роли.

— Как Вы, Михаил Иванович, работали над речью Арбенина?

— Меня всегда поражал стальной стих Лермонтова, емкость его поэтической строки, звенящий ее бег.

Поэт находит в слове грань, которой оно неожиданно засверкает, обнаруживает в нем энергию, открытую стихом. Эпитеты и сравнения у Лермонтова неожиданные, очень меткие. Например: душу *мертвую*; опять мечты, опять любовь в *пустой* груди бушуют на просторе; *скупная* свобода; я рожден с душой *кипучей*, как *лава*.

Играя пьесы в стихах, в частности, «Маскарад», я следил, чтобы стих звучал ритмично, в дополнение характеристики персонажа.

Всеми поступками Арбенина руководит страсть. Он говорит страстно, эмоционально. В его речи много восклицательных и вопросительных предложений, стих прерывист. Например, диалог Нины и Арбенина:

Н и н а:

Не подходи... О, как ты страшен!

А р б е н и н:

Неужели?...

Я страшен? Нет, ты шутишь: я смешон!

Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,

Бледнеть и трепетать? Скорее! где же он,

Любовник пламенный, игрушка маскарада?

Пускай потешится, придет...

Лермонтовский стих, на мой взгляд, очень музыкален. Я придавал большое значение правильной расстановке ударения, мелодичному звучанию фразы, придерживался цезуры в конце строч-

ки, или, если это полагается, в середине ее. Все это очень важно. Чтобы верно передать глубокое содержание поэтического произведения, необходимо сохранить внешнюю поэтическую форму, в которую поэт облакает свои мысли, свои переживания.

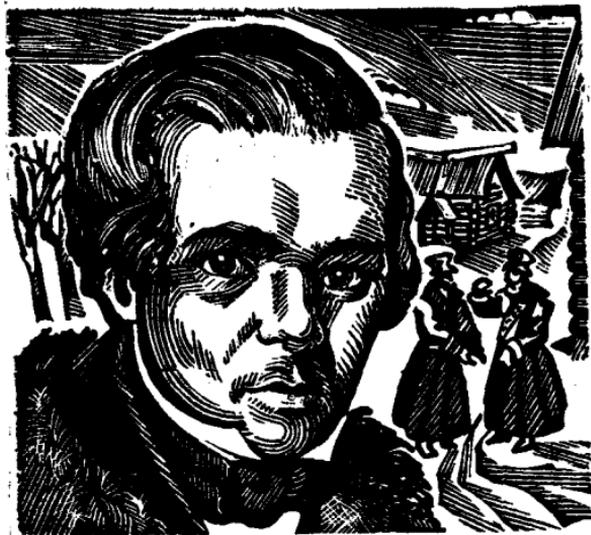
— Михаил Иванович, известно, что Вы выступали в концертах с лермонтовскими чтениями. К каким произведениям поэта Вы обращались?

— Да, мне приходилось готовить целые лермонтовские вечера — выступления на концертной эстраде. Я читал «Мцыри» целиком и фрагментами. Кроме того, много стихотворений разных лет. И что меня поражало в стихах, а я стремился это выделить и подчеркнуть — чувство неудовлетворенности и отсюда протест против окружающего общества. Даже в таком стихотворении, как «И скучно, и грустно», на мой взгляд, сильнее лирической ноты нота протестующая, и это я пытался передать, читая Лермонтова.

Интервью взяла М. А. Галманова

Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет; им все доступно, все понятно; они на все откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни; он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе — в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни...

В. Г. Белинский

«ПОЭТ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ТРУДА»

Алексей Васильевич родился, прожил всю жизнь и умер в Воронеже. Отец его был прасолом (торговцем скотом). Кольцов, разъезжая по делам отца и непосредственно общаясь с народом, проникся к нему глубоким уважением и сочувствием.

Главным жанром его поэзии были песни, где, по словам Белинского, талант Кольцова выразился во всей своей полноте и силе.

Песни Кольцова отличают народность, самобытность, реализм.

По признанию Добролюбова, «Кольцов первый стал представлять в своих песнях настоящего русского человека, настоя-

Имя Алексея Васильевича Кольцова, самобытного русского поэта, одного из классиков русской литературы по праву называют рядом с именами Пушкина и Лермонтова. Характеризуя русскую поэзию первых лет послепушкинского периода, Чернышевский писал: «Явились Кольцов и Лермонтов. Все прежние знаменитости померкли перед этими новыми» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, с. 181).

щую жизнь наших простолюдинов, так как она есть, ничего не выдумывая» (Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, т. I, М., 1950, с. 159).

Центральное место в поэзии Кольцова занимает тема труда, недаром его называли «поэтом земледельческого труда» (Г. Успенский). Этой теме посвящены лучшие произведения Кольцова «Песнь пахаря», «Косарь», «Урожай» и другие.

Рисую светлые картины сельской природы, Кольцов отнюдь не идеализировал крестьянскую жизнь, как это делали поэты-сентименталисты, а правдиво рассказывал о тяжелой крестьянской доле, неизбежной бедности и нужде. Об этом свидетельствуют названия многих его песен: «Горькая доля», «Раздумье селянина», «Горе», «Переputье», «Доля бедняка» и другие.

Кольцов любил свой народ, хорошо знал его душевный склад и характер. Поэтому бедняк Кольцова не только грустит, но готов «пред бедой за себя постоять»:

И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

Путь

В связи с этим Белинский писал: «Грусть русской души имеет особенный характер ... Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова, 1900-1917, т. VI, с. 477).

Певец народной жизни, Кольцов живописал ее средствами народного языка. «Песни Кольцова писаны особенным размером, близким к размеру наших народных песен, но гораздо более правильным. В них большею частью нет рифмы, а если и есть, то всего чаще через стих. Язык Кольцова совершенно простой, народный» — писал Н. А. Добролюбов (Собрание сочинений, т. I, М. 1950, с. 168). Избрав в качестве основных объектов своего творчества труд и быт крестьянина-пахаря, Кольцов использует соответствующую лексику: *степь, поля, пашня, покос, жатва, зерно, рожь, овес, колос, сноп, скирды, серп, коса, плуг, соха, борона, хуторок, село, избышка, курень, крыльцо, овин, закрома, гумно, косцы, мельник, кум, мужичок, кафтан, лаптишки, онучи, каша, сало, брага, конь, лошадка, коровы, волю.*

Народность языка поэта особенно ярко проявилась в том, что он в совершенстве владел арсеналом художественно-языко-

вых средств русского фольклора. Они органически вошли в языковую систему его поэзии.

Для творчества Кольцова характерно использование обширного, специфически фольклорного, лексического пласта: героями целого ряда его произведений являются *молодец* и *девица*, их родители *батюшка* и *матушка*; персонажи его произведений живут *в тереме*, *суженая* сидит *в светлице* и т. д. Очень широко представлены в произведениях поэта фольклорные сочетания с постоянными эпитетами: *молодец* у него — *добрый* или *удалый*, *девица* — *красная*, *друг* — *милый*, *люди* — *добрые*, *очи* — *ясные*, *брови* — *черные*, *голова* — *буйная*, *слезы* — *горючие*. *Высокий* терем, *каменные* палаты, *широкий* двор, *тесовые* ворота, *чистое* поле, *сырая* земля, *быстрая* река, *синее* море, *буйные* ветры, *темные* тучи и т. д.

Прилагательные в этих сочетаниях у Кольцова, как и в народной поэзии, нередко выступают в краткой форме: *добру* молодцу, *молода* жена, *ясны* очи, *дубовы* столы, *светла* горенка, *широка* степь.

С тем же лексическим наполнением, что и в народной песне, или новым, но по образцу народно-песенных строятся у Кольцова и сочетания с приложением: *мать-земля*, *земля-матушка*, *Волга-матушка*, *дубрава-мать*, *судьба-мачеха*, *душа-девица*, *душеньки-подруженьки*, *любовь-душа*, *кормилица-ржица* и т. д.

Вслед за народной поэзией Кольцов широко употребляет различные синонимические сочетания, заимствуя их непосредственно из фольклора или создавая по образу и подобию фольклорных сочетаний: *грусть-тоска*, *горе-нужда*, *загрустить-запечалиться*, *сокрушаться-мучиться*, *сохнуть-вянуть*, *тошно-грустно*, *радость-веселье*, *путь-дороженька*, *ворожить-гадать*, *гулять-бражничать* и т. д. Например:

Пала *грусть-тоска* тяжелая
На кручинную головушку...

Измена суженой

С той поры я с *горем-нуждою*
По чужим углам скитаюсь...

Деревенская беда

Часто в творчестве поэта встречаются и тавтологические сочетания: *горе горькое*, *воля вольная*, *зима-зимская*, *ум-разум*, *думать думушку*, *полным-полна*.

Яркой приметой фольклорно-языкового строя, восходящей к разговорно-речевым образованиям, являются построения, в

которых отношения между целым и его частью выражаются употреблением двух имен в одной падежной форме: петушок — золотой гребешок, олень — золотые рога, башмачок — окованный каблучок и т. п. Так, в фольклоре достигается подчеркивание художественного признака.

Подобные или близкие к ним конструкции мы находим и в песнях Кольцова: *степь-трава, заря-вечер, непогода-ветер, ветер-холод, туча-буря, дуга-радуга, кручина-дума, любовь-тоска, двор — крыльцо* и т. д.

К фольклорно-языковой традиции восходит и использование поэтом обращений. Идущее от народной песни обращение к неодушевленным предметам, природным явлениям играет у Кольцова немалую роль в поэтизации труда русского крестьянина и окружающей его природы. Нередко цепь таких обращений оказывается структурной основой целой поэтической картины, например:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!..
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошбная;
Поклонись, цветы,
Головой к земле!..

Косарь

В песнях Кольцова мы встречаем стилистические средства, характерные для фольклора. Это и синтаксический параллелизм:

Расступитесь, леса темные;
Разойдитесь, реки быстрые;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мне вестку, моя пташечка!

«Расступитесь, леса темные...»

и позиционный повтор:

*Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь и лес,
Дорогая жизнь, весь белый свет!*

Военная песня

суффиксы субъективной оценки, преимущественно уменьшительно-ласкательные:

...Из большого леса
Солнышко выходит(...)
Пашенку мы рано
С сивкою распахем,
Зернышку соготовим.
Колыбель святую...
Песня пахаря

Лиха-беда в землю
Кормилицу-ржицу
Мужичку закинуть...
Собрать хлебец с поля...
Размышление поселянина

и двупривставочные глаголы, и глагольные формы с суффиксами многократного действия:

Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась...
Урожай

На селе своем жил молодец,
Ничего не знал, не ведывал...

В день воскресный, с утра до ночи,
В хороводе песни игрывал...

Деревенская беда

Творческое использование языка и стиля русского фольклора придало поэзии Кольцова яркую самобытность. Белинский писал о Кольцове, что «лучшие его песни представляют собою изумительное богатство самых роскошных, самых оригинальных образов в высшей степени русской поэзии. С этой стороны язык его столько же удивителен, сколько и неподражаем» (В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. III, М., 1948, с. 140). Кольцова мы безошибочно узнаем по одной-двум строкам из его песен. Песни Кольцова, глубоко народные и в то же время неповторимо самобытные по своему содержанию, интонации, языку и стилю, навечно оставили имя воронежского поэта в русской литературе.

Е. Б. АРТЕМЕНКО, С. Г. ЛАЗУТИН
Воронеж,
Рисунок Ю. Космынина

О НАРЕЧИЯХ
В ПРОЗЕ
И.А.БУНИНА

В ПОИСКАХ ТОЧНОГО СЛОВА.

Творческое наследие Ивана Алексеевича Бунина, русского прозаика и поэта конца XIX — первой половины XX века, вызывает огромный интерес у современного читателя. «Перо Бунина, — отмечал замечательный советский поэт А. Твардовский, — ближайший к нам по времени пример подвижнической выскательности художника, благородной сжатости русского литературного письма, ясности и высокой простоты, чуждой мелко-травчатым ухищрениям формы ради самой формы» (А. Твардовский. О Бунине). Эти качества бунинских произведений — результат большой любви писателя к родному языку, кропотливой работы над каждой фразой, над каждым словом. Они также порождены способностью писателя тонко подмечать, что в языке открывает простор различным новообразованиям и что в нем выкристаллизовалось, «застыло».

К числу активных элементов в языке относятся качественные наречия. Как указывал В. В. Виноградов в книге «Русский язык», «круг наречных образований на -о, -е в русском литературном языке продолжает расширяться... Очень продуктивен и другой морфологический тип наречий: на -сти, -чи» (М., 1972, с. 277 и 278). Вступая в определенные смысловые отношения с прилагательными, качественные наречия нередко развивают значение меры, степени признака, например: *безобразно толстый, удивительно добрый, первоначально грубый, варварски жестокий*.

Отдельные словосочетания прилагательных с качественно-количественными наречиями зафиксированы в художественных произведениях русской литературы начала XIX века; они представлены в произведениях Карамзина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова... В дальнейшем их употребительность все возрастает, заметно расширяется и самый круг наречий, в них представленных» (см.: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, с. 364—365).

В прозе И. А. Бунина весьма многочисленны словосочетания данного типа, в которых отражена общезыковая тенденция к развитию у качественных наречий количественного значения: «Как прекрасна, как *девственно богата* эта страна!» (Новая дорога); «И *ослепительно ярка* синяя лента неба над толпой и коридором домов» (Тень птицы); «На горячих дорожках млели, цепене-ли *сказочно разноцветные бабочки сказочно богатых рисунков*» (Свет Зодиака); «...женщины, шлепающие по грязи, под дождем с черными раскрытыми головами,— [казались] *безобразно коротконогими...*» (Господин из Сан-Франциско); «Мисс была *ужасно бледна*» (Господин из Сан-Франциско); «Художник, ростом невысокий, *юношески легкий* вопреки своему возрасту...» (Безумный художник); «Я воротился *смертельно усталый*», «...не мог поверить, что она оказалась столь *каменно жестокой*», «...он был... *сказочно упитанный младенец*», «Она была *остро черноглаза*» (Жизнь Арсеньева); «Усадьба и деревня его казались *безнадежно бедны и грубы*» (Таня).

Качественно-количественные наречия выполняют две функции: указывают на степень признака и передают отношение автора или действующего лица к этому признаку. Если в значении наречия элемент, выражающий отношение к признаку, подчеркивается, то количественная характеристика признака несколько ослабевает: *юношески легкий, безобразно коротконогий, остро черноглазый*. Если же в наречии часть со значением качества не выделяется, а как бы сливается с количественной, то степень признака, который обозначает прилагательное, воспринимается более усиленной: *сказочно упитанный, ослепительно яркий, ужасно бледный, смертельно усталый*.

Как показывают архивные материалы, И. А. Бунин постоянно шлифовал язык своих произведений. В рукописях, корректурных листах, на страницах различных изданий его сочинений можно обнаружить многие уточнения, которые вносил в текст писатель. Например:

«Казалось бы, ужаснуться должен был я, с рожденья до сей минуты пользовавшийся *полнейшей* свободой и вдруг ставший *рабски несвободным*, отпущенным на свободу только на три недели...» (Жизнь Арсеньева), было: «...пользовавшийся *полной* свободой и вдруг ставший *несвободным...*». Наречие *рабски* прежде всего активизирует количественную характеристику прилагательного *несвободный*. Это связано с образованием от прилагательного *полной* формы превосходной степени *полнейшей*. Так достигается соответствие антонимичных по значению словосочетаний *полнейшей свободой* и *рабски несвободным*. Кроме того, в контексте

устанавливается смысловое равновесие между словосочетаниями, с одной стороны, и глаголом *ужаснуться*, с другой.

«— И вечер-то наш,— летний, душевный и такой *анафемски скучный!* — раздраженно говорит он...» (Соотечественник), было: «— И вечер наш,— летний, душевный и какой-то пустой и *скучный*, *скучный* вечер,— прибавил он...». Включение в текст наречия *анафемски* упрощает повествование и делает характеристику признака *скучный* более выпуклой и ясной.

«А он вынул жребий *необыкновенно счастливый*» (Соотечественник), было: «А он ведь сразу вынул *счастливый жребий*» (Трифон Чуев), «А он вынул жребий *очень счастливый*» (Изотов). Подчеркнутая рельефность, интенсивность признака прилагательного *счастливый* передается с помощью качественно-количественного наречия *необыкновенно*, использованного Буниным вместо наречия меры *очень*. Слово *необыкновенно* сделало стилистически нецелесообразным употребление слов *ведь сразу*, выражающих излишнюю авторскую категоричность в характеристике сообщаемого.

«Известно лишь то, что укус ее *огненно жгуч* и с головы до ног пронзает все тело человека несказанной болью...» (Братья), было: «А укус тот *нестерпимо жгуч* и *быстр* и с головы...». Замена *нестерпимо* наречием *огненно*, писатель добивается большей конкретности в значении прилагательного *жгуч*, а также сокращает повествование — снимает прилагательное *быстр*. Наречие *нестерпимо* употребляется в двух значениях: одно из них служит для передачи количественной стороны признака, другое — качественной. При этом качественное значение отражает особенности прилагательного *нестерпимый*, определяющего состояние человека. Наречие *огненно* в отличие от наречия *нестерпимо* характеризуется большим смысловым объемом: во-первых, оно имеет элементы прямого значения (то, что воспринимается прежде всего через осязание и в какой-то мере зрительно); во-вторых, развивает в результате метафоризации значение качества, которое передает скорость восприятия признака (укус мгновенно пронзает тело человека несказанной болью); в-третьих, на базе всего этого возникает основное, количественное значение.

Итак, в качественных наречиях, используемых И. А. Буниным, достаточно широко отражен процесс формирования значений меры, степени. Качественно-количественные наречия, как видно из приведенных примеров, служат весьма эффективным средством для художественно точной характеристики признаков, обозначенных прилагательными.

В. С. СИДОРЦ

Мозырь

Рисунок С. Гавриловой

Живое слово уральцев

в произведениях
Бажова

Павел Петрович Бажов — один из немногих замечательных советских писателей, работавших в редком жанре «фольклорного» сказа. Произведения П. П. Бажова, обладая высокими художественными достоинствами, оказываются и ценным историко-этнографическим источником, который дает читателю представление о рабочем фольклоре старого Урала, до сих пор мало изученном. Творчество П. П. Бажова характеризует его и как писателя, и как исследователя народного быта, этнографа.

Бажов обращает пристальное внимание на обычаи рабочего люда, его поверья, заговоры, исторические предания, особенности говоров, распространенных в пределах Урала. По словам самого автора, он «восстанавливал» устные рассказы, которые слышал в дни своей молодости, и вносил в них индивидуально-творческое начало.

В сказах П. П. Бажова «народный рассказчик» обычно не сопровождает пояснениями названия предметов местного быта. В таких случаях большую комментирующую роль играет контекст. Объяснение отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в сказах, можно найти и в словаре, которым Бажов сопровождал свои произведения и который органично включался в целостную композицию сборников его сказов.

В сказе «Синюшкин колодец» встречается слово *зипун*: «Надел потом шапку да зипун и пошел на прииск». О том, что такое зипун, в общих чертах становится ясно из контекста. Более конкретное описание зипуна содержится в повести Бажова «Через между»: «...взглянула на развешенную по гвоздям одежду, среди которой центральное место занимал зипун из домотканного сукна». В говорах Пермского края слово *зипун* зарегистрировано на обширной территории. В большинстве лексикографических источников указано, что оно известно говорам «пермским». Уточняющие же географические пометы отсутствуют. Интересно, что в уральских говорах разные виды зипунов имели различные названия — *крытик*, *тяжелко*, *чекмень* и др. Некоторые диалекто

логи и этнографы предлагали более или менее детальное описание этого предмета. В. И. Даль, не указывая географической паспортизации слова *зипун*, истолковывал его в связи со словом *пониток* («зипун, сермяга, рабочий кафтан») как «домотканное полусукно». Например, в сказе «Каменный цветок»: «Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся»; и там же: «Кто пониточек починит, кто холста на онучи отрежет». И здесь контекст дает достаточное представление о том, что *пониточек* есть предмет одежды.

Бажов не употреблял *зипун* вместо *пониточек* и наоборот, что указывает на реальное различие называемых предметов по форме покроя, по качеству материала и другим признакам.

К той же группе названий предметов одежды относится и слово *яга*. В сказе «Сочевы камешки»: «Ты эту *ягу* надень и с себя не снимай...». Слово *яга* не входит в лексику литературного языка. Оно характеризуется как «областное» (Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах). Окружающие его в контексте слова мало ориентируют читателя в том, что это за предмет, тем более что слово *яга* широко известно только в сочетании «баба-яга». Но последующий текст («яга собачья... вся в дырках»; «в Петровке ягу надел» и др.) позволяет догадаться, что *яга* — теплая верхняя одежда, шуба. В словаре к сказам Бажов дал такое истолкование: «яга — шуба из собачьих шкур шерстью наружу; такая же шуба из оленьих, козьих, жеребковых шкур называлась дохой». Писатель, очевидно, считал, что яга отличается от дохи, прежде всего тем, что ее шили из собачьих шкур. Так, у Мамина-Сибиряка в рассказе «В глуши» встречается выражение «собачья яга»; у уральского писателя Бондина: «...кутался в черную собачью *ягу*» («Повести и рассказы», 1949). Но употребление этого слова с определяющим прилагательным *собачья* указывает, что яга бывает сделана и из другого меха. В пермских говорах *яга* — всякая «шуба, обращенная мехом на лицевую сторону», а в говоре шадринском *яга* — одежда из козьих или собачьих шкур мехом вверх. В. И. Даль при этом слове дает пометы «сибирское», «оренбургское».

Слово *малахай* в Словаре русского языка АН СССР квалифицируется как «областное». Оно достаточно широко известно и понимается как предмет одежды, но не каждый в состоянии определить, какой именно. Это слово встречается в литературе и как название «большой шапки на меху с большими наушниками», и как название «верхней одежды в виде широкого кафтана без пояса». У Бажова *малахай* используется в первом значении: «Не раз у матери припрашивал: „Ты бы, маменька, сшила мне новую шапку! Слышишь, люди меня Шапочкой зовут, а у меня

тятин *малахай*, да и то старый“» (Голубая змейка). Здесь смысл слова ясен из контекста, и у Бажова не было необходимости давать ему лексикографическое истолкование. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» указывал на «восточные» говоры, где известен *малахай* в значении «большая, ушастая (или с лопастями) шапка на меху; две лопасти кроют щеки, одна затылок, небольшая, четвертая — лоб». Тот же предмет в некоторых говорах Пермского края называют *чебак* (Даль отметил его на пермской, архангельской, вологодской, сибирской территориях).

Запон. В словаре к сказам Бажов дает такое пояснение этому слову: «запон, запончик — фартук, фартучек». Например, в сказе «Каменный цветок»: «Данилушко *запончик* надел...». Но в повести «Зеленая кобылка»: «...какой-то... старичина в синей полинялой рубахе, в длинном холщовом фартуке». И там же: «Не видишь — старик в пимах, в *запоне*». Подробное описание предмета паходим в книге «Были горы Высокой»: «В горняцком быту фартук с нагрудником назывался запоном. Он служил для того, чтобы брюки не рвались от лопаты, чтобы не сыпалась за голенища земля и чтобы вытираться им взамен полотенца».

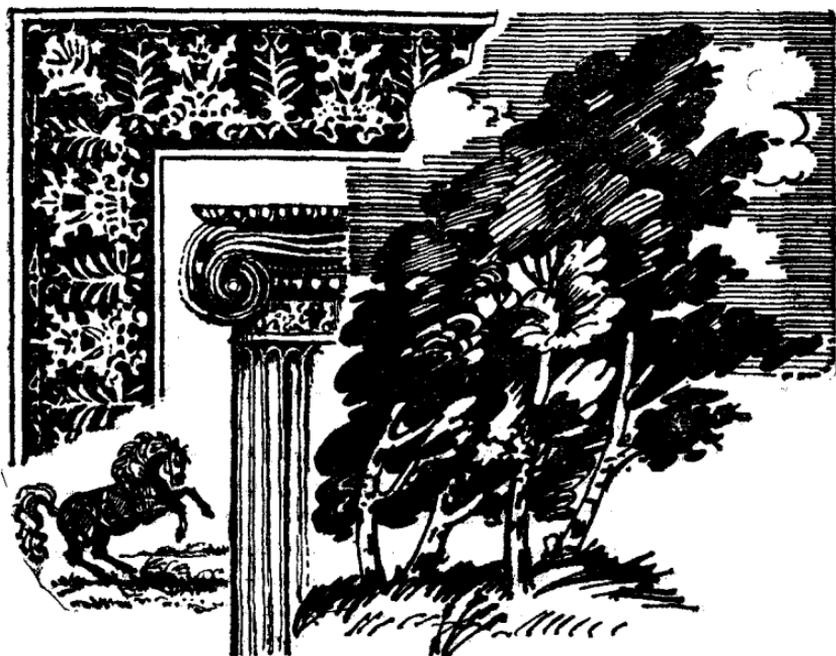
Слово *пимы* обозначает вид обуви. Пимы на разных территориях различаются по форме и материалу. У Бажова: «Шубу ему Прокопьяч справил... пимы на заказ скатал» (Каменный цветок); «И об одежонке ребячьей Катя заботилась... пимёшки там, шубейка и протча» (Хрупкая веточка); «Надел тут Федюня пимишки...» (в сказе «Огневушка-Поскакушка»). О том, что Бажов вне произведений сказового жанра пользовался словом *пимы* наряду с *валенки*, говорят его «Уральские были»: «... в *пимах* с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке быстро шел „мастерко“ по заводским улицам». Отмеченная здесь деталь — деревянные колодки — указывает, что это обувь рабочего «кричного производства (получение железа различными способами обработки руды или чугуна, мнущая доменную печь) и вообще горячих цехов, где ходили обычно в валеной обуви с подвязанными внизу деревяшками-колодками» (П. П. Бажов. Словарь к сказам). В словаре «пимы — арх., пермск., сиб. — сапоги из оленьих камысов (шкуры с ног), шерстью наружу; есть с долгими голенищами и вполъкры (полуголяшки), вроде ичиг; валенки, катанки (войлочные), обшитые кожей или холстом;... оренб. вязаная шерстяная обувь, с подшитыми подошвами». О широкой известности на Урале и в Сибири слова *пимы* — «валенки» писали многие исследователи, указывавшие на его принадлежность к северновеликорусским говорам. На территории пермских диалектов отмечено повсеместное

бытование существительного *пимы*. В некоторых районах бывшей Пермской губернии тот же предмет (иногда в несколько ином виде) назывался, наряду с общеупотребительным *пимы*, такими словами, как *тюни*, *катанки* или *няры*.

Слово *бахила* (*бахило*) приведено Бажовым не в связи с описанием одежды персонажа и не включено в словарь к сказам как широко известное на уральской языковой территории. В сказе «Чугунная бабушка» читаем: «На дядю Васю глядя, другие заводские мастера осмелели — тоже принялись лепить да резать, кому что любо. Подставку, скажем, для карандашей вроде рабочего бахила, пепельницу на манер капустного листа». В. И. Даль утверждал, что *бахилы* (крестьянские) распространены в говорах «северных» и «восточных» как название «общей во всей Сибири рабочей обуви». Любопытно, что оно проникло в письменную речевую практику вследствие его общепринятости у местного населения (ср. название книги «Сапожно-бахильное производство в Пермской губернии». Пермь, 1913). Бажов отдал предпочтение слову *бахилы* и не использовал эквивалентное ему, но менее распространенное название того же предмета — *чарки* или *чары*, также бытовавшее в говорах Урала и Сибири; ср. также пермск. *улеи* — ‘род сапог, бахил’; *бродни* — ‘бахилы’ (там же).

Представленная в бажовских сказах лексика оказывается широко распространенной на территории Пермского края, о чем свидетельствуют многочисленные диалектологические источники. Она дает этнографам ценный материал для исследования культуры уральской рабочей среды конкретного исторического периода. П. П. Бажов считал наличие бытовых деталей необходимым компонентом художественного произведения. В письме к Е. Пермяку он писал: «В отношении историко-этнографическом, видимо, я безнадежен, так как считал и продолжаю считать, что художественная правда полноценна лишь при условии, что она дается с основными признаками места и времени». Осведомленность в уральском фольклоре, знание местных диалектов и условий быта уральской горнозаводской среды получили яркое отражение в сказовом творчестве П. П. Бажова. Документальная точность воспроизведения Бажовым языка горнозаводских рабочих старого Урала позволяет считать использованные в сказах диалектизмы и этнографическую лексику не менее надежным материалом, чем тот, какой собирают диалектологи. Вот почему составители «Словаря русских говоров Среднего Урала» (Свердловск, 1964, т. 1) с полным основанием включали в круг источников этого лексикона диалектизмы, представленные в произведениях Павла Петровича Бажова.

Е. В. КЛЮЕВ

Ты, березонька,
рябая,
Черно-пегая моя...»

Илья Львович
Сельвинский,
русский
советский
писатель,
оставил
заметный след
в советской
литературе.
У него был
свой,
неповторимый
язык,
отличавшийся
самобытными
выразительными
средствами.

В поэтических произведениях И. Сельвинского заметен интерес к индивидуально-авторским метафорическим сложным эпитетам: *закатно-красный шиповник, эстрадно-ресторанный пейзаж, беломедвежья дохи, папаримские земелья, зеленоваго-ледяные*

очи, медно-зеленые шеломы, осенне-зорюк взгляд, красно мехий рыцарь, меднобронный Рим, толповолос язык, пламенно-мягкие кисти, белонегрый красавец и другие.

Необычность комбинации языковых элементов придает эпитету новизну, диковинность, тем самым отражая индивидуально-авторское восприятие и воспроизведение действительности.

*

Сложные авторские эпитеты у поэта удивительно точны, эмоциональны, многоцветны. И. Сельвинского можно назвать поистине «стрелоокиим», так как он обладает необычайно острым поэтическим видением мира. Тонко чувствуя малейшие оттенки значений слова, он заставляет читателя услышать его в разных контекстах по-новому. Сравните:

Но возьми моё:
Оно [джубе] в рубцах.
Черно-пего от ран.

Орла на плече носящий

Ты, березонька, рябая,
Черно-пегая моя.

«Ты, березонька, рябая...»

С детских лет мы привыкаем к тому, что в художественной литературе берега всегда белоствольная. Сельвинский же назвал ее черно-пегой, обратив наше внимание на то, что еще не было замечено, обозначено словом.

Поэзия И. Сельвинского полна таких находок. Поэт неожиданно для читателя соединяет, казалось бы, разные по семантике слова. Сравните: зеленовато-ледяные очи. Синонимическая связь метафор (зеленовато-ледяные) индивидуальна. Произошло осмысление подсознательно сложившейся ассоциации: зеленый цвет относится к холодным; ощущение холода усиливается комбинацией смыслов: открыто названного (ледяные) и скрытого (зеленоватые). Таким образом, художник ищет новое на стыке двух эпитетов, рождая новый смысл.

Однако даже в поэтическом языке возникают ограничения в сочетаемости слов, которые подчас непреодолимы. Так, для читателя может оказаться непонятной метафора: закатный шиповник. Для того чтобы расширить границы поэтического мышления, И. Сельвинский прибегает к третьему, поясняющему, компоненту закатно-красный шиповник — и метафора стала несравненно богаче.

При сведении двух метафор в одну переносный смысл усиливается. Например, *звонко-пустое* золото (Алло, Русь!), *чопорно-дерзкий* петербуржец (Улялаевщина). Здесь оба эпитета равноценны: «не звонкое и пустое», а «хотя звонкое, но пустое». Так, возникает новая семантическая связь, которая иногда с трудом поддается словесному выражению.

Объясняя внутренние пружины творчества, И. Сельвинский писал в «Студии стиха»: «Искусство воспринимается не одним лишь рассудком, но чувствами, ассоциациями, рефлексамии, целым комплексом очень сложных ощущений, иногда подсознательных. Тем оно для человека и дорого, что вызывает в нем высокую волну духовной жизни, где есть все — от прямой логики до теней воспоминаний» (И. Сельвинский. Студия стиха. М., 1962, с. 110).

Так в рассматриваемом примере произошло осмысление подсознательно сложившейся ассоциации, что «чёпорный» и является где-то «дерзким». Сравните также: *мертвенно-звонкий* полёт (Улялаевщина); *обиженно-гордый* вид (Адам и Ева), *свинцово-оловянный* тон (Бетховен), *ласково-буйный* гром (Улялаевщина), *янтарно-прозрачные* рога (Алло, Русь!), *музыкально-редкий* цокот и звон (Улялаевщина) и другие.

*

Еще один путь создания сложных авторских эпитетов: предельное сжатие формы выражения метафорического смысла: *солнцеликий* Девлет (Ливонская война), *толпогос* язык (Наша биография), *красномехий* рыцарь (Рысь). Эти прилагательные можно трансформировать в описательные обороты. Здесь метафора заключена в самом новообразовании.

Иногда в описательном обороте не восстанавливаются производящие компоненты сложного прилагательного. В этом случае недостаточно даже контекста всего произведения, оказывается необходимым учет внеязыковой действительности. Так, например, можно объяснить семантику индивидуально-авторского сложного прилагательного *вороногорлая* (вороногорлая сама — о женщине), то есть жаждущая, просящая. Некрасивый вороний голос способен выразить самые разнообразные оттенки: внезапный испуг, тревогу, предупреждение, удовлетворение сытным обедом и т. д. Ворона постоянно кричит, каркает, как бы прося что-то. Ср. у Н. А. Некрасова в стихотворении «В деревне»:

Вот и сегодня... ну, просто беда!

Глупое карканье, дикие стоны...

Восприятие, понимание этого тонкого взаимодействия смыс-

лов требует от читателя определенной подготовки. Но у И. Сельвинского введение в текст семантически сложного слова предопределено всем поэтическим строем текста. Раскроем это.

Прежде всего оно поддерживается рифмой, привлекающей внимание к индивидуальному новообразованию. Сравните:

Москва! Величава наша столица...
Но разве в этом одном твоя сила?
Москва стоцветна, Москва столика,
Москва не город, она — Россия.

По душам

Бальзак воспел тридцатилетнюю,
А я бы женщину под сорок:
Она блестит красою летнею,
Но взгляд уже осенне-зорок.

Сорокалетняя женщина

Столика: столица — многолюдный город, многолюдный — имеющий сто лиц, отсюда: *столица — столика; осенне-зорок: осенний — окрепший, набравшийся опыта, опытный — сорокалетний — наблюдательный — зоркий, отсюда сорок — осенне-зорок.*

*

Возникновение авторских сложных эпитетов в лирике И. Сельвинского подготовлено также тем, что в пределах одного произведения поэт повторяет опорные слова, которые в тексте предшествуют новообразованию.

Он был похож на мать. Но этот мех
Невыносимо яростной окраски,
Краснее красного... Краснее всех...

О, да! Так и должно было случиться
(Я этого признанья не боюсь),
Чтобы заката красноухий рыцарь
С полёта пал на заострённый брус...

Рысь

Опорные слова (производящие, мотивирующие основы), образующие сложное прилагательное, могут встретиться у Сельвинского не только в тексте одного, а многих произведений. Для его поэзии характерна повторяемость тем (например, темы океана, символизирующей стихию исторических просторов революции), мотивов, образов (например, романтизированных образов зверя и моря, олицетворяющих свободную стихию), которые переходят из одного произведения в другое.

Различное сочетание этих ключевых слов, составляющих слагаемые авторских сложных эпитетов, и рождает новообразования, которые задолго до своего появления зреют в глубинах всего поэтического творчества и которые потом, «внезапно» появившись, помогают «раскрыть метафорические потенции, дремлющие в производящем слове», и тем самым привлекают читателя своей яркостью, живописностью и художественной смкостью.

Например:

И вдруг меж корей — в травяном горизонтце
Вспыхнула призраком вихря
Золотая. Закатная. Усатая, как солнце.
Жаркая морда тигра!

Охота на тигра

Он ушел в туман. Величавой легендой.
С красной лентой. Через плечо.

Охота на тигра

Два опорных слова (*закатная* и *красная*) в другом произведении соединились в сложное прилагательное, оригинальный эпитет:

Среди цветов малокровных,
Теряющих к осени краски,
Пылает поздний шиповник,
Шипящий, закатно-красный.

Шиповник

Итак, употребление экспрессивного сложного прилагательного — эпитета характерно для поэтического стиля И. Сельвинского. Индивидуально-авторские сложные эпитеты создаются поэтом по законам языка, и введение их в поэтическую ткань подготовлено всем поэтическим строем произведения. Эти образования не поэтический произвол, а существенная «клеточка» (может быть, самая характерная) поэзии И. Сельвинского.

В. А. БЕЛЬКОВА

Рисунок Ю. Космынина

Поэты справедливо
говорят, что главная
сила стиха — в его
запоминаемости.
Эти слова в полной мере
можно отнести к
творчеству
Алексея Александровича
Суркова,
80-летие которого
отмечается в этом
году 13 октября.

«И СТАЛИ ВНОВЬ ПОНЯТНЫМИ СТАРИННЫЕ СЛОВА»

Кто не знает его песен «В землянке» («Бьется в тесной пещурке огонь...») и «Поволжанка», ставших поистине народными! Обозревая творчество А. Суркова (со сборников тридцатых годов и до последних стихотворений) можно заметить, как напряженно искал поэт языковые средства изобразительности, обновлял старые слова и находил новые сочетания слов для выражения чувств и мыслей современника. Особую окраску и очарование старых, забытых слов поэт передал в «Песне о слепом баянисте»:

Старинная, не новая,
Она цветет в груди,—
Ведь зарево багровое
За Нарвой, впереди.
Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва...
И стали вновь понятными
Старинные слова.

В статье речь пойдет о поэтизмах, то есть о словах, ограниченных в своем употреблении в основном рамками стихотворной поэтической речи. Основной пласт стихотворной лексики составляют общепотребительные нейтральные, книжные и разговорные слова. Однако в своем словоупотреблении А. Сурков не ограничивается общеизвестным словарем. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова зарегистрировано более 500 слов с пометами «поэтическое», «книжное поэтическое»: *ветвь, ладья, грядущий, вардеться, лазурный, небосвод, нетленный, очи, стяг, чертог*; «высокое» — *отчизна, страж, шествовать, повергнуть*; «народно-поэтическое» — *вражий, судьбина, кручина, лихо, ведасть, молвить, кликать*; «областное поэтическое» — *шлях, пажить, усталь* и т. д.

Художественный метод А. Суркова связан с особым складом его поэзии, в которой гражданские мотивы являются ведущими. Не случайно он называл себя окопным поэтом, поэтом «всеобщей воинской повинности». Для воплощения темы воюющей России А. Сурков избрал высокий жанр и высокий стиль. В поисках системы выразительных средств он обращался к поэтическому наследию XIX века, с которым никогда не порывал нити преемственности. Из многих десятков поэтических речений поэт бережно отбирает и вводит в текст стихотворений те слова, которые наилучшим образом раскрывают тему, служат главной идее.

Первый широкий пласт поэтизмов, несущих в поэзии А. Суркова значительную стилистическую нагрузку, можно условно назвать традиционно-поэтическим. Если привести употребленные поэтом традиционные поэтизмы в отрыве от стихотворного контекста, они покажутся архаичными: *длань, десница, лик, ложе, отрок, очи, ратный, ратник, стяг, тлел, чело* и т. д. Профессиональное мастерство в том и заключается, что каждый из поэтизмов нужен на своем месте. Они служат целям создания общей стилистической тональности, повышенного эмоционально-экспрессивного колорита. От поэтизмов — чаще всего в этой роли выступают славянизмы — поэт берет только их сильные стилистические свойства, используя как средство поэтизации и возвышения темы, но при этом каждый из славянизмов под пером поэта семантически преобразуется.

А. Сурков осовременивает славянизмы, видоизменяя их значение. Таковы случаи использования поэтизмов в собирательных

образах, метонимических переносах: «Нет! Скорбным стоном всех немецких жен Не удержать карающей десницы» (Заповедь мстителей); «В лесах и в лощине узкой, Сквозь воды, огни и ад Прошел *страстотерпец* русский — Пехотный топтун — солдат» (Баллада о пехотной гордости).

Поэтизмы этого ряда выполняют роль «ударного» стилистического и смыслового центра, которому подчиняются другие элементы контекста с более приглушенной, иногда даже нарочито сниженной стилистической окраской. Эта черта явственно проступает в метафорических переносах: «*Лик нестерпимой муки*, Блеск ненавидящих глаз, Желтые в стружьях руки Видел ли в смертный час?» (Дорога на юг).

Даже в тех случаях, когда славянизм употребляется в прямом и весьма архаичном значении, его использование оказывается оправданным: «И такой же ноябрь и похожа погода. Тот же ветер, взметающий *прах* по дворам. В позабытые дали двадцатого года Увела меня память к походным кострам» (Песня о счастье). Здесь слово *прах* применяется в устаревшем прямом значении — ‘пыль, скопление мельчайших частиц чего-нибудь’. Размер позволяет заменить *прах* словом *пыль*, но в этом случае теряется образ и его стилистический стержень, общая тональность стихотворного воспоминания о прошлом, ушедшем и разлетевшемся в прах. Для читателя в слове *прах* совмещены его прямое и переносное значения, и создаются такие дополнительные стилистико-смысловые нюансы, без которых в стихотворении был бы утрачен поэтический колорит.

Иногда славянизм так тесно сливается с контекстом, что становится почти незаметна его стилистическая окраска: «Время, время, тяжелое *бремя*! Не вставать ему в звонкое стремя, Не топтать его ноженькам луга, Не держать его рученькам плуга» (Человек на коне). Здесь слова *бремя* — *время* — *стремя* легко рифмуются и в сочетании с другими приемами — повтором, параллелизмом — участвуют в создании общей песенной интонации стиха. По сравнению с традиционным употреблением славянизмов смысловые сдвиги обнаруживаются и в том, что прежние синонимические отношения нарушаются: замена их общепотребительным синонимом в стихотворном контексте или невозможна, или ведет к потере поэтической выразительности.

Второй крупный пласт поэтизмов связан с другими особенностями творчества А. Суркова. У поэта есть немало стихотворе-

ний с подчеркнутой лирической и мелодической линией. Во многих из них автор обращается к фольклорно-песенным, народно-поэтическим мотивам. Этот ряд поэтизмов, связанный с фольклорной стихией, можно поэтому условно назвать народно-поэтическим. Здесь могут быть приведены лишь некоторые из подобных слов — *попымя, полон, полонить, супостат, кликать, молвить, судьбина, чужбина*: «В грозе и буре шагом скорым Идет карающая Русь. Идет, гневна и непреклонна, Тяжелый меч ее остер. Ярмо немецкого *полона* Она собьет с родных сестер» (В косом дожде, по косогорам); «Над полоской, вровень с тучей, Встало горе — лес дремучий. Все меж *заполонило, Красно солнце* заслонило» (Вдовья).

Если славянизмы играли роль определенной стилистической окраски для создания картин, исполненных высокого гражданского пафоса, то фольклорно-поэтическая лексика вызывала иные ассоциации. Она уводила читателя в сторону народно-песенной стихии. Не случайно многие из стихотворений были названы поэтом песнями, затем положены на музыку и получили всенародное признание. Вспомним «Конармейскую песню», «Песню смелых», а также «Терскую походную»: «То не тучи, грозовые облака, *По-над* Терекон на кручах залегли. *Кличут* трубы молодого казака, *Пыль* седая встала облаком вдали».

Арсенал поэтических слов и выражений в творчестве А. Суркова неизменно пополнялся; поэт обновлял и освежал свои словарные «кладовые». С этой точки зрения особый интерес представляют поэтизмы нового времени, не употреблявшиеся и не встречавшиеся в классической поэзии XIX века. Круг этих слов по внешней формальной оболочке связан со словарем диалектной или областной лексики, например: *чужина, спблос, зеленя*. Сюда же могут быть отнесены и слова, которые не помечены в словарях, но имеют аналогичные диалектные или народные разговорные образования: *сонь, змурь* (по типу *крепь*), *толць; голубень* (по типу *темень*); *зяблынь* (по типу *тепыльнь*) и т. д. Поэтизмов такого рода у А. Суркова немало. Вот некоторые из них: «Синие сосны, синяя *сонь*, — Час расставанья. Над Волгой-рекой Расплескала гармонь Саратовское „страданье“» (Поволжанка); «Вдоль по полю синий наст *Обледенью* стелется» (Зимняя песня); «Но снеговая *замять* По ребрам крыш звенит. И связывает память Оборванную нить» (Дело было весной); «Незаметно уводит тронка В беспокойную *кипень* ржи» (В поле).

Легко проследить, как эти слова, попадая в особое окружение, меняют свой привычный смысл. Например, слово *кипень* в Толковом словаре В. И. Даля зафиксировано в значении 'кипяток, вароток; белая пена от кипения'. В Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова слово помечается как «областное», и второе значение сопровождается пометой «поэтическое, преимущественно, в сравнениях». У А. Суркова это слово употребляется в значении, сохранившем связь с глаголом *кипеть*. Значение можно определить как перенос к прямому значению — 'то, что имеет вид кипящего, волнующегося (только в словосочетаниях)': «По тонким узорам чугунных оград Роса разбросала алмазные гвозди. Под *кипенью* листьев таит виноград Отяжеленные спелостью грозди» (Рожденные дня).

Иногда в таких случаях метафоризация слова осуществляется путем переноса по сходству и одновременно сопровождается характерным приемом отвлечения эпитета: *хмурая жизнь* → *рабской жизни хмури*; *студеный январь* → *стынь январских стуж*; *как бы кипящие листья* → *кипень листьев* и т. д. Вот некоторые примеры: «— В осеннюю слякоть, и в летний зной, И в *стыни январских стуж* Летит моя дума к тебе, родной, Мой сизый орел, мой муж» (Дума солдатки). Не отталкиваясь от традиционных форм речи, А. Сурков, таким образом, работает над созданием новых эстетических средств. Источник обогащения и обновления словаря поэт нашел в преобразованных формах народной речи.

В сентябре 1942 года под Ржевом А. Сурков написал:

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полнотных пожаров красна.

В горестях и радостях своего времени, в истории народа черпает поэт темы своих стихотворений, находя те единственные, «лихие слова», которые составили книги его стихов.

Л. К. ГРАУДИНА

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ в фельетонах М. Кольцова

В современном русском языке широко распространен прием речевой выразительности, в последнее время часто обозначаемый термином «парцелляция». Характерно, что в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, вышедшем в 1966 году, его еще нет. Он «молод». Естественно, что в трактовке этого понятия у лингвистов не существует единого мнения. Задолго до введения определения «парцелляция» соответствующие речевые явления обозначались термином «присоединение». Теперь же часто для обозначения одного и того же явления применяются разные термины или же обозначаются одним словом разные явления.

В настоящей статье автор не ставит перед собой цели выявить соотношение понятий «парцелляция» и «присоединение» (смотрите об этом: А. П. Сквородников. О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение». — «Вопросы языкознания», № 1, 1978). Речевой факт, обозначаемый этими терминами, представляет для нас интерес не как грамматическое явление, а как широко используемый авторами в публицистике и художественной литературе стилистический прием, увеличивающий экспрессивность высказывания. Мастерски использовал парцелляцию для повышения экспрессивности и создания иронического подтекста М. Кольцов, один из первых советских фельетонистов.

Рассмотрим такой пример: «Домовито усядется путник на кочку. Оглядит по очереди обе ноги. Добродушно покачает головой. Не спеша развяжет пакрест связанные до колена оборы. Снимет лапти, хорошенько вытряхнет их, отобьет землю, попробует пальцем, крепка ли подошва — плетень и обушники по бокам. Развернет, растянет и хорошенько вытряхнет портянки, — чего только не набьется в них в пути! И щепень, и щепочки, и хвоинки, и мош-

ки всякие!» (М. Кольцов. Избранные произведения в трех томах, т. 1. М., 1957, с. 134. Далее везде в тексте ссылки даются на это издание).

В качестве парцеллированных частей выступают в данном примере однородные члены простого предложения. При одном подлежащем одиннадцать сказуемых. В этом случае обычная конструкция была бы громоздкой, тяжеловесной. Кроме того, именно с помощью парцелляции автор передает атмосферу неторопливости и обстоятельности, с какой выполняются действия, названные глаголами *усядется, оглядит, покачает, развяжет* и т. д. Использование парцелляции позволяет автору актуализировать различные члены предложения, сравнения, приложения, придаточные предложения с целью обратить внимание читателя именно на них, как на ядро высказывания. Кроме того, этот стилистический прием способствует как бы взаимопроникновению одной части высказывания в другую, благодаря чему весь отрывок воспринимается как единое целое.

Структура подобных конструкций в фельетонах М. Кольцова весьма разнообразна. Анализ показал, что автор вычленяет в простом предложении чаще всего сказуемое: «Идешь по навильончикам, смотришь. И радостно думаешь...». В результате использования парцелляции глагол *думаешь* передает действие, которое как бы сопровождает действия, переданные двумя предыдущими глаголами. Но Кольцов широко использует парцелляцию и других членов предложения. Например, п о д л е ж а щ е е:

«У английских рабочих впервые за много лет появился твердый голос. Хозяйская осанка. Боевой вид» (Стачка в тумане); о б с т о я т е л ь с т в о:

«Они волокут туристов за фалды к себе. На Рейн. В Гарцские леса, в Шварцвальд. В Исполиновы горы. И даже на Ваннае...»; д о п о л н е н и е:

«В кафе „Дю Круассон“ продают также французские сэндвичи... И червертушки „Перье“ — парижский нарзан. И сигары...»; о п р е д е л е н и е:

«Есть еще и старая. Простоволосая, затрапезная» (Москва-матюшка).

В зависимости от цели высказывания изменяется структура парцеллированной конструкции. Так, для актуализации действия фельетонист употребляет каждое сказуемое (одиночное или с группой зависимых слов) в качестве парцеллята. Причем степень распространения высказывания в таких случаях может быть весьма

значительной. Например: «Шерстьсукновцы начинают с того, что перерезают все электрические провода, рвут выключатели, бьют лампочки, крошат их под ногами.

Затем выламывают три мотора, с мясом выгрызают их из земли, вытаскивают наружу и в качестве добычи увозят их к себе.

Потом набрасываются на новенькие иностранные, американские и германские, машины и станки и начинают рвать, крошить их буквально по кускам.

Режут основу, срывают грудницы, эксцентрики, погонялки, ремизы, берда. Ломают в куски мотальные колеса. Отрывают и растягивают пружины контрольных приборов.

Крестовины, которыми станки приделаны к полу, не отвинчивают, а сбивают кувалдами, вырубая зубилами.

Драгоценные заграничные приводные ремни не снимают, не срывают, а режут в нескольких местах ножами в куски.

Слесарные инструменты, ключи попросту пихают по карманам.

Разорвав, изломав машины в мелкие куски, сваливают их во дворе грудой, как колотый сахар. Ломают, давят, швыряют и громят рамы суконных станков, па них — навои с ремизом и бердом, валки, брусья, пусковые диски, обломки фрикционов, просто металлические обломки, в которых нельзя опознать, какую часть трупa машины они составляют.

Швыряют ногами, затаптывают грязью чистую основу, ткацкие концы. Расшвыривают ногами шестеренки, винты, дробят каблучками тонкую отливку кареток. И хвалятся: „Мы вашу поганую лавочку вдребезги разнесем!“».

Длинная шеренга «разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений» создает то, что «Потебня называл синтаксической перспективой» (См.: А. М. Пешковский. Сборник статей. Методика. Лингвистика, стилистика, поэтика. Л.— М., 1925, с. 151). В приведенном примере такая перспектива создана цепью одиночных глаголов с зависимыми словами, имеющих при себе придаточные предложения. Употребленные в качестве парцеллятов, они, с одной стороны, выделяют часть текстов в некое смысловое единство, с другой — вычленяют отдельные действия с целью акцентации внимания читателя именно на них. Когда степень распространения невелика, сказуемое постпозитивной части как бы подводит итог действиям, называемым глаголами в препозитивной части парцеллированной конструкции. Например: «Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией и помещиками... Занимаетесь предательством рабочего класса».

Если сравнивать парцеллированную конструкцию с аналогичной непарцеллированной, то заметим, что оттенки значений исчезают, выразительность уменьшается. Таким образом, непарцелли-

рованная конструкция становится фоном, на котором ярче видны экспрессивные качества парцелированной. Очень часто в качестве парцеллята М. Кольцов в своих фельетонах употребляет сравнения, распространенные и нераспространенные. Например:

«Кавычки. В кавычках ничего. Пустые кавычки. Как шуба без человека. Как пустые шагающие валенки, приснившиеся Максиму Горькому»; «К подъезду, к выходным плакатам и обычным красным полотнищам приходишь с волнением. Как на свидание к любимой женщине, которой дожидался восемь лет»; «Начальство у Прейса сменилось. Как шило на швейку».

Парцелированные сравнения у Кольцова всегда неожиданны и потому, что формально обозначенный точкой конец предложения не совпадает с концом мысли автора, и потому, что сравниваемые понятия, как правило, принадлежат к далеко отстоящим семантическим сферам. Все это способствует созданию комического эффекта.

В значительной части фельетонов М. Кольцова встречаются парцелированные обособленные члены предложения. Прежде всего это обособленное определение. Например:

«Но для утирания понадобился железобетонный платок. *Чудовищной величины и стоимости*».

В постпозитиве парцелированные определения — факт распространенный, в препозиции они встречаются редко, и потому в таком положении они еще более выразительны. Например:

«*Жалкая щепка мещанской гордыни!* Он там, в пыли, во прахе, где валяются ножки опрокинутых тронов, генеральские эполеты, акции Нобеля, чиновничий околыш, буква ять».

Особенно характерно для М. Кольцова использование парцелированных придаточных предложений, выражающих (как и в непарцелированной конструкции) самые разнообразные отношения между компонентами расчлененного высказывания. Например:

«Они-то, видя ваши прыжки над своей головой, найдут, что подумать. И что сказать. И что сделать. С вами сделать, уважаемые прыгуны!».

В качестве парцеллята однородные придаточные изъяснительные.

«Вот куда девалась старая московская чайная, где ласково сверкали полоскательницы, где бесшумно порхали белые усатые архангелы, где за восемь копеек, вместе с парюю чая и огрызком сахара можно было обсудить все мировые вопросы! Где машина со степенным присвистом играла марш, где к крутому яйцу подавали соль в бумажке?». Однородные придаточные определительные также часто употреблены как парцелляты.

«Совсем как в Киргизии, она пьет лишнюю кровь. Чтобы, боже

упаси, мы не померли от полинокровия». После точки употреблено придаточное цели.

«Лежит совсем как змея. Пока не дотронешься до пепла пальцем». В качестве парцеллята — придаточное времени.

«Трудовые массы России знают, что свергли режим, а об остальном немедленно после февральского переворота забыли. Как человек, спросонья запустивший сапогом в крысу, чтобы, подняв сапог, взяться за настоящие свои дневные дела». Автор использует экспрессивность парцеллированного сравнительного предложения.

Наблюдения над функционированием парцеллированных конструкций в фельетонах М. Кольцова дает основание утверждать, что они придают речи особые смысловые и экспрессивные оттенки, актуализируют внимание читателя на отдельных членах высказывания.

Рассмотрим такой пример:

«Вкусы разные бывают. А то ведь еще можно шестьдесят три тысячи в прорубь сунуть. Сжечь. На водку подарить. И, — чем черт не шутит, — рабочий клуб построить. Целый уезд электрифицировать. Рабфак открыть. Газету издавать. Хотя, конечно, на трехпудовый альбом тоже любитель имеется». В приведенном примере помимо парцелляции наблюдаем использование множества других речевых средств и приемов экспрессии, не учитывать которые нельзя. Это и порядок слов (вкусы разные, на трехпудовый альбом тоже любитель имеется); и вставные конструкции («чем черт не шутит», «конечно»); и отбор лексических средств с учетом едва уловимых смысловых оттенков у слов (в прорубь *сунуть*, на водку *подарить* и т. д.); и, конечно же, столкновение отрицательного и положительного содержательного планов, которые автор, с одной стороны, разделяет *частицей или*, а с другой — объединяет в единое синтаксическое целое, используя парцеллированную конструкцию, части которой находятся в антонимичных отношениях.

Таким образом, использование парцелляции можно рассматривать как один из эффективных приемов, повышающих экспрессивность высказывания в результате умелого сочетания с другими разнообразными речевыми средствами и приемами, которые представляет в распоряжение публициста богатейшая сокровищница наша — русский язык.

Г. К. ВОЛКОТРУБ

СЛОЖНОСТЬ «ПРОСТОГО»

Образ автора в рассказе В. М. Шукшина «Мастер»

Быть «похожим» на Шукшина, очевидно, так же невозможно, как быть похожим на Маяковского, Горького, Шолохова и всех тех писателей, которые создали свой стиль, свою творческую манеру.

Уже много раз отмечалось, что у В. Шукшина эта манера преисполнена кажущейся простоты.

Но что означает простота языка писателя?

М. М. Пришвин в своих дневниках писал об этом так: «Часто говорят: „она просто одевается“, „он просто пишет“ и т. д. В искусстве и в быту „простое“ означает самое трудное, самое редкое... „Простое“ в искусстве означает обыкновенно новое достижение художника в совершенствовании той формы, над которой работали до него другие художники, которая стала привычной и теперь возрождается в новых условиях. Потому эта форма называется „простой“, что знакома всем, и потому она так особенно трудна, что требует нового совершенствования того, что казалось великим мастерам совершенно законченным».

В самом деле, при всей естественности, народности языка любого произведения В. Шукшина внимательный читатель явственно ощущает сложность и многоплановость его речевой природы.

Рассказы В. Шукшина всегда оставляют впечатление талантливой режиссуры — их автор почти незаметен в разыгрываемых «спектаклях», но именно он является «той цементирующей силой, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему» (В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963). Своеобразие авторского начала у В. Шукшина обнаруживается прежде всего в том, что в его рассказах между автором и читателем находится рассказчик, в мировоззрении и оценках весьма близкий к автору, но не сливающийся с ним. У В. Шукшина нет безликого автора-повествователя, он

как бы растворен в своих героях. Речь рассказчика при этом не сглаживает особенностей речи персонажей, но органично вбирает их в свою речевую сферу.

В абсолютном большинстве произведений В. Шукшина рассказчик почти всегда не назван и социально не определен. Это существенная примета творческого обновления Шукшиным сказовой формы повествования. С Лесковым, из которого иногда пытаются «вывести» Шукшина, его роднит, пожалуй, только характерное воспроизведение в прозе народного говора и в меньшей степени использование приемов народной этимологии. В целом же проза В. Шукшина оригинальна и самобытна. В ней остросатирические интонации уживаются с тонкими лирическими, а те и другие не мешают глубине философских раздумий.

Попытаемся увидеть это, последовательно анализируя особенности образа автора в рассказе «Мастер».

Первые два абзаца рассказа содержат характеристику главного героя и представляют собой авторский текст (рассказчик как бы «выдает» себя за автора).

«Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь, забулдыга, непревзойденный столяр. Длинный, худой, носатый — совсем не богатырь на вид. Но вот Семка снимает рубаху, остается в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лается с бригадиром, тогда-то видна вся устрашающая сила и мощь Семки. Она — в руках. Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они ровные от плеча до лапы, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них — игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости, и Семка так, для куража, орет: „Што мы тебе — машины? Тогда иди заведи меня — я заглох. Но сзади подходи осторожней — лягаюсь!“

Семка незлой человек. Но ему, как он говорит, „остолбенело все на свете“, и он транжирит свои „лошадиные силы“ на что угодно — поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь — милое дело. Временами он крепко пьет. Правда, полтора года в рот не брал, потом заскучал и снова стал поддавать».

Рассказчик здесь обнаруживается уже в первой фразе — традиционном сказовом зачище. «Индикаторами» устной речи являются также комментирующие рассуждения, вставные замечания, уточнения, вводные слова. Например: «*кажется*, не зная таким рукам усталости, и Семка *так, для куража*, орет...».

Интонации рассказчика создаются употреблением просторечных форм и усиленной оценочностью речи. Характеристика Семки

представлена такими эмоционально-экспрессивными словами, как *лапа* (в значении 'рука'), *транжирит* (разг. неодобр.), *лается*, *позубоскалить*, *нашкодить*, *поорать* (простореч.), *забулдыга* (простореч. неодобр.). Речь рассказчика эмоциональна, внешне непоследовательна и оставляет впечатление полной неподготовленности. Сложные предложения члениятся на самостоятельные части, начинающиеся с союзов *и*, *но*. Многочисленные авторские знаки — тире и многоточия — отмечают частые паузы в речи рассказчика, создавая интонационную неровность отрывка.

Однако уже в первом абзаце рассказа обнаруживается строгая подчиненность языковых средств главной художественной задаче рассказа — изображению сложности непритязательного внешне человека. Этим объясняется преимущественное употребление противительных конструкций, создающих противоречивый образ и определяющих весь строй отрывка.

Повествовательное движение рассказа в целом оказывается в устах автора-рассказчика ритмичным — то стремительным, то картинно замедленным. Вначале повествование замедленно: рассказчик рисует часто повторяющиеся картины из жизни Семки, поэтому в их создании главная роль принадлежит глаголам несовершенного вида настоящего времени и прямым высказываниям героя.

При анализе экспозиции рассказа особенно заметно стремление рассказчика четко разграничивать свою речь и речь главного героя: в авторском тексте слова Семки заключены в кавычки (см.: «лошадиные силы», «остолбенело все на свете»). Писатель создает предельно индивидуализированный речевой образ Семки Рыся. Здесь используются экспрессивно-разговорные, а иногда и грубопросторечные выражения: «Он мог такой шкаф *изладить*, что у людей *глаза разбегались*» или «Этого добра у писателя было *навалом*».

Организирующее авторское начало в рассказе «Мастер» отчетливо обнаруживается в построении диалогов, где контраст речевых характеристик героев создается не только разницей их прямого, словесного содержания, но и отличием жестов, сопровождающих реплики. Все диалоги в рассказе проникнуты этим красноречивым мимизмом, поэтому реплики, как правило, не нуждаются в ремарках.

Таков, например, следующий диалог попа и Семки:

«Ты знаешь Талицкую церкву? —

Семка почему-то решил, что с писателями и попами надо говорить на „ты“ — Талица Чебровского района.

«Талицкую?.. Чебровский район...

Маленькая такая?» (Многоточие подчеркивает неторопливую и основательную манеру речи «нестарого» еще попа.)

«Ну».

«Знаю».

«Какого она века?»

Поп задумался.

«Какого? Боюсь, не соврать бы... Думаю, при Алексее Михайловиче еще... Сынок-то его не очень баловал народ храмами. Семнадцатый век, вторая половина. А что?» (Ответы попа пространны: он переспрашивает, размышляет вслух, сомневается. Прямой ответ на вопрос содержится только в двух последних фразах.)

«Красота-то какая!..— воскликнул Семка.— Как же вы так?» (Реплики Семки, напротив, кратки и эмоциональны: это неполные предложения, представляющие собой восклицания или вопросы; многоточие в речи Семки тоже другого рода — от необходимости говорить кратко.)

Итак, образ автора организует движение диалога и обнаруживается в различных формах взаимодействия речи рассказчика и персонажей.

Описание Талицкой церкви — лирический центр рассказа. С тем, чтобы точнее передать впечатление от гармоничной красоты церкви и вызвать эмоциональный отклик у читателя, автор вводит свои поэтические наблюдения в речь рассказчика, в которой заметно сокращаются элементы просторечия и усиливаются средства образности. Использование антонимов: *одна-другая, большая-маленькая, на возвышении-под косогором, спрятали-открывалась*; метафор: [церковь] «открывалась глазам внезапно», «спряталась где-то под косогором», «являлась тому, кто шел к ней»; поэтического архаизма *праздный взор*; повторы союза *и* придают фразам торжественную выразительность и плавность звучания.

В размышлениях Семки о сущности и назначении красоты в полную силу звучит авторский голос. «Внутренний монолог героя становится внешним монологом автора» (В. Каверин. *Идея призывания*. — «Вопросы литературы», 1969, № 6, с. 129), точнее, внутренний монолог Семки — это несобственно-прямой диалог автора.

«Как-то в выходной день Семка пошел опять к Талицкой церкви. Сел на косогор, стал внимательно смотреть на нее. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица — столько лет стоит! — молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но

вот стоит. Кому на радость? Давно уже истлели в земле строители ее, давно распалась в прах та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь — там заметят. Этого заботило что-то другое — красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе — туда, в твою черную жуткую тьму небытия, — не услышишь. Да и что тут скажешь? Ну, — хорошо, красиво, волнует, радует... Разве в этом дело? Он и сам радовался, и волновался, и понимал, что — красиво. Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй... Не умеешь — воюй, командуй или что-нибудь такое делай — можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита — дроболызнет, и все дела. Каждому свое».

Авторское рассуждение в виде несобственно-прямого диалога прерывисто. В нем есть восклицания, вопросы (в том числе риторические), многоточие как знак недосказанности и сильного чувства, ассоциативные подхваты, повторы, самоперебивы, элементы синтаксического параллелизма и т. д.

Эта «неровность» повествования тонко передает отношение самого автора к предмету изображения, его глубокое волнение.

Анализируемый фрагмент — эмоциональный и философский центр повествования, поэтому именно здесь обнаруживается авторский голос, в значительной мере отличающийся от слога рассказчика и персонажей. Таким образом, язык этого отрывка — пример того, как, по замечанию академика В. В. Виноградова, «образ рассказчика, к которому прикрепляется литературное повествование, колеблется, иногда расширяясь до пределов образа автора» (В. В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971).

Итак, специфика образа автора в рассказе В. Шукшина «Мастер» определяется его субъективной многоплановостью, которая выражается, во-первых, в наличии неназванного, но стилистически выделяющегося рассказчика; во-вторых, в глубоком взаимопроникновении и взаимовлиянии речи повествователя и главного героя; в-третьих, в эпизодическом проявлении в речи повествователя авторских интонаций.

Е. И. ЛУЦЕНКО

В. ШУКШИН

ДУМЫ

И вот так каждую ночь!

Как только маленько утомонится село, уснут люди — он начинает... Заводится, паразит, с конца села и идет. Идет и играет.

А гармонь у него какая-то особенная — орет. Не голосит — орет. Нинке Кречетовой советовали:

— Да выходи ты скорей за него! Он же, черт, житья нам не даст.

Нинка загадочно усмехнулась:

— А вы не слушайте. Вы спите.

— Какой же сон, когда он ее под самыми окнами растягивает. Ведь не идет же, черт блажной, к реке, а здесь старается! Как парочно.

Сам Колька Малашкин, губастый верзила, нахально смотрел маленькими глазами и заявлял:

— Имею право. За это никакой статьи нет.

Дом Матвея Рязанцева, здешнего председателя колхоза, стоял как раз на том месте, где Колька выходил из переулка и заворачивал в улицу. Получалось, что гармонь еще в переулке начинала орать, потом огибала дом, и еще долго ее было слышно.

Как только она начинала звенеть в переулке, Матвей садился в кровати, опускал ноги на пол и говорил:

— Все: завтра исключу из колхоза. Придерусь к чему-нибудь и исключу.

Он каждую ночь так говорил. И не исключал. Только, когда встречал днем Кольку, спрашивал:

— Ты долго будешь по ночам шляться? Люди после трудового дня отдыхают, а ты будишь, звонарь!

— Имею право, — опять говорил Колька.

— Я вот те покажу право! Я те найду право!

И все. И на этом разговор заканчивался.

Но каждую ночь Матвей, сидя на кровати, обещал:

— Завтра исключу.

И потом долго сидел после этого, думал... Гармонь уже ушла в улицу, и уж ее не слышно было, а он все сидел. Нашаривал рукой брюки на стуле, доставал из кармана папиросы, закуривал.

— Хватит смолить-то! — ворчала Алена, хозяйка.

— Спи, — кратко говорил Матвей.

О чем думалось? Да так как-то... ни о чем. Вспоминалась жизнь. Но ничего определенного, смутные обрывки. Впрочем, в одну такую ночь, когда было светло от луны, звенела гармонь и в открытое окно вливался с прохладой вместе горький запах полыни из огорода, отчетливо вспомнилась другая ночь. Она была черная, та ночь. Они с отцом и с младшим братом Кузьмой были на покосе километрах в пятнадцати от деревни, в кучугурах. И вот ночью Кузьма захрипел: днем в самую жару потный напился воды из ключа, а ночью у него «завалило» горло. Отец разбудил Матвея, велел поймать Игреньку (самого шустрого меринка) и гнать в деревню за молоком.

— Я тут пока огонь разведу... Привезешь, скипятим — надо отпаивать парня, а то как бы не решился он у пас, — говорил отец.

Матвей слухом угадал, где пасутся кони, взнуздal Игреньку и, нахлестывая его по бокам волосяной пудой, погнал в деревню. И вот... Теперь уж Матвею скоро шестьдесят, а тогда лет двенадцать-тринадцать было — все помнится та ночь. Слились воедино конь и человек и летели в черную ночь. И ночь летела навстречу им, густо била в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой. Какой-то дикий восторг обуял парнишку; кровь ударила в голову и гудела. Это было как полет — как будто оторвался он от земли и полетел. И ничего вокруг не видно: ни земли, ни неба, даже головы конской — только шум в ушах, только ночной огромный мир струнулся и понесся навстречу. О том, что там братишке плохо, совсем не думал тогда. И ни о чем не думал. Ликовала душа, каждая жилка играла в теле... Какой-то такой желанный, редкий миг непосильной радости.

...Потом было горе. Потом он привез молоко, а отец, прижав младшенького к груди, бегал вокруг костра и вроде баюкал его:

— Ну, сынок... ты что же это? Обожди маленько. Обожди маленько. Счас молочка скипятим, счас продохнешь, сынок, миленький... Вон Мотька молочка привез!..

А маленький Кузьма задышался уже, посинел.

Когда вслед за Матвеем приехала мать, Кузьма был мертв. Отец сидел, обхватив руками голову, и покачивался, и глухо и протяжно стонал. Матвей с удивлением и с каким-то странным любопытст-

вом смотрел на брата. Вчера еще возились с ним в сене, а теперь лежал незнакомый, иссиня-белый чужой мальчик.

..Только странно: почему же проклятая гармонь оживила в памяти именно эти события? Эту ночь? Ведь потом была целая жизнь: женитьба, коллективизация, война. И мало ли еще каких ночей было-перебыло! Но все как-то стерлось, поблекло. Всю жизнь Матвей делал то, что надо было делать: сказали, надо идти в колхоз,— пошел, пришла пора жениться — женился, рожали с Аленой детей, они вырастали... Пришла война — пошел воевать. По ранению вернулся домой раньше других мужиков. Сказали: «Становись, Матвей, председателем. Больше никому». Стал. И как-то втянулся в это дело, и к нему тоже привыкли, так до сих пор и тянет эту лямку. И всю жизнь была на уме только работа, работа, работа. И на войне тоже — работа. И все заботы, и радости, и горести связаны были с работой. Когда, например, слышал вокруг себя — «любовь», он немножко не понимал этого. Он понимал, что есть на свете любовь, он сам, наверно, любил когда-то Алену (она была красивая в девках), но чтоб сказать, что он что-нибудь знает про это больше, — нет. Он и других подозревал, что притворяются: песни поют про любовь, страдают, слышал даже — стреляются... Не притворяются, а привычка, что ли, такая у людей: надо говорить про любовь — ну давай про любовь. Дело-то все в том, что жениться надо! Что он, Колька, любит, что ли? Глянется ему, конечно, Нинка — здоровая, гладкая. А время подперло жениться, ну и ходит, дурак, по ночам, «тальянит». А чего не походить? Молодой, силенка играет в душе... И всегда так было. Хорошо еще, не дерутся теперь из-за девок, раньше дрались. Сам Матвей не раз дрался. Да ведь тоже так — кулаки чесались, и силенка опять же была. Надо же ее куда-нибудь девать.

Один раз Матвей, когда раздумался так вот, сидя на кровати, не вытерпел, толкнул жену:

— Слышь-ка!.. Проснись, я у тебя спросить хочу..

— Чего ты? — удивилась Алена.

— У тебя когда-нибудь любовь была? Ко мне или к кому-нибудь? Неважно.

Алена долго лежала, изумленная.

— Ты никак выпил?

— Да нет!.. Ты любила меня или так.. по привычке вышла. Я серьезно спрашиваю.

Алена поняла, что муж не «хлебнувши», но опять долго молчала — она тоже не знала, забыла.

— Чего это тебе такие мысли в голову полезли?

— Да охота одну штуку понять, язви ее. Что-то на душе у меня... как-то... заворшилось. Вроде хвори чего-то.

— Любила, конечно! — убежденно сказала Алена. — Не любила, так не пошла бы. За мной Минька-то Королев вон как ударял. Не пошла же. А чего ты про любовь вспомнил середь ночи? Заговариваться, что ли, начал?

— Пошла ты! — обиделся Матвей. — Спи.

— Коровенку выгоди завтра в стадо, я забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти.

— Куда? — насторожился Матвей.

— Да не на покосы на твои, не пужайся.

— Поймаю — штраф по десять рублей.

— Мы знаем одно местечко, где не косят, а ягоды красным-красно. Выгони коровенку-то.

— Ладно.

Так что же все-таки было в ту ночь, когда он ехал за молоком брату, что она возьми и вспомнись теперь?

«Дурею, наверно, — грустно думал Матвей. — К старости все дуреют».

А хворь в душе не унималась. Он заметил, что стал даже поджидать Кольку с его певучей «гармозой». Как его долго нет, он начинал беспокоиться. И сердился на Нинку: «Телка гладкая!.. Рази ж она скоро отпустит!»

И сидел и поджидал. Курил.

И вот далеко в переулке начинала звенеть гармонь. И поднималась в душе хворь. Но странная какая-то хворь — желанная. Без нее чего-то не хватает.

Еще вспоминались какие-то утра... Идешь по траве босяком. Она вся бусая от росы. И только след остается — ядовито-зеленый. И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как вспомнишь.

А то вдруг про смерть подумается: что скоро — все. Без страха, без боли, но как-то удивительно: все будет так же, это понятно, а тебя отнесут на могилку и зароят. Вот трудно-то что понять: как же тут будет все так же? Ну, допустим, понятно: солнышко будет вставать и заходить — оно всегда встает и заходит. Но люди какие-то другие в деревне будут, которых никогда не узнаешь... Этого никак не понять. Ну, лет десять-пятнадцать будут еще помнить, что был такой Матвей Рязанцев, а потом — все. А охота же узнать, как они тут будут. Ведь и не жалко ничего вроде: и на солнышко посмотрелся вдоволь, и погулял в вразднички — ничего, весело бывало, и... Нет, не жалко. Повидал много. Но как подумаешь: нету тебя, все есть какие-то, а тебя больше не будет... Как-то пусто им вроде без тебя будет. Или ничего?

«Тьфу!.. Нет, старею».

Даже устал от таких дум.

— Слышь-ка!.. Проснись,— будил Матвей жену.— Ты смерти страшишься?

— Рехнулся мужик! — ворчала Алена.— Кто ее не страшится, косяю?

— А я не страшусь.

— Ну дак и спи. Чего думать-то про это?

— Спи, ну ты!..

Но как вспомнится опять та черная оглушительная ночь, когда он летел на коне, так сердце и сожмет — тревожно и сладко. Нет, что-то есть в жизни, чего-то ужасно жалко. До слез жалко.

А в одну ночь он не дождался Колькиной гармошки. Сидел курил... А ее все нет и нет. Так и не дождался. Измаялся.

К свету Матвей разбудил жену.

— Чего эт звоняря-то нашего не слышно?

— Да женился уж! В воскресенье свадьбу намечают.

Тоскливо сделалось Матвею. Он лег, хотел заснуть и не мог. Так до самого рассвета лежал, хлопал глазами. Хотел еще чего-нибудь вспомнить из своей жизни, но как-то совсем ничего не приходило в голову. Опять навалились колхозные заботы... Косить скоро, а половина косилок у кузницы стоит с задранными оглоблями. А этот черт косой, Филя-кузнец, гуляет. Теперь еще на свадьбу залетается, считай, неделя улетела.

«Завтра поговорить надо с Филей».

...Встретив на другой день Кольку губастого, Матвей усмехнулся:

— Что, брат, доигрался?

Колька заулыбался... А улыбка у него — от уха до уха.

— Все, Матвей Иваныч, больше не буду будить вас по ночам. Конец. Бросил якорь.

— Ну, ну,— сказал Матвей и пошел по своим делам, а сам думал: «Чего ты радуешься, бычок? Она тебя возьмет теперь за рога, Нинка-то. Они все, Кречетовы, такие».

Прошла неделя.

Все так же лился ночами лунный свет в окна, резко пахло из огорода польнью и молодой картофельной ботвой... И было тихо.

Матвей плохо спал. Просыпался, курил... Ходил в сени пить квас. Выходил на крыльцо, садился на приступку и курил. Светло было в деревне. И ужасающе тихо.

*Печатается по изданию: В. Шукшин.
Избранные произведения в 2-х томах.
Т. I, М., 1976.*

Повесть К. Г. Паустовского «Кара-Бугаз» была закончена и впервые вышла в свет в 1932 году. С тех пор она неоднократно переиздавалась, и каждая новая редакция в чем-то отличалась от предыдущей. Сохранились рукописные материалы, которые дают представление о первоначальном замысле произведения.

«КАРА-БУГАЗ» РУКОПИСНЫЙ

К. Г. Паустовский так писал о своей работе над языком: «Когда книга окончена, начинается проверка. Это самая интересная и захватывающая работа. Страница за страницей, фраза за фразой изменяется и „пропальвается“. Идет шлифовка, борьба с самим собой за сжатую и короткую фразу» (К. Г. Паустовский. Как я работаю над своими книгами. М., 1934).

Эту работу писателя нетрудно проследить при сопоставлении рукописного варианта с окончательным текстом «Кара-Бугаза». [Рукописный вариант цитируется по материалам, хранящимся в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея г. Москвы (угловые скобки при цитировании будут указывать на зачеркнутые в рукописи слова); окончательный текст повести приводится по Собранию сочинений в шести томах. М., ГИХЛ, 1957, т. 1, курсив в цитатах мой.— Г. А.].

Например:

Рукописный вариант

Бариль внимательно посмотрела на него и впервые задумалась,— старик был не так уж прост, как ей казалось раньше.

Она встала от костра и пошла в дощатый тесный дом, (где ее каждый вечер ждали), где (ее зав) Хоробрых — (неизменный заведующий северными промыслами) отвел ей угол за холстинной перегородкой,

Окончательный текст

Бариль внимательно посмотрела на него. Старик был не так уж прост, как ей казалось раньше.

Она встала от костра и пошла в дощатый тесный дом, где Хоробрых отвел ей угол за холстинной перегородкой.

Здесь хорошо видна довольно типичная писательская правка: первое предложение разделяется на два самостоятельных, устраняется избыточное и логически неубедительное выражение *и отверзые задумалась*; из второго предложения исключается развернутое приложение к слову *Хоробрых*. Фраза становится короче, более сжатой.

«Я много работаю над эпитетом и метафорой. Каждый эпитет, каждую метафору приходится проверять: понятны ли они, не шаблонны ли, точны ли и т. д.», — писал Паустовский.

Отбор эпитетов хорошо иллюстрируется такими примерами:

Рукописный вариант

Белый дым полыни, сгоревшей на (кострах) огне, (лежал) расстилался над свицовой водой (большим) и (прозрачным) слоистым облаком. Сквозь дым сверкали молочные (размазанные) неясные звезды. Тяжелый прибой, устав выбрасывать липкую пену, (улегся поспать) укладывался спать у песчаного берега и тяжело и (сладко) вздыхал.

Окончательный текст

Белый дым полыни, сгоравшей на огне, стлался над водой слоистым облаком.

Сквозь дым сверкали молочные, неясные звезды. Тяжелый прибой, устав выбрасывать липкую пену, стихал у песчаного берега.

Интересно проследить те изменения, которые отражают глубинную перестройку текста и на первый взгляд не столь заметны. Обратим внимание на последнюю фразу в приведенном отрывке. В окончательном варианте она укорочена, сжата. Но главное не в этом. Важнее, что в результате перестройки сглаживается, затушевывается первоначально очень рельефно поданное олицетворение. Сравним: *Прибой... укладывался спать... и тяжело и (сладко) вздыхал* — *Прибой, устав... стихал*. Высказывание становится эмоционально более нейтральным, весь контекст делается уравновешенным, соразмерным. Во всех трех составляющих отрывок предложениях подлежащее и сказуемое в окончательном варианте выражается однотипно и располагается симметрично: *дым стлался* — *сверкали звезды* — *прибой стихал* (ср. в рукописи: *дым стлался* — *сверкали звезды* — *прибой укладывался спать и вздыхал*).

Как писатель работал над метафорой, показывает следующий пример:

Рукописный вариант

Каким ненавидел луку, катер (№ 2), который часто прибегал, вапыхавшись, к ним на северные

Окончательный текст

Каким ненавидел две вещи — луку и паровой катер, который часто приходил к ним на се-

промыслы, в Сартасс, из пролива, верные промыслы из залива, где обосновался трест. где обосновался трест.

Здесь наблюдаем отказ от олицетворения (*катер прибежал, запыхавшись — катер приходил*). Кроме того, обобщающее словосочетание *Две вещи* разделяет предложение на две смысловые части, что придает ему большую конкретность и определенность.

Можно указать такие, например, изменения, как исключение и ослабление гипербол, некоторых экспрессивных слов.

Рукописный вариант

Но царское правительство *упёрлось* и отказалось сдать Карабугаз и Челекен в концессию.

Рукописный вариант

Хоробрых курил и говорил густым голосом, *разносившимся, казалось, по всему побережью*.

Окончательный текст

Но царское правительство отказалось сдать Кара-Бугаз и Челекен в концессию.

Окончательный текст

Хоробрых курил и говорил густым голосом...

Здесь просматривается связь шлифовки отдельных фраз с изменением всего языкового строя произведения, отражающим и одновременно определяющим изменения «образа автора» и «образа рассказчика», характер отношений между ними.

Следует отметить, что некоторые главы повести написаны от первого лица, другие — не имеют указаний на первое лицо. Это свидетельствует о своеобразии композиционного строения повести. Рассказчик хотя и назван, но в повести стилистически близок «образу автора». В рукописном варианте «образу рассказчика» часто свойственны элементы так называемого «писательства», поэтического видения мира (ср. рукописное *Прибой укладывался спать; Катер прибежал, запыхавшись; Голосом, разносившимся, казалось, по всему побережью*). Наблюдая над особенностями выражения в «Кара-Бугазе» «образа автора», можно отметить, что в результате правки рукописей характер повествования изменяется от субъективного к объективному.

Этот же характер правки текста заключается и в устранении подробностей, излишней детализации, так как подчеркнутый документализм слишком резко переводит повествование в сферу рассказчика. Так в «Заявке на книгу в „Детгиз“» под первоначальным заглавием «Повесть о соли» в 1931 году Паустовский писал: «...в книге много места будет уделено технике. В этом случае мы не будем опасаться вводить читателя в гущу сложных технических процессов. *Этим вопросам необходимо придать четкость и обязательность художественного языка и сблизить, таким образом, технику и литературу...* Сухость многих очерков, затрагивающих тех-

нические вопросы, объясняется, большей частью, поверхностным знакомством с вопросом». Подчеркнутое нами предложение соответствует нашим рассуждениям о переходе повествования от плана «образа рассказчика» к плану «образа автора». Например:

Рукописный вариант

В воде Карабугаза кроме глауберовой соли много (хло) хлористого натрия (обыкновенной поваренной соли) и хлористого магния. Но при температуре в 5—6 градусов тепла, когда начинается «садка» глауберовой соли, карабугазская вода представляет собой насыщенный раствор этой соли и, наоборот, ненасыщенный раствор остальных солей. Поэтому глауберова соль (...) (кристаллизуется) кристаллизуется совершенно чистой без всяких примесей.

Исключение технологических подробностей привело к большей ясности и простоте изложения, но главное то, что обилие специальной терминологии делало «образ рассказчика» слишком специфичным.

Важно, наконец, отметить, что среди устраненных контекстов есть такие, в которых содержится повествование от первого лица. Писатель исключает их из окончательного текста:

Рукописный вариант

Купер рассказывал, что (...) весной, во время редких дождей, (...) вся пустыня превращается не в грязь, а в слизь, — машина может работать на полный газ и стоять на месте.

⟨Купер всю дорогу⟩

⟨В дороге Купер⟩ ⟨Писатели в своих книгах очень часто уклоняются от темы, за что их, обычно, ругают. Во время поездки в Макат я чувствовал себя дезертиром — мне всё казалось, что я удаляюсь от основной своей цели — изучение Карабугаза, к...⟩.

Окончательный текст

В Кара-Бугазе, кроме мирабилита, было найдено много хлористого магния и хлористого натрия (обыкновенной поваренной соли).

Окончательный текст

Купер рассказывал, что весной во время редких дождей вся пустыня превращается не в грязь, а в слизь. Машина может работать на полном газу и не двигаться с места.

Также исключаются личные местоимения первого лица из прямой речи героев:

Рукописный вариант

⟨Но есть еще закон великой земли. Я говорю о законе энтропии. Этот закон⟩ Есть великий физический закон. Он говорит, что энергия ⟨... может быть...⟩ ⟨возникает⟩ рождается лишь в условиях разности температур. ⟨Я поясню вам самым простым примером. Температура в первом котле.⟩ ⟨Чтобы получить энергию пара необходимо⟩ ⟨предположим энергия пара.⟩ ⟨Пар даст энергетический эффект лишь при разности температур,— если бы температура определяющая ⟨паров⟩ паровой котёл была⟩.

Окончательный текст

Есть великий физический закон. Он говорит, что энергия рождается лишь при условии разности температур.

Свойственная прямой речи разговорность, таким образом, сглаживается, снимается. Прямая речь приобретает более литературную окраску. Из окончательного текста устраняются излишние повторы (*есть закон; я говорю о законе*). Окончательный текст приобретает характер почти научного изложения. Взятая вне контекста, прямая речь не воспринимается как нечто субъективное, характерное для определенного человека.

Работа над рукописями велась не только по линии эстетического усовершенствования (исключение метафор, гипербол, отдельных экспрессивных слов), но затрагивала и более глубокие пласты. Часто в результате обычного редактирования изменяется сама структура текста. Повествование рассказчика, как участника событий и действующего лица, направляется и регулируется «образом автора», высшим идейно-художественным центром.

Итак, сравнивая разные тексты, мы побывали в «лаборатории» писателя, увидели его кропотливую работу над языком произведения.

Г. Д. АХМЕТОВА

Поговорка *убить бобра* представляет весьма редкий случай «единства противоположностей» в русской фразеологии. Она имеет два значения, и оба они противостоят друг другу. Первое, более распространенное, — «обмануться в расчетах, предпочтя худшее лучшему», второе — «приобрести что-либо ценное или добиться чего-либо значительного». В этих значениях поговорка употреблялась в русской литературе и отражена «Фразеологическим словарем русского языка» под редакцией А. И. Молоткова: «— Эх, Патап Максимыч, Патап Максимыч, убил же ты бобра, любезный друг! На поверку-то парень дрянь выходит, как кажется» (Мельников-Печерский. В лесах); «В министры попал почему? Понравился графу, что метко стреляет, бьет без промаху — ну и убил бобра. Бесконтрольно, можно сказать, всем царством владеет» (Сергеев-Ценский. Сад).

Как видно из художественных текстов, оборот *убить бобра* в первом значении подчеркнуто ироничен. Эта ирония, как предполагали В. И. Даль и известные историки русской фразеологии М. И. Михельсон и С. Максимов, во многом связана с анекдотом о калязинцах, которые якобы убили (по другим вариантам — кутили) вместо бобра свинью. Некоторые языковеды, впрочем, сомне-

ваются в этом: «Не ясно, при чем тут свинья? — пишет выдающийся советский ученый В. И. Чернышев. — Если это дикая свинья (кабан), то какая тут неудача! Я слышал выражение *убил бобра* как ироническое, о незavidном приобретении, например, о жёнитбе на заурядной девушке, принятой за необыкновенную» (В. И. Чернышев. Избранные труды, т. I, М., 1970).

Сомнения В. И. Чернышева оправданны, так как выражение *убить бобра* постоянно употребляется в составе древних русских пословиц, не имеющих никакого отношения ни к жителям города Калязина, ни к свинье, которую они якобы убили или купили. Эти пословицы также противопоставлены друг другу по смыслу, как и значения нашей поговорки: *Не убить бобра — не видать добра* и *Убить бобра — не видать добра*.

Первая из них кажется на первый взгляд гораздо более логичной и внутренне оправданной, чем вторая. Действительно, в бобровом промысле, который некогда был широко распространен на Руси, «не убить бобра» скорее могло означать охотничью неудачу, так сказать, невыполнение плана. Причем, как известно, *убить бобра* — дело нелегкое, поскольку это животное весьма осторожное.

Не случайно поэтому В. И. Даль, а следом за ним и такой глубокий знаток языка, как А. А. Потебня, считали исходным вариантом поговорки *убить бобра* именно «насквозь отрицательную» пословицу *Не убить бобра — не видать добра*. А. А. Потебня так описывает историю выражения: «Мы говорим: „Вот убил бобра“. Эта поговорка и употребляется в ироническом смысле; она возникла из пословицы. Известно, что еще в XVII веке во всей России и Украине водились бобры и ловля их служила важным источником дохода; отсюда пословица: „не убить бобра, не видать добра“, то есть его шкуры» (А. А. Потебня. Эстетика и поэтика. М., 1976).

Несмотря на кажущуюся убедительность такого толкования, именно языковые особенности этой поговорки и соответствующих вариантов пословицы оставляют все же место для сомнений в его правильности. Прежде всего непонятно, почему исконно отрицательная (по мнению А. А. Потебни) первая часть *Не убить бобра...* утратила отрицательную частицу. В. И. Даль в своем словаре объясняет эту утрату просто — пословица «переименована», то есть искажена. Однако странно, что искажению подверглась форма, от которой полностью зависит смысл всей пословицы. Во-вторых, при таком толковании остается неясным иронический характер поговорки: ведь *убить бобра* тогда означает охотничье везение, приобретение чего-либо ценного — именно такой смысл сохраняет второе, не ироническое значение оборота.

Наконец, почти все другие варианты пословицы, издавна фиксируемые русскими собраниями народной мудрости, в первой своей

части не содержат отрицания: *Убить бобра — немного добра; Убить бобра — не видать добра; Ударить в бобра, не видать добра; Убил бобра, а не нашел добра*. Справедливости ради необходимо назвать и те древнерусские пословицы, которые убийство бобра оценивают, в отличие от приведенных, положительно: *З дуракомъ не убить бобра; Как будетъ добръ так будетъ и бобръ; Кто добръ тому и бобръ а хто не добръ тому и выдры не будет*. Вместе с тем легко увидеть, что эти пословицы — особенно две последние — имеют принципиально иную структуру и смысл, чем варианты пословицы *Убить бобра — не видать добра*.

Для предположения об исконности именно этого варианта пословицы небезынтересна и фиксация оборота *убить бобра* в древнерусской тайнописи. Он употреблен в одной зашифрованной записке (по-видимому, зловредной анонимке) к некоему Ивану Федоровичу (XVII или XVIII век): «Ивано Федорович ты не оmani жена твоя не обманъ впрעד от тебя чает домав и хочеть мима тебя убить бобра...» (см.: Н. П. Панкратова. О древнерусской тайнописи. — Русская речь, 1974, № 4). Здесь, несмотря на фрагментарность контекста, ясно, что оборот *убить бобра* употреблен иносказательно, хотя и в другом значении, чем он используется сейчас. Возможно, это своего рода каламбур-издевка, основанный на двуплановом понимании известной уже в то время поговорки.

Особое значение для определения первичности пословицы *Убить бобра — не видать добра* в истории поговорки имеет факт, что именно она в несколько измененной форме представлена и в других славянских языках: в польском — *Jak zabijesz bobga, nie bedziesz miał dobta* (буквально «Если убьешь бобра, у тебя не будет добра»); в белорусском — *Бабёр дабёр, толька каб сваей скўры [шкуру] за яго ми атдаі*.

Выходит, и русскую пословицу *Убить бобра — не видать добра* можно понимать как некое предостережение типа правоучительно *Пить до дна — не видать добра?*

Действительно, такое предостережение было в старину по-своему оправданным. У восточных и западных славян существовало поверье, что убить бобра — это дурное предзнаменование. В Белорусском Полесье, например, никто из семьи человека, убившего бобра, не имел права строить дом поблизости места, где это произошло. Не случайно и сравнение *плачет, как бобр*, известное белорусам, полякам и словакам, связывается именно с представлением об обиде, которую люди творят бобрам.

Характерно, что устный запрет, выраженный в пословице *Убить бобра — не видать добра*, был своего рода «законом об охране природы». Не случайно, быть может, при интенсивном истреблении бобров в XVII—XIX веках в России и на Украине, они

лучше всего сохранились именно в белорусских болотах — там, где продолжало жить пословичное табу на их убийство.

В дальнейшем, когда это табу было снято, а исходный пословичный прототип поговорки забылся, она стала употребляться в ином, искаженном значении — ‘приобрести что-либо ценное, значительное’. Так появилась антонимия в пределах одного выражения.

В. М. МОКИЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

В русской народной сказке «Перышко Финниста ясна сокола» рассказывается: поехал купец далеко-далеко, и наказали ему три дочери привезти подарков разных и ценных. Только младшей дочери нужно было всего лишь перышко Финниста ясна сокола. Как это часто бывает в сказках, только с третьего раза, совершенно случайно, «за тысячу рублёв» достал купец перышко для любимой дочери. Когда пришла та в свою горенку, перышко обратилось добрым молодцем. Попытались сгубить его завистливые сестрицы, и улетел он ясным соколом за тридевять земель, в тридесятое царство, а красная девица отправилась на его поиски.

Эта сказка довольно поздняя. В ней действуют не цари, а купцы, не младший сын ищет пропавшую невесту, а младшая дочь — своего суженого. Элементом же старинной сказки здесь является лишь то, что перышко обратилось ясным соколом — добрым молодцем, красна девица ищет его в неведомых землях, где Финиста поят травой забвения, и что Финист — ясен сокол, цветные перышки. Если мысленно соединить общей логической цепью выделенные слова, то станет ясным происхождение имени сказочного героя. Финист — это фантастическая феникс из легенд, рожденных еще в древнем Египте, широко известных в средние века в Индии.

На Руси эти легенды появились не ранее XIII века. В переводном (с греческого) сборнике древних легенд о животных и птицах «Физиолог» о фениксе говорится: «Феникс — прекрасная птица, лучше всех и красивее всех, ибо павлин как бы в золоте и серебре, а феникс — в сапфире и изумрудах; носит венц на голове, а на ногах — сапоги, будто царь, и живет где-то в Индии». Далее рассказывается о том, что раз в 500 лет эта птица сама себя сжигает, а пепел вновь обращается в птенца, который живет 500 лет. В «Сказании об Индийской стране», переведенном в XIII веке, содержатся такие сведения: каждый месяц феникс вьет новое гнездо, взмывает к солнцу, поджигает гнездо и в нем сгорает; из пепла выходит червь, постепенно вырастающий в новую птицу. Птица такая на свете одна, кормится она огнем солнца и возрождается только в огне.

Из переводных легенд фантастический образ феникса перешел в относительно новую по своему происхождению русскую сказку. Но до его появления в наших сказках и песнях, поговорах и поговорках широко бытовал образ другой легендарной птицы, символизирующей в славянском фольклоре все самое смелое, славное, быстрое, драгоценное, — образ сокола. Он обычно «усилен» эпитетом *ясный* 'светлый, яркий, сияющий, блестящий, белый, чистый, с лоском'. В народном языке широко представлены выражения *ясное небо* 'погода безоблачная', *ясное солнце* 'день солнечный', *ясные глаза* 'открытый взгляд', *вода ясна, как зеркало* и другие. В Толковом словаре В. И. Даля к слову *ясный* приведена поговорка: *Покажется сатана, лучше ясного сокола*. А известный собиратель и исследователь русского устного народного творчества А. Н. Афанасьев в работе «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «...слово *ясный* совмещает в себе понятия света и скорости... Народные русские песни до сих пор величают сокола *свет-ясен сокол*, то есть птица, быстрая как свет, как молния».

Таким образом, в русской сказке образ феникса наложился на образ сокола и совместился с ним по функции. Это, видимо, было

вызвано тем, что со временем сокол в сказке стал обозначать всякого доброго молодца, не обязательно царевича. Нужно было оживить, усилить полузабытую символику сказки.

* * *

Фонетический облик слова *Финист* указывает на его позднее книжное происхождение. В древнерусском народном произношении звука *ф* не было, его и сейчас нет в большинстве русских говоров: там говорят *зворма* вместо литературного *форма*. Лишь в XIX веке некоторые русские говоры, те, что были поближе к большим городам, усвоили произношение *ф* в начале слова, но ведь именно тогда и были записаны сказки о Финисте ясном соколе. В форме *Финист* отражено так называемое «иканье»: (звук *и* вместо *е* в предударном слоге), которое стало употребляться в говорах вокруг больших городов с конца XVIII века. Так что до этого времени интересующее нас имя могло произноситься в русских народных говорах иначе, как-нибудь вроде *Хвенист*.

Но тут оказывается, что и сочетание согласных в конце имени не соответствует исходному слову *феникс*. Снова мы сталкиваемся с особенностью славянского произношения, для которого издавна характерно только одно-единственное сочетание глухих согласных — *ст*, тогда как сочетание *кс* является для него сложным. К тому же греческое *кс* выражалось одной буквой и было для греческого языка обычным сочетанием, а у славян в качестве такого сочетания выступало только сочетание *ст*. *Ст* и *кс* похожи и потому могут заменять друг друга в заимствованных словах. Так всегда и бывает при вхождении чужого слова в разговорную речь: незнакомый звук приспособливается в звучании к похожему звуку заимствующего языка, и тем самым чужое слово становится как бы своим, похожим на десятки других. Вдобавок, живой уже была традиция произношения ряда заимствованных имен, оканчивающихся на *ст*, например: *Камист*, *Фавст*, *Феоктист*, *Феонист* и другие. Так *феникс* стал *Финистом*. Слово вошло в привычный ряд русских имен, стало именем героя русской сказки.

Теперь мы можем взглянуть на все сочетание в целом. Звучать оно должно было так: *Фенист ясѣн сокол* — с определенным ритмом, что, конечно же, важно для сказочного сочетания. Оно похоже на многие древние сочетания слов, вроде *тур золотые рога*, *свеча воск яр* и другие. Выдающийся русский языковед и литературовед А. А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» такие сочетания называл безглагольными приложениями, которые имеют значение самостоятельного предложения: *тур, у которого золотые рога, свеча из ярого воска, Финист, как ясный сокол*.

Это — отражение особого, очень древнего строя речи, в которой все составные части представлены как равноправные, хотя в развитии мысли одна и подчинена другой, поясняет его. В народном языке долго сохранялась такая форма выражения синтаксической связи, но в литературном ее избегали. В этом и заключается причина, почему сегодня нам приходится вдумываться в смысл древних сочтаний, постигая сокровенный смысл русской сказки.

В. В. КОЛЕСОВ

Рисунок С. Гавриловой

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ТЕЛОГРЕЯ

1564 год. Бежит в Литву бывший друг Ивана Грозного воевода Андрей Курбский. Вскоре между царем и изменником начинается полемическая переписка. В ней мы встречаем такие строки:

«Едию вспомяну: ...князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, локтём оперши, от отца нашего о постелю ногу положив... а казну деда и отца нашего себе поймаша...» (Иван IV вспоминает свое детство и обвиняет родственников Курбского в расхищении царской казны).

«Широковещательное и многошумящее твое писание приях... Тутю же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистину, якобы неистовых баб басни...» (предерзостно отвечает князь Андрей Курбский).

О каких телогреях идет речь? Конечно, не о широко известных нам телогрейках — рабочей одежде.

В переписке говорится о верхней женской распашной одежде из плотной материи. Длинная до пят, застегивае-

мая спереди на пуговицы или завязываемая специальными завязками, телогрей имела длинные узкие рукава с особыми прорезами для рук. Носилась эта одежда и с опущенными, и со связанными узлом на спине рукавами. Жены и дочери князей и бояр имели дорогие телогрей на меху. Подобные одежды носили и богатые мужчины. Только назывались они по-иному: охабень (от древнерусского глагола охабить — охватывать), опашень, ферязь.

Главная редакция литературно-драматического вещания Всесоюзного радио проводит цикл ежемесячных передач «Беседы о русском языке», которые с живым интересом встречаются радиослушателями. В многочисленных письмах слушатели просят ознакомить их с текстами передач. Откликаясь на эти просьбы, журнал «Русская речь» предоставляет свои страницы материалам радиобесед о русском языке.

Сегодня мы помещаем беседу «О культуре русской речи». Ее автор — доктор филологических наук Л. И. Скворцов.

О КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ РЕЧИ

Родной язык любого народа — это душа нации, первостепенный и наиболее очевидный ее признак. В языке и через язык выявляется национальная психология, характер народа, особенности его мышления и художественного творчества. «Язык, — говорил А. И. Куприн, — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью». Действительно, высокая культура устной и письменной речи, умение пользоваться всеми выразительными средствами родного языка, его стилистическим многообразием — это самая лучшая опора и самая надежная рекомендация для каждого человека в его общественной и творческой деятельности.

Культура речи предполагает общую высокую культуру человека, его любовь к родному языку, нетерпимое отношение к его искажению и обеднению. Известно, что язык принадлежит всем вместе и каждому в отдельности. И каждый говорящий и пишущий — не только послушный раб, но и полновластный хозяин своей речи. Независимо от рекомендаций пособий и словарей, строгих выводов лингвистической науки каждый может, как будто бы, сам «творить» свой язык. Но так ли это? Конечно, нет. Будучи важнейшим средством человеческого общения, язык развивается и живет также по собственным внутренним законам, не подчиняться которым мы не можем. Именно поэтому культура родного языка — это и личное дело каждого, и одновременно общее дело всех.

Практическая нормализация, упорядочение русского языка начинались, в сущности, вместе с возникновением письменности. Иное дело — теоретическая нормализация, теория и практика культуры речи в собственном смысле слова. Начальные шаги в этом направ-

лении связаны с составлением первых грамматик, риторик и словарей, с описанием в учебных целях литературного, образцового языка, его норм и стилей.

В истории культуры русской речи и национальной русской культуры вообще особое место принадлежит М. В. Ломоносову, которого Пушкин справедливо называл «первым русским университетом». Ломоносов был убежденным сторонником нормализации русского языка. Его многочисленные труды, и в первую очередь «Российская грамматика» и «Риторика», заложили основы нормативной грамматики и стилистики русского языка, повлияли на деятельность замечательных русских языковедов: А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, К. С. Аксакова, Я. К. Грота, А. А. Потебни, В. И. Чернышева и многих других.

После Великой Октябрьской социалистической революции проблемы нормализации русского языка были выдвинуты на передний край лингвистической науки. Они были непосредственно связаны с задачами повышения речевой культуры широчайших революционных масс, приобщением трудового народа к достижениям русской и мировой культуры, совершенствованием политической пропаганды. Об этом не раз писал В. И. Ленин. Он настоятельно добивался создания словаря образцового русского языка «для пользования (и учения) всех»; выступал против засорения русского языка непущжными иноязычными заимствованиями. Владимир Ильич Ленин стоял у истоков советской нормативной лексикографии и нормализаторской деятельности в области русского языка в целом.

Интенсивные изменения в русском языке советской эпохи, актуальность задач языкового строительства способствовали пробуждению живого интереса ученых, писателей, общественных деятелей к проблемам культуры речи в теории и на практике. В это время появились работы советских языковедов А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, Г. О. Винокура и многих других. В 30-е годы при активном участии А. М. Горького прошла известная дискуссия о диалектизмах в языке художественной литературы. В предвоенные и послевоенные годы вышли труды советских лексикографов: «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах (под редакцией Д. Н. Ушакова), «Словарь русского языка» в 4-х томах АН СССР, многочисленные издания однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах АН СССР, удостоенный в 1970 году Ленинской премии. В начале 50-х годов вышла в свет двухтомная академическая «Грамматика русского языка».

В последующие десятилетия внимание к вопросам культуры речи советских языковедов еще более возросло. Появляются работы академика В. В. Виноградова, членов-корреспондентов АН

СССР Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, Р. А. Будагова, профессора С. И. Ожегова и многих других. В работе по повышению культуры речи активно участвуют советские писатели, внося весомый вклад в это важное общенародное дело.

Культура речи (в ее современном понимании) — это прежде всего владение языковыми нормами (в области произношения и ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения, в соответствии с целями, задачами и содержанием общения. Вместе с тем культура речи — это и теоретико-прикладная лингвистическая дисциплина, направленная на изучение и совершенствование литературного языка как орудия культуры.

Общее понятие «культура речи» включает в себя две ступени освоения литературного языка, или два способа (уровня) владения им: правильность речи и речевое мастерство.

Правильность речи — это соблюдение норм современного русского литературного языка, воспринимаемых говорящими и пишущими в качестве образца, идеала или общепринятого обычая. Оценки вариантов на уровне правильности достаточно категоричны: правильно — неправильно, по-русски — не по-русски, можно — нельзя и т. п.; например, *сколько времени?* (неправильно: *сколько время?*), *процэнт* (не *прбцент*), *мозбль, -и*, жен. р. (не *мозбль, -я*, муж. р.), *чернйла*, тв. *чернйлами* (не *чернйло*, тв. *чернйлом*) и т. п. Правильность речи является предметом школьного обучения русскому языку (преимущественно в области грамматики и орфографии, в меньшей степени — в области лексики, орфоэпии и стилистики).

Речевое мастерство в отличие от правильности речи — это не только (да и не столько) следование нормам литературного языка, но также и умение выбирать из сосуществующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически уместный, выразительный, доходчивый и т. п. Оценки вариантов при этом менее категоричны: лучше — хуже; вернее, яснее, точнее, уместнее, чем... и т. п. Точнее, например, *я смог прийти*, чем *я сумел прийти* (так как речь идет о простой физической возможности сделать что-нибудь, а не о высоком умении, мастерстве и т. п.; сравните: *я сумел выполнить это задание*); глагол *кушать* традиционно не употребляется в форме 1-го лица (то есть по отношению к самому себе: «я кушаю, покушал» вместо *я ем, поел*), но допускается в вежливой форме повелительного наклонения (при приглашении кого-нибудь к еде), а также по отношению к детям и т. п.

Важнейшей задачей культуры речи как раздела лингвистической науки является изучение языковых норм — на всех уровнях язы-

ка — в их отстоявшихся, традиционных формах, а также в противоречиях, в развивающихся или возникающих вновь тенденциях к изменению и т. п.

Языковая норма (или литературная норма) — это правила произношения, грамматики, словоупотребления и т. п., принятые в общественно-речевой практике образованных людей. Литературная норма складывается как результат социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого и возводимых в ранг наиболее правильных, пригодных и общеупотребительных.

В отличие от норм, господствующих в диалектах или в просторечии, норме литературного языка приписываются качества особой правильности и общеобязательности. Литературная норма культивируется на радио и телевидении, в театре, в массовой печати; она является предметом и целью школьного обучения родному языку.

Изучение и объективное описание литературных норм живого языка в ряде случаев приводит к неоднозначности ответа, к выводам о сосуществовании нескольких вариантов употребления. Вспомним такие варианты, как *внештатный (сотрудник) и нештатный (сотрудник)*; *в цехе и е цеху*; *в адрес и по адресу*; *дискутировать и дискуссировать*; *сох и сознул*; *накатка, накат и накатывание* и т. п.

Известный русский языковед Василий Ильич Чернышев в свое время писал: «В языке всякой определенной эпохи для ее современников много неясного: слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося...».

Следует подчеркнуть, что объективные колебания литературных норм обычно связаны с их развитием, когда варианты являются переходными ступенями от устаревающей нормы к более новой. Причины колебаний нормы — взаимодействие стилей, процессы «олитературивания» диалектных и просторечных элементов, внутренние закономерности языкового развития (действие законов аналогии, экономии языковых средств, взаимодействие формы и смысла в процессе речи и др.). В тех случаях, когда варианты не дают ничего в смысловом, стилистическом и другом отношении, говорят обычно о дублетах. Литературная норма (и язык в целом) стремится к освобождению от простых дублетов.

Понятие нормы — важнейшее при описании и характеристике литературного языка и его исторической периодизации. Лексические и грамматические нормы, установленные А. С. Пушкиным, в основном сохранились до нашего времени. Однако нормы Пушкинской

эпохи, конечно, не вполне тождественны современным литературным нормам.

Реальным воплощением литературной нормы традиционно считались и считаются тексты лучших национальных писателей — мастеров художественного слова. В наше время к ним добавляются другие жанры литературного употребления, в первую очередь «язык массовой коммуникации» — газет, радио и телевидения, кино и т. п. И совершенно естественно поэтому теперь особенно остро встает задача изучения и научной нормализации русского литературного языка, повышения культуры устной и письменного общения, пропаганды лингвистических знаний.

Под влиянием научно-технической революции литературный язык усложняется, обогащается новыми научными понятиями, терминами, подчиняясь при этом своим внутренним закономерностям. Он лучше, тоньше и точнее служит человеку, продолжая оставаться живым литературным языком народа.

Закономерное развитие языка, обогащение его сокровищницы надо уметь отличать от его засорения и обеднения. А засоряет и обедняет его все то внешне «новое», что не приносит дополнительных оттенков мысли, что является простым дублетом к тому, что уже есть в языке: все то, что искажает, иссушает или огрубляет нашу повседневную устную и письменную речь. Это и ненужные заимствования из других языков, и неправильное их употребление: «анналы» вместо *запасники*, *богатства*; «когорта» вместо *группа*, *ряд*; «форум» вместо *конференция*, *слет*, *чемпионат*; тавтологические сочетания «памятный сувенир» или «передовой форпост» и мн. др. Это и неуместные профессионализмы, и жаргонная речь, и штампованные обороты: «функционировать» вместо *действовать*, «трудиться» вместо *работать*, «возводить» вместо *строить* и т. д.

Для традиционных представлений о литературной норме характерно признание языкового идеала у говорящих и пишущих в качестве главной отличительной черты литературного языка. Современной отечественной науке свойственно динамическое понимание нормы, по которому она является не только воспроизведением традиционных, готовых «образцов», но и постоянным творением, созданием новых фактов в процессе речевой деятельности.

В советскую эпоху, в развитом социалистическом обществе русский литературный язык впервые в истории мировой культуры стал подлинным достоянием народа. При этом литературные нормы претерпели известные качественные изменения в сторону демократизации — в соответствии с прогрессивными тенденциями развития и духом языка.

Литературная норма, или норма языка — центральное понятие теории культуры речи. Языковая норма — это маяк, по которому

языковой коллектив ориентируется в безбрежном океане речевой деятельности. Изучение объективных норм, точное описание и закрепление их в словарях и справочниках — важная общекультурная задача.

Научная языковая нормализация проходит в постоянной борьбе с двумя крайностями: пуризмом, с одной стороны, и антинормализаторством — с другой.

Языковый пуризм (от франц. purisme и лат. purus — «чистый») — это стремление очистить язык от всех иноязычных слов и выражений, а также от неологизмов и новообразований; неприятие в литературной речи лексических и грамматических элементов, идущих из территориальных и социальных диалектов, просторечия, профессионального употребления и т. п. В широком смысле пуризм — это излишне строгое, непримиримое отношение к любым заимствованиям, новшествам, вообще ко всем субъективно понимаемым случаям искажения, огрубления и порчи языка.

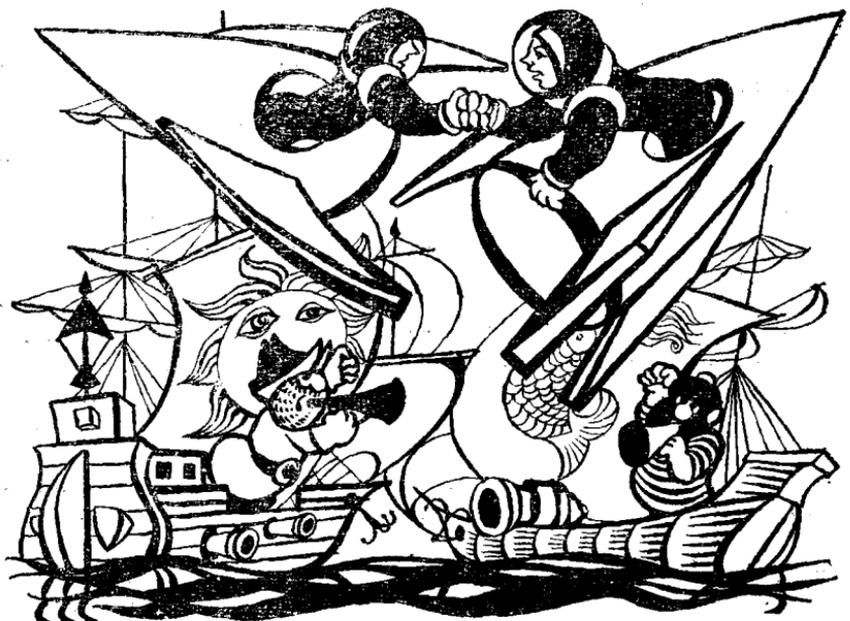
Прямой противоположностью пуризма является антинормализаторство — проповедь «вседозволенности» в языке, поклонение стихийности в его развитии, отрицание сознательного вмешательства в языковой процесс, отрицание необходимости научной нормализации (с позиций ложно понимаемой «народности» всего языка в целом). Наука о культуре речи отвергает как пуристические, так и антинормализаторские воззрения в области речевой культуры, потому что в своих крайних проявлениях эти ненаучные подходы сливаются воедино.

Программа языковой политики, основанной на научных знаниях, состоит в том, чтобы удерживать литературную речь на высшем уровне современной культуры и книжно-письменной традиции и в то же время не допускать ее отрыва от народной почвы, живых истоков и живых процессов национального русского языка.

...Когда мелеют реки и вырубаются леса, человек создает искусственные озера и водоемы, проводит лесопосадки, сооружает плотины. Совершенно не то в языке. Словарные и стилевые отмели, пересохшие живые ручьи здесь не спасти никакими «запрудами». Искусственное в языке всегда оборачивается искусственностью, ведет к безжизненности, к угасанию мысли. Поиски живых родников народной речи, расчищение засыпанных или забытых колодцев, обращение к вековым богатствам национальной традиции — таков путь сбережения и обновления святыни родного языка, которую мы передаем своим потомкам.

От творческого и бережного отношения к языку каждого из нас во многом зависит настоящее и будущее советской социалистической культуры.

Л. И. СКВОРЦОВ

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ

Репортаж из Центра управления полетом, напечатанный в газете «Правда» (28 августа 1978), содержит такой диалог работников Центра с космонавтами:

- «Ястребы», приветствуем вас!
- Спасибо, спасибо! Добрый вечер!

Так началась эта беседа с выражений речевого этикета: обращения, приветствия, благодарности. Вступая в контакт с собеседником, мы непременно используем речевой этикет (см.: «Русская речь», 1979, № 4). Когда и почему в нашей речи появляются обращения, приветствия, поздравления, пожелания, благодарности, извинения и т. д.?

Общение людей настолько привычно и самоочевидно для нас, что мы не задумываемся над тем, что же необхо-

димо, чтобы само общение возникло. А между тем для любого речевого общения (и для речевого этикета) необходимы определенные условия, которые называют речевой ситуацией. Эта сумма внешних условий и внутренних реакций общающихся получает то или иное «фразовое» оформление. В определенных случаях употребляются соответствующие выражения. В речевой ситуации всегда есть: говорящий; его собеседник; место и время речи; мотив и цель общения; тема разговора; средство общения с присущими ему формой и значением.

В речевом этикете перечисленные элементы речевой ситуации выглядят следующим образом. Говорящий (или, как его еще называют, адресант) — это всегда «я» (иногда «мы», как в приведенном выше примере), а собеседник (или адресат) — всегда «ты» или «Вы» вежливое (иногда «вы» множественное). В самом деле, когда мы с кем-то здороваемся или прощаемся, кому-то желаем успехов, кого-то поздравляем и т. д., то употребляем выражение, непосредственно направленное от первого лица говорящего ко второму лицу слушающего: *Благодарю вас, Спасибо (тебе), Извините меня, Здравствуй, Приветствую Вас, Поздравляю с праздником, Желаю успехов* и т. п., то есть во всех случаях говорю именно «я» и именно «Вам» («тебе»). Таким образом, «адресант — адресат» в речевом этикете находят выражение в грамматических способах представления *я — ты*. Говорящее лицо чаще всего одно, и это отражается в форме выражений: *Я благодарю вас, Прошу прощения, Извините меня* и т. д. Но иногда адресант представлен множественно, см. пример в начале заметки, а также: *Приветствуем и поздравляем вас...* Адресат также может быть единичным, к которому обращаются на «ты» или на «Вы»: *Здравствуй и Здравствуйте, Прости и Простите, Прощай и Прощайте* и т. д. Множественный адресат бывает при обращении ко многим лицам, к аудитории, при приветствии многих присутствующих: *Уважаемые товарищи! Поздравляю вас с трудовыми успехами!*

Такие элементы речевой ситуации, как место и время речи (где и когда происходит общение) в речевом этикете представлены также своеобразно. Для выражений речевого этикета в целом они несущественны: мы здороваемся и прощаемся, обращаемся и извиняемся и т. д. в любое время и в любом месте, то есть летом и зимой, в понедельник и воскресенье, утром и вечером, на

улице и в семье, в учреждении и в транспорте... Лишь некоторые выражения содержат более или менее точное указание на время: *Добрый день, Добрый вечер, Доброе утро* — при приветствии; *До завтра, До вечера* и т. д. — при прощании и т. д. Однако есть более существенные, «внутренние» показатели того, где и когда происходит общение. Это точка встречи говорящих — *здесь* и момент их общения — *сейчас*. Так, например, форма *Поздравляю вас!* показывает, что поздравление исходит от адресанта и направляется адресату *здесь и сейчас* (то есть в настоящее время). Заметим попутно: так бывает в речевом этикете и при общении на расстоянии — по телефону или в письме. Говорящий или пишущий как бы представляет собеседника присутствующим *здесь и сейчас*, как в примере, с которого мы начали заметку. Именно поэтому в письме возможны формы речевого этикета, которые имитируют непосредственность общения: *Добрый день, дорогой Николай Петрович!*

Мотив и цель в речевой ситуации относятся уже не к внешним обстоятельствам общения, а к внутренним реакциям общающихся. Обращение или приветствие, благодарность или извинение и т. д. связаны с потребностью, ощущением необходимости проявить к собеседнику доброжелательность. В обществе вырабатываются определенные правила речевого поведения человека, соответствующие нормам общественной жизни. Все мы знаем, как рано обучают ребенка приветствиям и прощаниям. Малыш, еще не умея говорить, выражает их жестами. Впоследствии внутреннее как необходимость становится привычным, ощущается как потребность, и исполнение речевого этикета входит в правила поведения человека в обществе. Неисполнение таких правил нередко приводит к конфликтам во взаимоотношениях, о чем мы уже писали (см.: «Русская речь», 1979, № 4).

Цель в использовании выражений речевого этикета — извинение или благодарность, прощание или поздравление и т. д. — связана с мотивом и предопределяется необходимостью установить благоприятную тональность общения с собеседником. Такая тональность может быть различной: дружеской и даже фамильярной — *До скорого, Всего, Привет* и т. п.; грубоватой — *Здорово!, Эй, парень!*; официально-торжественной — *Разрешите вас приветствовать, Позвольте поблагодарить*. Впрочем, выбор стилистически сниженных или повышенных выражений речевого этикета

связан со множеством причин, поэтому поговорим об этом в другой статье. Здесь же приведем отрывок из книги А. Добровича «Общение: наука и искусство» (М., «Знание», 1978):

«Умеете ли вы так поздороваться или что-то спросить, чтобы человеку было приятно ответить вам? Способны ли вызвать интерес и чувство доверия? Если с вами грубы — находите ли ответную реакцию, помимо собственной грубости? Согласитесь: грубость не всегда лучший ответ на грубость... Но есть ли у вас умение спокойно осадить грубияна, сделать его поневоле вежливым?».

Согласимся, что доброжелательная тональность общения может быть достигнута при помощи выражений речевого этикета. Вовремя произнесенное извинение, уместная благодарность, уважительное обращение и т. д. создают тот микроклимат общения, к которому все мы стремимся.

Какова же тема сообщения в речевом этикете? При помощи выражений *Здравствуйте* или *До свидания* мы не строим новых высказываний, а лишь используем готовые, стереотипные единицы, в которых, однако, есть немалый смысл. В речевом этикете можно представить определенную «тему события»: я привлекаю ваше внимание для общения (обращение); я вам (преимущественно, знакомому) посылаю привет в начальный момент общения (приветствие) или в конечный момент (прощание); я виноват перед вами и прошу об искуплении вины (извинение); по случаю приятного события посылаю вам доброжелательный привет (поздравление); по случаю вашего горя сочувствую вам, разделяю ваши чувства (соболезнование) и др. Именно «тема события» позволяет нам отличать приветствия от прощаний, извинения от благодарностей и т. д. В определении значения выражений речевого этикета этот момент играет основную роль.

Подведем итоги. Такое средство общения (а точнее — установление контакта с собеседником), как речевой этикет, появляется в нашей речи при определенных условиях, то есть в определенной речевой ситуации.

Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ

Рисунок С. Гавриловой

Отвечает

«Служба языка»

ПРЕДСТАВИТЬ И ПРЕДОСТАВИТЬ

«Как правильно сказать, — нередко задают вопрос, обращаясь в „Службу языка“, — *представить отчет или предоставить отчет, представить доказательство или предоставить доказательство, представить слово или предоставить слово, возможность представилась или предоставилась?*».

Однокорневые глаголы *представить* и *предоставить*, имея одинаковое строение и обладая сходством звуковой формы, в современном русском литературном языке различаются значениями (подобные слова в лингвистике называются **паронимами**).

Современные толковые словари выделяют у глагола *пред-*

ставить несколько значений, и среди них, например, следующие: 1) доставить, подать куда-либо или кому-либо: *представить дипломную работу, представить документацию, представить отчет к указанному сроку*; 2) предъявить, показать что-либо подтверждающее какой-либо факт: *представить справку, представить доказательства*; 3) познакомить с кем-либо, отрекомендовать кому-либо: *представить товарища, представить лектора аудитории*; 4) возбудить ходатайство о награждении или повышении по службе: *представить к ордену, представить на соискание премии, представить к присвоению очередного воинского звания*; 5) изобразить, показать: *представить героем, представить добряком, представить в истинном свете*; 6) воспроизвести, показать на сцене; изобразить кого-, что-либо, копируя: *представить сцену из «Ревизора», представить походку*; 7) мысленно воспроизвести, вообразить: *трудно представить, представить себе весь драматизм положения*.

С этими значениями глагола *представить* соотносительны и значения образованного от него существительного *представление*: *обеспечить представление проекта в срок; состоялось представление нового директора завода; подписать представление на сотрудника; театральное представление*.

Глагол *предоставить* имеет два основных значения: 1) дать возможность обладать, распоряжаться, пользоваться чем-либо: *предоставить квартиру, предоставить свободу*; 2) дать возможность делать что-либо, действовать каким-либо образом: *предоставить решить дело*. Производное существительное *предоставление* обозначает действие по значениям глагола *предоставить*: *предоставление независимости; предоставление работы*.

Глаголы *представить* и *предоставить* не совпадают ни в одном из своих значений, однако сходство их строения и звуковой формы подчас создают известные трудности в выборе необходимого слова. Нужно сказать, что смешиваются они обычно лишь в первых двух значениях. И в устной и в письменной речи можно встретить такие сочетания: «*предоставить отчет*» (вместо *представить отчет*), «*предоставить обоснование*» (вместо *представить обоснование*), но вряд ли возможны построения типа «*предоставить друга*», «*предоставить к награде*», «*предоставить на сцене*». Именно в этих значениях оба глагола имеют общее понятийное основание. Конкретное значение, которое эти слова имеют, например, в сочетаниях *представить проект* и *предоставить отпуск*, можно подвести под более общую смысловую формулу «дать что-либо

кому-либо». Но если *представить* — это просто «дать, подать, предъявить», то *предоставить* всегда предполагает наличие возможности, права распоряжаться, пользоваться чем-либо, делать что-либо, действовать каким-либо образом. Не случайно еще в Толковом словаре В. И. Даля среди нескольких толкований значения глагола *предоставить* приводились и такие: «отдавать на волю; давать в чем полную свободу».

Следовательно, правильными, нормативными будут сочетания: *представить — отчет, заключение, план, проект, документы, факты, доказательства* и т. д.; *предоставить — отпуск, жилплощадь, выбор, должность, кредит, свободу, права* и т. д.

Смысловое различие между глаголами *представить* и *предоставить* легко обнаруживается в том случае, когда они выступают в сочетании с одними и теми же словами: *представить дом к сдаче* (предъявить) и *предоставить дом многодетной семье* (дать возможность владеть домом, жить в нем); *представить материал* (просто подать материал) и *предоставить материал* (дать возможность пользоваться материалом в каких-либо целях).

Не следует смешивать глаголы *представить* и *предоставить* в устойчивых словосочетаниях, где они используются в свойственных им значениях;

представить на рассмотрение, утверждение, но предоставить самому себе; предоставить слово и (устаревшее) предоставить речь: «— Разрешается военсовету наметить кандидатов... и представить их также на утверждение реввоенсовета фронта» (Фурманов. Мятеж); «Председатель объявил судебное следствие законченным и без перерыва, желая скорее отделаться, предоставил речь обвинителю» (Л. Толстой. Воскресение).

Нужно обратить внимание и на такую конструкцию, как *представилась (представляется) возможность*. В ней возвратный глагол *представиться* употребляется в значении 'возникнуть, явиться', которое отсутствует у соответствующей невозвратной формы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что использование паронимов в речи требует известной осмотрительности: сходство структуры и звучания создает определенные предпосылки для их смешения, которого, однако, легко удастся избежать при точном знании значения каждого из слов. Подробные сведения о паронимических парах и рядах русского языка, о смысловом различии составляющих их слов содержатся в следующих пособиях: Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка (М., 1968); О. В. Вишнякова. Паронимы в русском языке (М., 1974).

С. И. ВИНОГРАДОВ

РОДИТЕЛЯМ — О РАЗВИТИИ РЕЧИ ДЕТЕЙ

Об умственном развитии человека, его культурном уровне обычно судят по тому, как он выражает свои мысли, то есть как говорит или пишет. Речь образованного человека должна быть логичной и доходчивой, выразительной и точной и, конечно, правильной, соответствующей литературной норме.

Основы навыков правильной речи закладываются в раннем детстве. Многие родители ведут дневники развития своих детей, записывают детскую речь, особенно меткие и оригинальные суждения детей, изобретаемые ими слова.

Восприятие чужой речи всегда несколько опережает собственную: ребенок понимает речь взрослых раньше, чем сам начинает говорить. Он усваивает язык, подражая речи взрослых, в первую очередь, родителей. Какова их речь, так на первых порах будет говорить и ребенок (позднее в круг речевых влияний войдет детский сад, школа).

■

На всех этапах речевого развития человека чрезвычайно велика роль среды. Ребенок (как, впрочем, и взрослый), воспринимая речь, усваивает два вида информации: открытую, прямую (то, о чем говорится) и скрытую, косвенную (закономерности языка, на котором говорят). Второй вид усваивается на подсознательном уровне: постепенно накапливается информация о языке и формируется так называемое чувство языка. Поэтому очень важно, чтобы еще в раннем детстве речевые влияния на ребенка были разнообразны и правильны.

Сказанное, в общем, относится к усвоению не только родного, но и второго языка. Так, в условиях двуязычия (билингвизма) ребенок параллельно усваивает и словарь, и грамматику обоих языков, не затрачивая на это дополнительных усилий и времени. Наблюдения показывают, что естественный билингвизм положительно сказывается на дальнейшем речевом развитии детей.

Первые слова-предложения в речи ребенка появляются в возрасте одного года — одного года трех месяцев. По данным разных исследователей, ребенок двух лет в своем словаре имеет от 30 до 100 слов (нередко слова бывают искажены: *ко* — *молоко* и т. п.); четырех лет — от 1000 до 3,5 тысяч; семи лет, при поступлении в школу, — от 3 до 7 тысяч. В возрасте «от двух до пяти» ребенок практически овладевает основными грамматическими формами: употребляет имена существительные, прилагательные, местоимения в нужных падежах и числах, глаголы — в настоящем, прошедшем и будущем времени необходимого лица и числа. К пяти годам нормально развивающиеся дети используют все части речи, строят основные виды словосочетаний и предложений, в том числе простейшие варианты сложного предложения, принятые в разговорно-бытовой речи. В дальнейшем происходит обогащение лексики, усложнение грамматического строя речи детей.

■

Дошкольный возраст представляет собой очень важный этап в жизни ребенка, и те недостатки речевого развития, которые могут быть в это время допущены, позднее не всегда удастся исправить.

Что же необходимо для успешного развития речи ребенка?

1. Создание условий, определяющих потребность общения.

С ребенком следует разговаривать, обращаться к нему, побуждать к высказываниям, шутить, смеяться, сочинять вместе с ним сказки, стихи, рассказы, играть в такие игры, которые требуют четких вопросов и ответов, разучивать потешки, считалки, скороговорки, стихотворения, воплощаться в зверей и говорить их голосами и т. п. Во время прогулок отвечать на вопросы детей, приучать их к наблюдениям и осмысливанию того существенного, что они видят. Не следует забывать и о так называемой эгоцентрической речи ребенка — о разговоре с самим собой, когда он остается один: такая речь тоже полезна и необходима. В детских садах проводятся специальные занятия по развитию речи: беседы, чтения, рассказывание сказок, различного рода театрализованные выступления, утренники, встречи и т. п. Положительно влияет на развитие речи и детский коллектив.

2. Наличие хорошей, здоровой речевой среды.

Известно, что ребенок усваивает язык подражанием: повторяет звуки, слоги, слова, обороты речи, интонации. Он впитывает «с молоком матери» все черты, присущие речи взрослых, в том числе диалектные особенности, просторечные элементы, если они есть. В наши дни в речи детей-дошкольников можно услышать книжные слова, заимствованные ими у взрослых. Это прогрессирующее явление и, как нам кажется, нежелательное. Приведем примеры.

На остановке, в ожидании автобуса молодая мама разговаривает с дочкой лет четырех: Мама. А ты помнишь, какая смешная была избушка? Девочка. Да, на куриных ножках. Мама. А кто из персонажей (!) тебе больше всех понравился? Девочка. Из персонажей... Мне Баба-Яга не понравилась, очень.

Слово *персонаж*, уместное в речи взрослого человека, странно слышать из уст ребенка. В речи другой девочки, пяти лет, встречались слова *барельефы*, *реставрировали*, *фасад*... Некоторые родители горды тем, что их дети употребляют причастные обороты, сложноподчиненные предложения. Но всему — свое время. Нужно ли его торопить и лишать детскую речь простоты и непосредственности, присущих их возрасту.

Подобно тому, как в пище ребенок получает самые разнообразные вещества (белки, витамины, жиры), так и речевая среда должна обеспечивать различные «пласты» и средства языка: речь — бытовую и поэтическую, высокоэмоциональную; диалоги и монологи; прозу и стихи; разные тематические группы слов. Нельзя забывать, что речь, которую дети слышат, воспринимают, всегда должна быть несколько выше их уровня, иначе она не будет обогащать ребенка, а в отдельных случаях — препятствовать формированию языкового

чутья. Пожилой человек прогуливается по перрону с девочкой лет четырех, показывает ей на огромные локомотивы и говорит: «Смотри, Леночка, вот это *тепловозик*, а вон там — *электровозик*». Подделяваясь к речи ребенка, дедушка не учел того, что даже очень маленькие дети так не говорят, что четырехлетний ребенок прекрасно разбирается в уменьшительно-ласкательных значениях и их уместности.

Заботясь о речевой среде для своих детей, родители не должны забывать о лучших образцах языка — о художественной литературе. Детские книжки теперь есть в каждой семье, их чтение и рассмотрение стало любимым занятием детей. Художественные произведения раскрывают перед ними мир человеческих чувств и отношений, пробуждают гуманные стремления, учат сопереживать с героями книг. Все это — основа нравственного, а затем и гражданского воспитания.

Произведения устного народного творчества и письменной литературы помогают ребенку почувствовать красоту звучащей родной речи — тонкий юмор потешек, дразнилок, считалок, увлекательную предельность сказок, нежность песен, плавную ритмику стихотворений, ясность и простоту художественного повествования. В тексте обнаруживаются тончайшие оттенки значений слов, их форм и сочетаний.

И нравственные чувства, и «чутье» языка развиваются у детей под непосредственным воздействием книжки. Поэтому следует проявлять осторожность в комментариях к прочитанному. Анализ, сделанный бледными, невыразительными словами, может только снизить силу непосредственного восприятия произведения. Родителям следует с доверием относиться к живому художественному слову — оно лучший воспитатель.

Таким образом, речевая среда — это весь мир родного слова, в котором живет и развивается ребенок, мир — светлый, радостный, чистый, богатый и прекрасный.

3. **З а б о т а о с о д е р ж а н и и р е ч и д е т е й.** Ведь речь — не только средство общения: с ее помощью ребенок познает мир, осмысляет и обобщает то, что переживает и видит, узнает от взрослых.

В быту содержание речи определяется самой обстановкой, желаниями, потребностями ребенка и редко вызывает у него затруднения. Он просит дать ему книжку, отвечает на вопросы, говорит, понравился ли обед. Нетрудно заметить, что даже в этих простейших высказываниях содержание довольно разнообразно.

Материал для своей речи ребенок черпает в игре (очень полезны игры, в которых используются обязательные условные формы

общения, вопросы и ответы, стихи); во время прогулок, наблюдений природы, жизни людей и животных; выполняя доступные ему трудовые операции в семье. Это источники непосредственного, живого опыта детей.

Очень важны также для детской речи картинки, книги, различный наглядный материал. Они дают содержательную основу для бесед и пересказов прочитанного, для заучивания наизусть и для театрализованных форм пересказа, для собственных рассказов.

4. Развитие произносительных навыков у детей.

Звуки речи, ударение, интонацию дети усваивают, слушая, как говорят взрослые. Но воспринимать, оказывается, легче, чем воспроизводить самим. Лишь к пяти годам дети, как правило, овладевают всеми основными звуками речи. Речевой (произносительный) аппарат ребенка совершенствуется в процессе самой речи. Родители обычно привыкают к произносительным недочетам своего ребенка, мирятся с ними, но посторонние люди плохо его понимают. Очень часто дефекты в произношении являются препятствием в развитии речи ребенка: он избегает говорить, потому что его плохо понимают, изобретает собственные «слова», которые ему легче произнести, а иногда (при шепелявости, заикании) молчит, опасаясь насмешек.

Обычно произносительные трудности ребенок преодолевает самостоятельно, и к пятому году жизни его речевой аппарат достигает такой гибкости, что обеспечивает правильное произношение всех звуков родного языка, а также позволяет повышать и понижать тон голоса и придавать голосу нужные эмоциональные интонации: передавать ласку, радость, растерянность, испуг (интонации хорошо отрабатываются при пересказе, инсценировании сказок).

Речевой аппарат ребенка нуждается в тренировке. Чтение стихотворений, например, развивает у детей не только чувство ритма, но и дикцию, создает условия для овладения интонациями. Этой же цели служит театрализованная работа с детьми.

По наблюдениям, дети с хорошо развитой речью, придя в школу, легче и успешнее учатся, чем дети с недостаточно развитой речью.

М. Р. ЛЬВОВ

ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ И ЖАРГОНИЗМЫ В ОЧЕРКЕ

Употребление профессионализмов и жаргонизмов в публицистике — процесс интересный и сложный, требующий систематического исследования. Оно необходимо журналистам, пишущим на актуальные темы, лингвистам, изучающим взаимодействие литературного языка и нелитературных типов слов, а также широкому кругу читателей, интересующихся языковым развитием. Публицистика в силу своей оперативности дает богатый и интересный материал для наблюдений за живой речью: как говорят сейчас, например, нефтяники Сибири и строители БАМа, металлурги Урала и летчики Севера.

Исследование современного проблемного очерка — жанра, речевая специфика которого разрешает включать в свой языковой состав наибольшее количество нелитературных элементов, — позволило сделать вывод, что сейчас использование профессионализмов и жаргонизмов носит не случайный характер, как это было, напри-

мер, в 60-х годах, а систематический. Цели и способы их употребления также стали другими. Объясняется это прежде всего изменением специфики самого жанра.

Многие литературоведы и критики отмечают, что очерк стал иным даже по сравнению с недавним прошлым. В нем нет, например, описания портрета героя, нет пейзажа. Зато ярко представлены социальные проблемы: производство и человек, научно-техническая революция и человек, трудовой коллектив и человек. Профессионально-жаргонная лексика в очерке используется при описании обстановки, в которой действует герой, для передачи речевого своеобразия той или иной социальной группы или отдельного человека.

Какие же нелитературные элементы отбираются писателями, журналистами и включаются в язык публицистики?

По тематике данная группа слов довольно разнообразна. Самая большая из них — названия трудового про-

песса. Это глаголы на *-ить*, образованные от существительных: *слесарить, топорить* (вместо привычного *плотничать*), *капитаниить*, которые заменяют нейтральные словосочетания *работать слесарем, плотником, капитаном*.

«Ко второму бегал, когда он *слесарил* на ремонтно-механическом в комсомольско-молодежной бригаде» (Г. Немченко. Сто шагов.— «Правда», 15 февраля 1977); «Ну, тогда до встречи,— сказал парень, так и не назвав себя.— Мы — строители. Глядишь, вместе *потопорим*» (Ю. Зимин. Мы обживаем тайгу.— Сб. «Тюменская страда». М., 1976); «По разговорам на берегу, *капитанил* он несколько лет, а исполнилось ли ему хотя бы тридцать» (В. Анциферов. Расколдованный круг.— «Наш современник», 1976, № 6); к этой группе слов относятся также глаголы, которые передают интенсивность действия — *вкатывать, трубить, хмичить, аврывать*: «Я двадцать лет на стройках. Так, как у вас, никогда нигде *не вкалывал* — дальше не желаю» (А. Бальбуров. Чувство локтя.— «Правда», 24 февраля 1977); «Нет, не редко, а только заскочив на десять минут, и не заметишь сразу, как вы там *хмичите*, великие комбинаторы» (А. Медников. Групповой портрет); «Кто останется *аврывать*?

Работа опасная» (В. Косихин. Ямальские очерки.— Сб. «Тюменская страда»).

Разнообразны и интересны по структуре и названию предприятия: *Магнитка* (Магнитогорский металлургический завод), *Трехгорка* (Трехгорная мануфактура) — представляют собой названия, созданные от основ относительных прилагательных посредством суффикса *-ка* (очень распространенный способ образования слов в устной разговорной речи). Название *Шарик* (Шарикоподшипниковый завод) появилось в результате усечения составного наименования; при этом новое образование не отличается от слов общеупотребительной речи и в нем подчеркивается характер производства (изготовление продукции). «Совпаяю с отпуском, я не поехал тогда на наш праздник в *Магнитку*» (А. Медников. Групповой портрет); «Ты как хочешь, только я никуда с „*Трехгорки*“ не поеду, это мой дом родной» (Л. Уварова. Семейное сходство); «На „*Шарике*“ знают: во вторник Иван Андреевич принимает посетителей» (А. Воротников. Неделя директора.— «Правда», 13 февраля 1977).

По определенной модели создаются в профессиональной речи названия средств сообщения, транспорта, механизмов: *газик* (ма-

шина Горьковского автомобильного завода), *уазик* (машина Ульяновского автомобильного завода) — от аббревиатур, обозначающих марку механизма; *Аннушка* (самолет АН-2), *Миша* (вертолет МИ-6) — по типу слов литературного употребления. «Прежде чем проделать на *газике* свой ежедневный маршрут... Тихон Федорович поднялся на второй этаж, в кабинет» (М. Зарудный. Прилетают журавли.— «Правда», 5 марта 1977); «Тут нас, как было условлено по телефону, ждал „уазик“» (Ф. Певнев. Два лета в «Ясных зорях». — Сб. «Два лета в «Ясных зорях»; «Когда наша „Аннушка“ пошла на посадку, Валентин успел показать мне и свое общежитие...» (М. Григорьев. Белые ночи Усть-Илимска.— «Юность», 1977, № 12); «Вертолет МИ-6, который разведчики нарекли „Мишей“, несет на тросе шеститонную связку бурильных труб» (И. Осипов. Памятные встречи.— Сб. «Тюменская страда»).

В профессиональной среде возникают и своеобразные фразеологизмы. Некоторые из них так и остаются достоянием одной группы, например, *падать в робу* (в речи рыбаков: надевать рабочую одежду): «А остальные „падают в робу“ и идут в трюмы» (В. Андиферов. Расколдованный круг).

Семантический анализ профессионально-жаргонной лексики в проблемном очерке позволяет выделить три основных типа: 1) слова, у которых основное значение имеет давно закрепившаяся в языке постоянную стилистическую окраску: *халтура* (из актерской среды), *салага* (из терминологии моряков), *отсебятина* (профессионализм художников); 2) слова, основное значение которых нейтрально, а стилистическую окраску ему придают приставки и суффиксы: *затоваренный*, *зарезимили*, *сработать*, *исхитряются*; 3) слова, у которых основное значение нейтрально, а новое значение в определенном контексте приобретает стилистическую окраску: у нефтяников — *скважина плюется*, у металлургов — *кастрюля* (электросталеплавильная печь), у рыбаков — *авоська* (рыболовная сеть).

Изучение профессионально-жаргонной лексики по материалам публицистики дает представление о том, по каким каналам происходит расширение фонда слов в современном русском языке. «Значительный интерес... представляет картина усвоения разговорной речью и литературным просторечием элементов, идущих из различных социальных диалектов, профессионального просторечия, жаргонизированной лек-

стики, молодежного сленга и т. п.» (Л. И. Скворцов. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии.— Сб. «Литературная норма и просторечие». М., 1977, с. 29).

Нельзя не заметить, что некоторые слова вошли уже в современный русский литературный язык и употребляются писателями и журналистами без специального стилистического задания. К ним относятся *отдача, задел, дозавалка, заслушать, отгрузить, заправка, сортировка*: «И хотя на этот раз пришлось Коротенькову делать лишь небольшую дозавалку, все же управились на десять минут раньше» (А. Медников. Чудесный сплав.— «Литературная газета», 25 мая 1977).

Иногда «сниженность» слов ощущается и авторами, и читателями очерков, но не требует дополнительных пояснений из-за большой распространенности в русском языке (*прокол, баранка, темнить, завалить сессию, на полном серьезе*): «Приходилось подрабатывать то грузчиком, то еще как (родительские деньги на двоих тратились быстро), сессию он завалил, а тут оказалось, что она ждет от него ребенка» (О. Чайковская. Трое на косогоре.— «Литературная газета», 18 мая 1977).

В заключение можно отме-

тить, что очерк является одним из немногих жанров публицистики, смело допускающим в свой речевой состав профессионализмы и жаргонизмы. Частота употребления профессионально-жаргонной лексики и ее распространенность в материалах публицистов является важным критерием для установления нормативности этого речевого явления. Образование новых слов в профессиональной среде идет по двум направлениям: 1) создание слов по моделям, распространенным в устной речи (*непрерывка, выводиловка, загируха, показуха, симпатия, работяга, верняк, сходняк*); 2) создание наименований-метафор: перенос названия по сходству формы, действия, качества (*свечи* — две свинчатые трубы, *нитка* — проложенные трубы газо- или нефтепровода, *фонарь* — замерзший столб воды на буровой вышке); усечение сложного наименования: *кубик* (кубометр бетона), *трубач* (трубоукладчик).

Включение профессионально-жаргонной лексики в очерк представляется закономерным и оправданным, так как оно отражает общую стилистическую тональность современного речевого общения, которым пользуются широкие демократические слои населения.

Н. Г. БЫЧКОВА

«Рядом льется наша «мова» С русской Волгой речевой...»

Киевская социалингвистическая школа внесла новый вклад в нашу науку, выпустив книгу — «Русский язык как источник обогащения языков народов СССР» (Киев, 1978).

Авторы — академик И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич и Т. К. Черторижская — адресуют свой труд учителям, преподавателям высших и средних учебных заведений, студентам и работникам культуры.

Замечательно, что эта полезная и столь необходимая широкой аудитории книга написана крупнейшими учеными-лингвистами. Подчеркиваю это потому, что в филологической науке еще не изжито снисходительное отношение к пособиям и научно-популярным работам, предназначенным для наиболее массового читателя. Некоторые ученые считают их написание делом второстепенным. Ошибочность подобной точки зрения становится очевидной, как только вспомнишь важнейшую задачу филологии — всемерно способствовать поднятию культурного уровня самых широких масс нашего народа, народа — строителя коммунистического общества. Вспомним и о том, как много сделали для пропаганды научных достижений наши выдающиеся ученые: академики Обручев, Шахматов, Щерба и другие.

Сейчас, когда предпринимаются разносторонние усилия по улучшению преподавания русского языка во всех школах страны, издание данной книги очень своевременно. Понятно, что опираться в этой работе только на методику обучения нельзя. Совершенствование дидактического материала необходимо сочетать с распространением знаний о русском языке среди самых широких слоев населения наших национальных республик и областей. И

писать об этом надо проникновенно, доходчиво и, вместе с тем, научно. Иначе говоря, все наши усилия в этом направлении должны быть адресованы не только к сознанию, но и к душе читателя.

И тут мы, лингвисты, могли бы поучиться у выдающихся мастеров пера — писателей и поэтов разных народов нашей страны, которые так ярко воспели красоту и величие русского языка. Не могу удержаться, чтобы не привести замечательные слова дагестанца Эффенди Кадиева, которые звучат, как исповедь: «О, великий русский язык! Стою перед тобой на коленях. Усынови и благослови меня, но не как приبلудного, а как найденного сына. Радуюсь, торжествую, люблю. Верен ли я твоим заветам? Точен ли я в своих чувствах и порывах без примеси лжи?»

Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому и затерянному в горах племени (я говорю отсюда, с Кавказа), я обрел тебя, и ныне я не сирота. О, как муча, как светла и задумчива твоя стихия! Прости мои ошибки, если они грубы, прости и заблуждения отцов. Без тебя нет и не было будущего, с тобою мы воистину всеильны».

Разумеется, методы исследования у ученых и писателей различны. Тем не менее ясно, что и ученые могут и должны писать проще, популярнее, свидетельством чего служит рецензируемая книга. Она написана научным и, вместе с тем, доходчивым языком — качество совершенно необходимое для научно-популярных работ и пособий. Книга состоит из четырех разделов: «На основах равенства, братства и свободного развития»; «Русский язык — средство обмена духовными ценностями советских народов»; «Русско-украинские языковые связи»; «Языкознание и школа».

Не ограничивая себя рамками названия книги, авторы раскрывают перед нами широкую панораму взаимодействия русского языка с другими языками народов СССР. При этом языковые контакты рассматриваются не только с чисто внутривидовых позиций. Речь идет о более крупных, более значимых явлениях — о роли русского языка в интернационализации всех сторон жизни многонационального советского народа. Все вопросы — как общие, так и частные — рассматриваются на фоне языковой жизни народов СССР, на фоне национально-культурного строительства в нашей стране.

Подобный метод анализа материала дал возможность авторам заострить социально-идеологические аспекты изучаемых проблем. Именно такой подход позволяет выявить ключевые моменты в сложном переплетении национально-языковых вопросов и дать им подлинно марксистско-ленинскую характеристику.

Особое внимание уделено русско-украинским языковым контактам.

Взаимодействие двух братских наций — русской и украинской — имеет древнюю историческую традицию. Два народа поддерживали тесные контакты друг с другом на протяжении всей своей истории. Их связи упрочивались во всех областях: социально-экономической, торговой, военной, общественно-политической, культурной и других. Непрерывный процесс сближения русского и украинского народов в отдельные периоды получал особенно мощные внешние стимулы. К ним прежде всего относится воссоединение Украины с Россией (1654), завершившее героическую освободительную борьбу украинского народа за свою независимость.

Однако, как подчеркивается в книге, самым главным общественно-политическим событием, открывшим качественно новый этап в отношениях Украины и России и, соответственно, в русско-украинском языковом взаимодействии, была Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая угнетенные народы царской России от социального и национального гнета. Как и все народы нашей страны, в единую историческую общность людей — советский народ — входят ныне русские и украинцы, близкие по языку, по месту жительства, по характеру и по истории.

Как справедливо отмечают авторы, в усилении взаимовлияния русского и украинского языков большая роль принадлежит художественной литературе. Взаимодействие русского и украинского языков отражено в произведениях русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова, Льва Толстого; советских писателей — Горького, Серафимовича, Маяковского, Багрицкого, Шолохова, а также в творчестве украинских писателей разных поколений — Котляревского, Квитки-Основьяненко, Гребёнки, Шевченко, Марка Вовчка, Леси Украинки, Коцюбинского, Кочерги, Микитенко, Корнейчука, Тычины, Рыльского, Сосюры, Загребельного и других.

Всестороннее рассмотрение русско-украинских языковых контактов приводит авторов книги «Русский язык как источник обогащения языков народов СССР» к следующим обобщениям. Они отмечают, что «результаты русско-украинского языкового взаимодействия в основном сводятся к прямым заимствованиям преимущественно в области лексики и стилистики; калькированию слов и словосочетаний и созданию неологизмов из собственного языкового материала по моделям языка, с которым происходит взаимодействие; развитию потенциальных возможностей слово- и формообразования взаимодействующих языков; активизации общих для взаимодействующих языков черт развития» (с. 85). Преобладание того или иного результата над остальными в каждом из контактирующих языков в определенный период их развития тесно связано с характером самого взаимодействия этих языков и их состоянием в этот момент. Так, если в дооктябрьский период и даже в первые годы после победы Октябрьской социалистической революции украинский язык не имел выработанной системы стилей, стабильных норм словообразования и словоупотребления, не был единым литературным языком в территориально разобщенных областях Украины, то и основным результатом его взаимодействия с русским в это время могло быть только прямое заимствование русских слов и выражений. Исследователи отмечают, что уже в XVIII столетии в украинском языке, главным образом в произведениях эпистолярного жанра, бытовали слова, заимствованные из русской народной разговорной речи, типа *братец*, *кармливать*, *кушать*, *маленько*, *писывать*, *письмецо*, *ремеслишко*.

Со временем прямые заимствования из русского языка в украинский заметно уменьшаются в количественном отношении, уступая место калькам либо словам и грамматическим формам, созданным на украинской почве. Прямые заимствования из русского языка в послереволюционные годы касаются общественно-политических и научных терминов, в том числе различных типов сложносокращенных слов и аббревиатур (*комсомол*, *політрук*, *губчека*, *ЧК*, *чон*, *чекіст*, *собес*, *ГОСТ* и т. д.), а также наименований (иногда метафорических) оружия, боеприпасов, самолетов, укреплений, например: «Катюша» «Ил», «Як», «Андрюша», ППД (пистолет-пулемет Дегтярева), СОТ (скрытая огневая точка), ДОТ (долговременная огневая точка).

В советский период усилилась роль русского языка как посредника иноязычных заимствований другими языками, в том числе украинским. Заимствования касались интернациональной лексики терминологического содержания, например: *біоніка, біохімія, біотрон, синхрофазотрон, кібернетика, інтеграція, кінофестиваль, лауреат, мотороллер* и т. п.

Авторы особо подчеркивают и раскрывают на конкретном языковом материале тезис о том, что перевод произведения вообще, произведений классиков марксизма-ленинизма в особенности является могучим источником обогащения украинского литературного языка.

В книге показана также роль ученых-филологов в изучении и развитии русско-украинских языковых контактов. В этой связи подчеркивается значение трудов М. В. Ломоносова, И. И. Срезневского, А. Н. Пыпина, П. А. Лавровского, Ф. Е. Корша, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова и других отечественных ученых-славистов.

Справедливо отмечается, что укреплению русско-украинского языкового взаимодействия способствовали и способствуют богатые традиции русского языкознания на Украине. В дооктябрьский период они развивались в ее старейших научных центрах: Харьковском, Киевском, Львовском и Новороссийском (ныне Одесском) университетах, а также в Нежинской гимназии высших наук (ныне Нежинский пединститут), в которых научно-теоретическая работа совмещалась с преподаванием русского языка.

В советский период научные исследования языковедов Украины в области русистики значительно расширились. Кроме традиционных направлений в изучении русского языка, после Великой Октябрьской социалистической революции получают развитие и новые отрасли русистики. Так, украинские ученые в настоящее время большое внимание уделяют разноаспектному изучению языка и стиля русской художественной и публицистической литературы, как дореволюционной, так и современной, теоретическому осмыслению проблем лингвистики и социолингвистики, русско-украинских языковых взаимосвязей, билингвизма, вопросам культуры русской речи и другим (с. 80—81).

Примером такого всестороннего исследования проблем русско-украинского языкового взаимодействия может служить рецензируемая книга.

Наряду с теоретическим значением данный труд имеет и большое практическое применение. Особенно много полезного найдут читатели в последнем разделе «Языкознание и школа», где авторы рассматривают ряд интереснейших научно-практических проблем, сгруппированных по четырем темам: а) Языковедческая наука и школа; б) Профессиональные горизонты преподавания языка в средней школе; в) Взаимодействие познавательной и эстетической функций языка (И. К. Белодед); г) Научные основы изучения русского языка в школах Украинской ССР (Г. П. Ижакевич).

Таким образом, перед нами — ценная и интересная книга, эпитафией к которой так и просятся замечательные слова Павло Тычины:

Рядом льется наша «мова»
С русской Волгой речевой...
Эта мова — черноброва,
Та — сияет синевою.
Кто посеял в нас живые
Задушевные слова?
Ты, чудесная Россия,
Ты, прекрасная Москва.

М. И. ИСАЕВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

А. П. Толстая из Харькова пишет: «Как правило, одушевленность и неодушевленность предмета определяется легко. Но какой вопрос нужно поставить к подлежащему в предложении «Молодежная бригада отправилась на БАМ»?».

Если слово в единственном числе обозначает коллектив людей, то здесь возможен вопрос *кто* (*Кто выполнил план? — Молодежная бригада*). Его и надо поставить к подлежащему в интересующем читательницу предложении. Но грамматически слово *бригада* изменяется, как неодушевленное (*К этой работе привлекли молодежные бригады, а не бригад*).

ДРЕВНОСТЬ ЛЕГЕНДЫ И МОЛОДОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ

В творчестве многих писателей — представителей самых разных народов, населяющих Советский Союз, русский язык выступает как средство выражения идейно-художественного начала произведений, глубоко национальных по духу, по передаваемому мироощущению. Таким писателем является Владимир Санги.

Читатель узнал Владимира Санги в 1961 году, когда вышла в свет его первая книга «Нивхские легенды». Нивх по национальности, Санги стал первым писателем своего народа, населяющего остров Сахалин и низовья реки Амура. Открывая IV Всесоюзное совещание молодых писателей в 1963 году, Константин Федин говорил о появлении нивхской литературы, связывая ее начало с деятельностью Владимира Санги. Творчество Санги закономерно для нашего времени. Николай Шундик писал: «За шесть десятилетий Советской власти народности Крайнего Севера и Дальнего Востока сделали огромный скачок в своем развитии. И чтобы осмыслить этот скачок, должны были появиться художники — выразители духа своих народов, летописцы их удивительной истории. Сегодня мы можем назвать их: чукча Юрий Рытхэу, манси Юван Шесталов, панаец Григорий Ходжер, ненец Леонид Лапцуй, эвенк Семен

Курилов и многие другие. Среди них и нивх Владимир Санги» («Правда», 10 октября 1978).

Самобытно творчество В. Санги, питающееся народными истоками. Писатель обращается к национальному фольклору, о чем свидетельствует название его первой книги — «Нивхские легенды». В дальнейшем он снова и снова прибегает к фольклорной поэтике своего народа. Санги рассказывает:

«Когда я собирал легенды своих соплеменников, записывая их на родном, нивхском, языке, я и не подозревал, что потом, при переложении их на русский, встречу с величайшими затруднениями.

Своеобразие — я имею в виду форму изложения мысли — мышления моих соплеменников столь отлично от мышления, допустим, русского человека, что существующие стилистические модели и из русской, и из мировой классики не могли дать сколько-нибудь приемлемых образцов. Мало утешительного принес и фольклор других народов, переложенный на русский.

И тут на помощь мне пришел сам язык. В своих мучительных и радостных поисках я вдруг обнаружил: русский язык обладает поистине величайшими, неограниченными возможностями!

Когда я прочитал своим соплеменникам их же легенды, переложенные на русский, они сказали: „Смотри-ка, звучит совсем как по-нивхски“. И я понял, что получил от них „добро“. . .» (Владимир Санги. Плоды новой исторической общности. — „Единство, рожденное в борьбе и труде“. М., 1972).

Автор часто обращается к сказовому типу повествования, и фольклорный мотив выступает в прямой речи персонажей. Например, монолог Касказика, одного из главных героев романа „Женитьба Кевонгов“ строится так: — В давнее время, когда только-только нивх поднялся на ноги, не было реки Тымы. Не было тогда на нашей земле никаких рек. Но уже жили на этой земле нивхи — совсем немного родов. Плохо им жилось, трудно им жилось. Не было тогда зверя в обилии, не было и рыбы в обилии” (здесь и далее цитаты из романа приводятся по изданию: Владимир Санги. Женитьба Кевонгов. М., 1977). В приведенном контексте ориентация на сказовое повествование проявляется в параллелизме синтаксических конструкций, в анафорическом начале предложений, в лексической симметрии, которая создается, с одной стороны, повтором од-

ного и того же слова, а с другой — употреблением слов, близких по значению: „*плохо* им жилось, *трудно* им жилось“.

Фольклорное начало не только всегда ситуативно обусловлено, — оно строится в разном стилевом ключе в зависимости от специфики самой фольклорной основы и жанра отдельного текста. В одном случае автор воспроизводит легенды и сказания, в другом — обращается к заклинаниям и ритуалам. Таково, например, заклинание, которое должно обеспечить удачную рыбную ловлю; оно дается в форме устной речи: «Касказик вел челнок уверенно, ловко лавируя между деревьями. Слева, справа и прямо по носу плескались утки и рыба. „Я еду посмотреть мыс. Как-то давно здесь проезжали люди. Они останавливались у мыса, старушки варили чай. Хорошие были старушки, хорошие были старушки. Может быть, я их увижу“, — негромко, но чтобы его слышали щуки, бормотал Касказик». В сноске поясняется: «Наговор, имеющий целью обмануть щук. Нивх, отправляющийся добывать рыбу, называл ее иносказательно или говорил о других вещах — иначе, как полагал нивх, рыба узнает о его намерениях и заблаговременно уйдет в другие места, обойдет ловушки, не станет его добычей». Заклинание передается не в стиле сказа, а в непринужденно-разговорной манере, опираясь на те вековые понятия и представления, которые лежат в основе отношений человека и животного, охотника и добычи.

Гибкость стилевой манеры Санги обнаруживается и тогда, когда он прибегает к несобственно-прямой речи, которая сама является своего рода комментарием к описываемым действиям, ср.: «А чтобы сбить с толку духов, которые могли проникнуть в то-раф [зимнее жилище нивхов], Касказик положил сына на лопатку, набросал сверху мусора и прелого сена. Смотрите, духи! Во все глаза смотрите! Это не ребенок — разве положат ребенка на лопату, которой выгребают всякую нечисть? Это не ребенок, это мусор! Обыкновенный мусор. И чтобы убедились, что действительно нет здесь ребенка, Касказик сунул лопату под нары. Убирайтесь, духи. Убирайтесь из то-рафа, вам здесь делать нечего!». Ситуативная и жанровая обусловленность контекста меняет стиль прежде всего на уровне синтаксиса: в последнем случае несобственно-прямая речь в основном имеет форму повелительных предложений.

Изменение стиля писателя может быть прослежено при сопоставлении контекстов из разных произведений,

но близких по своему содержанию, — один из них относится к публицистике, второй — к роману. В обоих случаях дается описание медвежьего праздника — древнего ритуала нивхов. Ср.: «Женщины заняты с утра до вечера. Они готовили мос. Это студень из рыбьей кожи, ягод, жира, с добавлением клубней растения хискир, напоминающего мелкий картофель. Изредка женщины отрываюся на несколько минут, чтобы поиграть на оригинальном инструменте, тятиде — сухое бревно с изображением головы медведя на конце. Исполнение состоит в следующем. Женщины становятся у подвешенного на веревках тятида в два ряда друг против друга. Солист становится у „головы медведя“. Каждая женщина вооружена двумя короткими палками. Солист выбивает определенный ритм, остальные в нужный момент разом ударяют по бревну, как бы исполняя аккорд одинаковых звуков. Нетрудно заметить строгую закономерность ритма. Один ритм сменяется другим» (Путешествие в стойбище Луиво. В кн.: Владимир Санги. По островам сокровищ. М., 1976).

«Охотники приближались к стойбищу. Едва показались они на тропе, загудел тятид. Это женщины в лучших своих зимних халатах встали по обе стороны тятид-сххар и одновременными ударами по бревну выбивали торжественный ритм. Первой от „головы“ стояла Талгук, мать рода Кевонгов. Она негромко, как молитву, шептала слова и тут же опускала то одну, то другую, то обе вместе палки. И гулкие, ликующие звуки разлетались по стойбищу...

Женщины отложили на время кленовые палки, занялись делом. Перво-наперво — приготовить пищу богов — мос. Для этого требуется тайменья кожа. И женщины принесли охапки белой душистой ююлы тайменя. Псулк торопливо отдирала кожу от мяса, отмачивала в теплой воде, соскабливала чешую. ... Получилось два полных больших корыта студенистой массы. Псулк насыпала сверху мороженой брусники, клубни растения хискир. Залила топленным перпичьим жиром. Женщины перемешали все это лопатками, заровняли и поставили на холод. Нивхи готовят мос, когда нужно принести дары разным богам — таежным, речным, морским. Мосом потчуют знатных гостей, людей рода ымхи [зятьев]» (Женитьба Кевонгов).

В сравниваемых отрывках при идентичном содержании автор прибегает к разным приемам введения в текст незнакомых читателю понятий. В очерке слову *мос* дается

энциклопедическое толкование («Это студень из рыбьей кожи, ягод, жира, с добавлением клубней растения хискир»); в романе подробно описывается и приготовление моса. Оно сопровождает действия одной из главных героинь Псулк. Аналогичным образом распределяются в очерке и в романе приемы описания музыкального сопровождения ритуала: в очерке опять преобладает энциклопедический элемент, — в романе акцент переносится на действия Талгук, матери рода Кевонгов. Есть и грамматические различия в этих отрывках: во фрагменте из очерка постоянны глагольные формы настоящего времени (*отрываются, становятся, выбивает, ударяют*), и описание не имеет той «персонализации», которая характерна для фрагмента романа, где действия имеют четкую отнесенность в прошлое (*встали, стояла, шептала, принесли, отдирали* и т. д.), к конкретным отдельным персонажам, и описание воспринимается как художественно-реалистическое воспроизведение обряда.

Большую смысловую и экспрессивную значимость у В. Санги приобретает имя собственное. Это связано с тем, что в национальных языках собственное имя нередко дает информацию о духовной жизни народа, о его культуре, о растительном и животном мире и — шире — о природных условиях, в которых живет данная народность, а также о личных внешних и внутренних качествах человека. Именно тот факт, что в основе собственных имен лежат значения нарицательных делает эти имена особенно «говорящими» в художественном произведении. Например: «И чтобы уже вконец обмануть духов, младенца назвали *Ыкилак — Плохой*. А плохой никому не нужен. Дурной глаз обойдет его» (*Женитьба Кевонгов*). Другой пример из того же произведения иллюстрирует факт наименования ребенка по обстоятельствам, сопутствующим его появлению на свет: «*Нау [священные стружки], что висели у потолка, сорвались и, шурша, упали на ребенка. Касказик увидел в этом доброе предзнаменование, сказал: "Наукуть" — упали нау. Эти слова старейшего рода превратились в имя — Наукун*». Здесь имя ребенка образовано посредством глагольно-именного сочетания. Автор, приводя русский вариант, переводит только глагол, оставляя существительное без изменения.

Большое внимание уделяет писатель национальным географическим названиям, топонимам, что характерно не только для его художественных произведений, но и для

публицистики. При этом В. Санги обычно приводит русскую параллель — перевод нивхского наименования: «Их стойбище так и называлось *Палво — Горное селение*» (Труженики сахалинской житницы. В кн.: Владимир Санги. По островам сокровищ). Иногда Санги наряду с русским переводом нивхского названия дает и официальное географическое наименование, включая в текст элементы описания, ср.: «Детство его прошло на самой северной окраине Сахалина „*Миф-Тенгер*“, или *полуострове Шмидта*. „*Миф-Тенгер*“ — с нивхского „*Голова Земли*“. Достаточно взглянуть на карту острова, чтоб удостовериться в схожести Сахалина с фантастическим живым существом, а северная оконечность острова похожа на голову этого существа» (Дагинский горизонт). Сопоставим использование этого же наименования в «Женитьбе Кевонгов», где топоним употреблен в составе прямой речи, а пояснение к нему дается в сноске: «— Везде уже побывал. Но больше жил на самом севере, на *Миф-тёнгр*» (в сноске: *Миф-тёнгр — Голова земли*, исконное, нивхское название *полуострова Шмидта*, северной оконечности Сахалина).

Однако в большинстве случаев параллельное использование слов или словосочетаний нивхского и русского языка относится к нарицательным именам, обозначающим различные реалии. Таковы примеры из романа «Женитьба Кевонгов»: «Юноша бросился к *аки — старшему брату*»; «Броня перебрался в южные стойбища, которые славились сказителями, забрал ученика с собой, чтобы переводил тексты *тылгуров — преданий и легенд*»; «мать уже подала юкору, нерпичий жир и *густой отвар из березового гриба — чаги*». Иногда русская параллель сопровождает слово нивхского языка, связанное с миром национальных мифов, ср.: «Кто это? Люди? Но разве бывают такие? Да и ростом они больше нормальных. И рыжие, как листья осенней березы. Может быть, это и есть *пал-нивгун — поллюди-полудухи*, живущие, как рассказывают старцы, в недоступных для простых людей горах?» (Женитьба Кевонгов). Особенно интересны примеры, в которых национальная лексика используется в образных конструкциях, получая дополнительную оценочную характеристику автора: «Век нивхской женщины короток. Сорок затяжных, буранистых, голодных зим-близнецов, сорок горячих от работы лет-близнецов, до десятка мучительных родов — и к женщине обращаются „*мамхат*“ — *старуха*» (Женитьба Кевонгов). Под пером автора слово *мамхат* при-

обретает особый смысл, особую экспрессию: *мамхать* — это преждевременно постаревшая женщина, в свои сорок лет прожившая тяжелую и полную лишений жизнь.

Заслуга В. Санги состоит не только в мастерском использовании нивхской лексики и нивхского фольклора. Его творчество — неоспоримое свидетельство того, что русский язык может быть средством выражения национального мироощущения географически отдаленных народов и что действенная сила этого средства подчинена таланту писателя.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

Рисунок В. Толстоногова

СРЕДИ КНИГ

К. С. Горбачевич

НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Без всякого преувеличения можно утверждать, что неослабный и возрастающий интерес к языку, культуре устной и письменной речи знаменует новый этап в культурном развитии советского социалистического общества. В сознании современников все более укрепляется мнение о том, что качество речи человека — это показатель его общей культуры. Понимание общественной важности литературного языка и забота о судьбах его развития определяют целенаправленную языковую политику. Важное звено современного научного мировоззрения принято теперь называть учением о культуре речи. Оно составляет теоретическую основу нормализаторской деятельности, научную базу пропаганды лингвистических знаний. Этому учению и посвящено рецензируемое пособие.

В книге К. С. Горбачевича «Нормы современного русского литературного языка» (М.,

«Просвещение», 1978) речь идет о структуре и эволюции современных норм русского литературного языка — орфоэпических, словоупотребительных, морфологических, синтаксических. «В этом пособии, — говорится во „Введении“, — рассматриваются наиболее трудные факты письмен-

ной и устной речи, представлены наиболее острые конфликты в современном словоупотреблении. Во всех случаях автор стремился показать, как складываются нормы, пытался отыскать причину их колебаний и определить общее направление в развитии русского литературного языка» (с. 6).

В первой главе «Русский литературный язык в наше время» рассматриваются такие важные вопросы, как свойства литературного языка, изменение его социальной базы и структуры, хронологические границы современного русского литературного языка, его развитие в эпоху НТР, роль языка художественной литературы и др. Литературный язык в книге определяется как исторически сложившаяся высшая форма национального языка; его основной признак — норма. За время, отделяющее нас от эпохи Пушкина, в нормах русского литературного языка произошли существенные изменения; однако это не привело к нарушению его связей с богатой культурной традицией. И в эпоху НТР наш литературный русский язык продолжает оставаться выразителем национального самосознания русского народа.

Вторая глава книги называется «Природа норм литературного языка». Автор касается в ней динамической теории нормы, проблем вариантности нормативных средств, критериев правильности и др. Объективный, динамический и непротиворечивый характер норм русского литературного языка диктует необходимость сознательного и осторожного подхода к оценке спорных фактов современной речи.

Глава третья «Нормы словоупотребления» посвящена правильности выбора слова и уместности его применения в общеизвестном значении и в общепринятых сочетаниях. В ней говорится о полезных и вредных иноязычных заимствованиях, о причинах нарушения норм словоупотребления, о подлинной и мнимой тавтологии.

В главе четвертой «Нормы ударения» описаны причины изменения и колебания акцентных норм, основные тенденции в их развитии. Автор стремится показать общие закономерности русской акцентологической системы и тем самым помочь читателю сориентироваться в сложном, но отнюдь не хаотичном состоянии современного русского ударения.

Глава пятая «Нормы произношения» знакомит читателя с теоретическими и практическими проблемами орфоэпии. В ней говорится о московском и ленинградском произношении, о тенденции сближения произношения с написанием, о произношении заимствованных слов, об особенностях сценической речи, о диалектных и иных орфоэпических ошибках, о стилях произношения.

Шестая глава книги «Нормы в морфологии» рассказывает о причинах вариантности в формах слова (в связи с влиянием территориальных говоров, особенностями языка-источника или языка-посредника, а также факторами внутреннего характера). Могучее воздействие грамматической аналогии ведет к уподоблению параллельных форм, к известному упрощению морфологического строя. Влияние продуктивных грамматических категорий отразилось в первую очередь на судьбе сравнительно малоупо-

требительных слов, к тому же не имевших значительной опоры в книжно-письменной традиции (например, традиционная норма *к мамину столу, у бабушкина кресла* и т. п. активно вытесняется полными формами: *к маминому столу, у бабушкиного кресла* и т. п.). Специальные разделы главы посвящены колебаниям в грамматическом роде (у неологизмов типа *липсы, цунами*), определению грамматического рода аббревиатур (в словах ТАСС, ЖЭК, БАМ, НОТ и т. п.), нормам употребления сложносоставных слов (типа *диван-кровать, вагон-лавка, кафе-ресторан*), колебаниям в падежных формах и др.

В седьмой, заключительной главе «Синтаксические нормы» рассматриваются трудности, возникающие как при выборе форм управления и согласования, так и при практическом усвоении грамматических правил в школе. В первой части главы автор рассказывает о колебаниях и вариантности в форме управления (многочисленные случаи типа *отзыв о... — отзыв на...; контроль над... — контроль за...; памятник Пушкину — памятник Пушкина; поражаться чему — поражаться чем; ждать встречи — ждать встречи; по пяти рублей — по пять рублей; искать пути — искать путей* и т. п.).

Во второй части этой главы говорится о вариантности, ошибках и колебаниях в форме согласования (*врач выписала рецепт; несколько человек остались — несколько человек остались; большинство согласилось — большинство согласились* и др.). Говоря о причинах изменения норм в синтаксисе, автор справедливо называет конфликт (противоборство)

формальной и содержательной стороны словосочетания, действии аналогии, семантические сдвиги в опорном слове, переразложение традиционных синтаксических связей и т. п. «Можно думать, — пишет К. С. Горбачевич, — что в процессе эволюции синтаксических форм находит отражение и общее развитие человеческого мышления в сторону абстрагированности и замены конкретно-пространственных представлений более отвлеченными формами соотношения понятий» (с. 197).

Задуманная и выполненная как пособие для учителей, книга «Нормы современного русского литературного языка» знакомит каждого, кто обратится к ней, с живыми процессами нашей речи, с наукой о русском языке, с современной лингвистической литературой. Автор подводит читателя к мысли о том, что повышение речевой культуры, воспитание истинного языкового вкуса состоит не в слепом следовании затверженным догмам, а в осмыслении объективных закономерностей литературного языка. Объяснять, а не командовать, учить, а не поучать — вот основная линия поведения тех, кто так или иначе связан с установлением и пропагандой норм русского литературного языка, будь то языковед-исследователь, лексикограф-нормализатор, учитель, журналист, редактор или рядовой ревнитель правильной речи. Успех этой работы в значительной степени зависит от повышения общей культуры, от увеличения суммы гуманитарных знаний и расширения лингвистического кругозора. Всему этому и служит книга, о которой мы вам рассказали.

Л. И. СКВОРЦОВ

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ**

РУССКИЙ ЯЗЫК НА АФРИКАН- СКОМ КОНТИ- НЕНТЕ

Впервые русская речь на африканском континенте зазвучала в Эфиопии. Когда в битве под Адуа (1896) народ Эфиопии разгромил армию иноземных захватчиков, русские врачи отправились в далекую африканскую страну, чтобы оказать помощь раненым воинам и гражданскому населению. Они же были здесь и первыми учителями русского языка. Их благородная, бескорыстная деятельность встретила горячую признательность населения страны. Император Менелик II пригласил русских специалистов продолжить работу в госпитале, который был создан в столице государства — Аддис-Абебе. Это было единственное лечебное учреждение в стране. В память о первых русских врачах улица, на которой был расположен госпиталь, получила название — Русская. Оно и теперь живо напоминает о давней традиционной дружбе между русским и эфиопским народами.

Сегодня молодые африканские государства, активно используя опыт СССР в области культурных, социальных и экономических преобразований, опираются на действенную помощь советского народа.

Особый интерес для молодых государств Африки представляет опыт СССР в вопросах национальной политики и языкового строительства. Конечно, языковая ситуация в Африке имеет свою специфику. Однако можно назвать общую характерную для большинства африканских стран особен-

ность: многоязыковость при наличии большого числа бес- письменных языков; сравнительно небольшое использование местных языков в целях межэтнического и межнационального общения; предпочтение европейских языков в качестве официальных государственных языков, что в немалой степени обусловлено языковой политикой, проводимой ранее колонизаторами.

Поэтому понятен тот интерес, который проявляется во многих странах Африки к истории становления русского языка как языка межнационального общения. Национальная языковая политика, этапы культурной революции в СССР — наглядный пример для молодых многонациональных государств африканского континента.

Образовательный барьер, унаследованный от колониальной эпохи, стал в странах Африки одним из самых значительных препятствий в деле привлечения широких народных масс к государственному строительству. Ликвидация последствий «цивилизаторской миссии» бывших «опекунов» стала основной задачей молодых африканских государств, что не раз отмечалось политическими деятелями этих стран. Так, председатель комиссии по вопросам реформы национального образования, член ЦК Конголезской партии труда Альфонс Фунги в одном из выступлений подчеркнул: «Мы не можем примириться с антидемократическим духом старой школы. Тем более, что само содержание программ в корне расходится с целями нашей партии и народа — полным национальным освобождением и последующим переходом к социалистическому строительству» («Известия», 20 февраля, 1971).

Исходя из опыта СССР и опираясь на действенную помощь Советского Союза в подготовке национальных научно-технических кадров, Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР), Народная Республика Конго, Гвинейская Республика, Танзания и другие в осуществлении своих программных целей добились весьма значительных результатов. И, как показывает жизнь, характерной особенностью, сопутствующей разным аспектам практической помощи со стороны советского народа, является широкое обращение различных слоев общественности стран Африки к русскому языку. Иллюстрацией этого положения может служить картина распространения русского языка, интерес к его изучению на африканском континенте.

Весьма показательны высказывание директора Алжирской национальной библиотеки: «Все возрастающий спрос на произ-

ведения советских и русских писателей и ученых наглядно отражает уровень алжиро-советских культурных связей. Характерной чертой в последнее время,— подчеркивает он,— является то, что если раньше читатели просили русские книги, переведенные на арабский или французский языки, то теперь они всё чаще обращаются с просьбой выдать им произведения русских и советских авторов в подлиннике» [«Известия», 12 июня 1973].

Расширение экономических и культурных связей, укрепление дружеских взаимоотношений, бескорыстная помощь СССР в деле подготовки национальных научно-технических кадров Алжира — вот факторы, способствующие пробуждению у алжирцев интереса к достижениям Советского Союза в области экономики, науки и культуры, с одной стороны, и растущего интереса к русскому языку — с другой.

И это понятно: русский язык для многих изучающих его в АНДР стал необходимым, в некотором смысле рабочим языком. Ежегодно как обязательный предмет его изучают 600 студентов специальных групп в Национальном институте нефти, газа и химии, 300 студентов Горно-металлургического института в Аннабе, более 200 студентов — в Высшей политехнической школе и т. д. Если в 1963 году русский язык преподавали только в Алжирском университете, где его изучало не более 40 человек, то в настоящее время отделения русского языка на правах кафедры созданы в университетах городов Орана и Константина, в ряде вузов и средних учебных заведений, 912 учащихся изучают русский язык в 24 профессиональных технических училищах и в восьми лицеях АНДР. В стране действует около 100 кружков любителей русского языка. Общее же число изучающих русский язык в настоящее время в Алжире составляет 4589 человек.

Новая роль русского языка в системе национального образования Алжира определила и его новые задачи. Открытие кафедр русского языка в новых университетах и институтах, расширение приема на славянское отделение Алжирского университета, рост числа желающих изучать его на курсах и в кружках — все это создает предпосылки для подготовки национальных педагогических и научных кадров русистов для средней и высшей школы, что позволит обеспечить преемственность изучения русского языка во всех звеньях системы образования АНДР. Практически же это означало бы, что проблема подготовки национальных научно-технических кадров для металлургической, горной, нефтяной,

текстильной и других жизненно важных для экономики страны отраслей национального хозяйства была бы решена в более короткие сроки.

Аналогичную картину распространения русского языка можно наблюдать в Республике Мали, Народной Республике Конго, Гвинейской Республике и некоторых других африканских странах, которые в осуществлении своих планов реконструкции национального хозяйства, в деле подготовки научно-технических кадров опираются на активную помощь Советского Союза. Для ряда развивающихся стран африканского континента овладение основами технических дисциплин стало возможным в значительной степени лишь через освоение русского языка.

Для многих африканцев русский язык — это не только синоним высокой квалификации, но и ключ к постижению богатого опыта СССР в области народного образования, социально-политической жизни, передовой социалистической культуры. Так, Ф р а н с у а Д у н и а м а (Конго) на вопрос «С какой целью вы изучаете русский язык!» ответил: «Я взялся за русский язык потому, что решил узнать, как советские люди достигли таких выдающихся успехов в социально-политической жизни». Его соотечественник Ф. М ф у н а сказал: «Русский язык очень богат... на нем говорил и писал бессмертный Ленин, хочу прочесть его произведения в подлиннике» («Известия», 31 марта 1976).

За последние годы заметно расширилось изучение русского языка в высших учебных заведениях многих стран африканского континента. Его преподавание ведется в университетах Нигерии, Туниса, Ганы, Марокко, Гвинеи, Бенина, Уганды, Сенегала, Малагасийской Республики и т. д. Это объясняется ростом культурных, торговых, экономических связей СССР со странами Африки.

Новинки и достижения в области образования часто приходят в эти страны впервые и непосредственно с русским языком. По свидетельству зарубежной статистики, русский язык занимает второе место в мире по числу научно-технических публикаций. Угандийская газета «The People», сообщая о введении преподавания русского языка в Университете Макерере, отмечала: «Будущим ученым необходимо знать такие языки, как английский, французский, немецкий, русский, чтобы иметь возможность читать научные статьи на этих языках в оригинале».

Вносятся коррективы и в цели изучения русского языка. Так, отмечая рост интереса к русскому языку в Нигерии,

заведующий кафедрой русского языка доктор Шегун О д у и у г а подчеркивал, что «цели обучения русскому языку определяются, с одной стороны, необходимостью привить навыки чтения литературы по специальности студентам технических и сельскохозяйственных высших учебных заведений, с другой — политическим и научным значением Советского Союза, которое является стимулом к всестороннему овладению русским языком».

В настоящее время преподавание русского языка введено в 37 африканских вузах.

Курсы и кружки изучающих русский язык охватывают самые различные слои африканской общественности: на них можно встретить государственных деятелей, ученых, инженеров, врачей, юристов, лидеров молодежного движения, военнослужащих, учащихся средних и технических учебных заведений, домохозяек, рабочих и служащих.

Наиболее широкое распространение русский язык получил в тех странах, где быстрыми темпами осуществляются радикальные преобразования в экономике и социальной жизни, идет коренная перестройка системы народного просвещения. И это закономерно. Расширение экономического строительства в странах Африки, вступивших на путь реорганизации национального хозяйства, требует с каждым годом всё большего количества специалистов и квалифицированных рабочих. В решении проблемы подготовки национальных кадров многие африканские страны опираются в основном на содействие Советского Союза, используют его опыт. Поэтому в средних учебных заведениях, профтехучилищах и частично в вузах за последние десятилетия наметилось явное предпочтение русскому в изучении иностранных языков.

Интересно отметить еще одну особенность: на предприятиях, строящихся в Африке при содействии СССР, наши специалисты традиционно создают своего рода «учебные центры» по повышению и приобретению квалификации для африканских рабочих и служащих. А по инициативе самих африканцев при таких центрах нередко организуются кружки русского языка. Таким образом, получая специальность под руководством советских коллег, африканцы одновременно учатся русскому языку.

Не случайно в ряде африканских стран выпускникам технических вузов, помимо диплома о получении профессии, присваивают и квалификацию переводчика русского языка, что, несомненно, повышает авторитет специалиста в стране.

Как уже отмечалось, сеть курсов и кружков русского языка является характерной формой его изучения для большинства африканских стран. А если учесть добровольный характер этих курсов и кружков, то сам факт их появления весьма показателен: ведь в таких государствах, как Алжир, Сенегал, Мали, Нигерия, Уганда, где одним из вековых критериев приобщенности к европейской культуре еще 15—20 лет назад считалось непременно знание французского или английского языков, сдвиг культурных интересов в сторону русского свидетельствует об определенном изменении и в социально-культурных представлениях общественности этих стран.

Обращение к русскому языку на африканском континенте — это убедительное свидетельство признания социальных, экономических, научно-технических и культурных достижений носителя этого языка — советского народа.

Е. В. ДЫЛЮК

Рисунок В. Толстопятова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Москвич Г. В. Ферапонтов пишет: «Что значит выражение *секрет полишинеля*. Кто такой *полишинель*?».

Данное выражение означает «то, что считается тайной, в действительности известно всем, то есть мнимая тайна». Оно произошло от французского *polichinelle*. Так именовался комический персонаж западноевропейского народного театра или карнавала — веселый задира, насмешник, болтливый шут, рассказывающий «по секрету» известное всем.

О. А. Богомолова из Донецка спрашивает: «Какой из вариантов является правильным: *с такого-то числа ГОСТ... заменен ГОСТ...—...ГОСТ... заменим ГОСТом...—...ГОСТ... заменен на ГОСТ..?*»

Правильными вариантами являются второй и третий.

«Любомудрственнейший грамматиче, всепремудрственнейший риторе, витийственнейший логичеством, яснозрительнейший философиєю», «люботрудный и премудрый муж» — так характеризуют Симеона Полоцкого его современники. Но не все они были столь единодушны. Сын своего времени, горячо откликнувшийся на насущные общественные проблемы, активный просветитель, энергично отстаивавший свою точку зрения, часто не совпадавшую с мнением официальных церковников, он вызывал их резкое осуждение. Несмотря на это, книги Симеона сохранялись в некоторых монасты-

рях и в частных собраниях. Особенно популярна была «Псалтырь рифмотворная», которую читали и в XVIII, и в XIX веках. В свое время с ней познакомился и молодой Ломоносов. «И как по случаю попалась ему Псалтырь, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться сему искусству», — писал о Ломоносове Н. И. Новиков в 1772 году.

Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, более известный как Симеон Полоцкий, родился в белорусском городе Полоцке в 1629 году (месяц его рождения точно не известен). Учился в Киево-Могилянской коллегии, позднее академии — крупнейшем православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. Окончил коллегию в 1653 году; в 1656-м принял монашество, а с ним и новое имя — Симеон и стал дидаскалом (учителем) в школе Богоявленского монастыря в Полоцке. Монашеская жизнь привлекала его возможностью целиком посвятить себя литературной и прежде всего стихотворной деятельности.

С тех пор все свободное от педагогической работы время он посвящает сочинению стихов, которые тесно связаны с общественной жизнью, постоянно привлекающей пристальное внимание Симеона. Основное событие того времени — воссоединение Украины и Белоруссии с Россией — оказало серьезное влияние на формирование общественно-политических взглядов Полоцкого. Убеденный в необходимости этого события, Симеон в своих стихотворениях подчеркивает происхождение трех народов из единого корня — «из российского роду», «из земли давной русской».

В 1664 году Симеон Полоцкий переезжает в Москву, где назначается учителем в школу при Спасском монастыре за Иконным рядом. Заиконоспасская школа — одна из предшественниц будущей Славяно-греко-латинской академии. Симеон использовал опыт преподавания, полученный им в Киево-Могилянской коллегии, учил грамматике, пиитике, риторике, богословию, большое внимание уделял латинскому языку, стремясь приблизить русское образование к западноевропейскому. Но кроме того, он воспитывал в своих учениках гражданские черты. Не случайно поэтому, любимый его ученик Сильвестр Медведев стал впоследствии поэтом и политическим деятелем.

Симеон Полоцкий активно участвовал в политической и церковной жизни страны, по поводу всех заметных событий в столице выступал с речами или стихотворениями. Его высокая образованность, совершенное владение латинским языком, богословская эрудиция были полезны русскому царю, ведущему борьбу с духовенством за приоритет власти. По царскому заказу Полоцкий пишет богословский трактат «Жезл правления» и «Деяния», обвиняющие

патриарха Никона и вождей раскола. Свои богословские взгляды он высказал также в трактате «Венец веры католическия», вызвавшем наибольшее негодование высшего духовенства и давшем повод для обвинения его в ереси.

С 1666 года Полоцкий начал выступать с устными проповедями, в которых нередко затрагивались житейские, бытовые темы, решались проблемы нравственного воспитания. Свои проповеди Полоцкий строил живо и увлекательно, стремился сделать их доступными и понятными, избегая модных в то время словесных «хитросплетений». За десять лет он прочитал более двухсот проповедей, которые впоследствии были изданы в сборниках, ставших образцом ораторского искусства того времени: «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683).

*

Литературное наследие Симеона Полоцкого очень велико. Каждодневный литературный труд на протяжении всей жизни был для него законом. Основное место в творчестве Симеона занимают вирши (стихотворения), вначале разнородные, затем силлабические — основанные на равном количестве слогов в строках, независимо от количества ударений, и на рифме. Симеон явился основателем русского силлабического стихосложения, которое надолго утвердилось в русской поэзии и господствовало до 1735 года, когда выступил со своей стихотворной реформой Тредиаковский.

Вирши Полоцкого (числом несколько тысяч) собраны в двух рукописных сборниках — «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион». «Вертоград» задуман как правоучительная книга для чтения, предназначенная главным образом для воспитания и просвещения. Здесь даны вирши самой разнообразной тематики и стихотворной формы: эпитафии, молитвы, обличения, афоризмы, сатиры, свидетельствующие о большой эрудиции их автора, знании мифологии и при этом о близком знакомстве с жизнью и бытом разных слоев населения, умении чувствовать и понимать человеческую психологию. Из наиболее известных можно назвать стихотворения «Женитва» (т. е. женатая жизнь), «Вдовство» (в котором с глубоким сочувствием рассказывается о горе молодой вдовы), яркие обличительные стихотворения «Купецство» и «Монах».

«Рифмологион», по замыслу автора, должен показать мастерство поэта, способность его создавать «поэтицкие штучки» (сложные и необычные по построению стихи), в которых форма иногда была важнее содержания. Таковы стихотворения, написанные

в виде креста, звезды, сердца, или стихотворение «с секретом», — «Узел приветственный», которое читалось одновременно как три стихотворения (все целиком, и правая и левая части отдельно):

Бог сый в небе,	боже благий,
Радость тебе,	свете драгий,
Да дарует,	да храниши
Честь и славу —	Марфу здраву —
Мужу праву	в твою славу
Да готует	юже зриши...

В 1678 году Симеон Полоцкий написал «Псалтырь рифмотворную». К псалтыри был приложен «Месяцеслов» с поэтическим описанием времен года. Вот, например, апрельский кант (торжественная песнь):

Всю землю в цветы апрель одевает,
Весь собор людской в радость призывает,
Листвием древо земным венчает.

В. П. Титов — первый русский композитор — сочинил ко всем псалмам и к «Месяцеслову» музыку для хорового пения. «Псалтырь рифмотворная» с музыкальным сопровождением дала начало философской лирике и духовной бытовой музыке, так популярным в XVIII и начале XIX века.

Можно сказать также, что Симеон Полоцкий явился основоположником русской драматургии. Первыми его опытами были «диалоги» и «декламации», которые Полоцкий писал для своих учеников. Помимо развлекательности, такие «декламации» имели воспитательное значение, часто были тесно связаны и приурочены к значительным историческим событиям. «Диалоги» и «декламации» произносились и разыгрывались в школьном театре, а иногда готовились для царского семейства и придворной знати.

«Декламации» Полоцкого подготовили почву для создания в Москве профессионального театра, им же написаны первые русские пьесы: комедия «О Навуходносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных» (1673) и «Комедия о блудном сыне» (1678). Обе пьесы, несмотря на известные религиозные сюжеты, были связаны с общественной жизнью. Так, «Комедия о блудном сыне» откликалась на многие вопросы, вставшие в связи с развивающимися связями России и Западной Европы. В пьесе проявляется горячая заинтересованность автора в том, чтобы в русском обществе развивалось стремление к учению и знаниям. После неудачных приключений сын приходит к выводу:

Познах бо ныне юность дурно быти,
Аще кто хочет без науки жити.

Симеон Полоцкий не только словом, но и делом способствовал распространению просвещения в Московской Руси. Одна из его важных заслуг — разработка подробного проекта Славяно-греко-латинской академии. Он стремился к тому, чтобы образование в России служило не только церковным, но и гражданским целям. В проекте указывалось на необходимость внимания к «учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам». В курс обучения, помимо богословских, предполагалось включить и светские науки: грамматику, пиитику, риторику, диалектику, языки и др. Этот проект был осуществлен уже после смерти Полоцкого.

Он добился открытия новой «Верхней» типографии в Москве, не подчинявшейся церковной цензуре. Типография начала работать в 1678 году, а в 1679-м здесь была напечатана первая книжка — «Букварь языка словенска», написанный Полоцким для семилетнего Петра I. В начале букваря Полоцкий поместил стихотворное обращение «К юношам, учиться хотящим», в котором говорил о пользе учения с детства и призывал не бояться никаких трудностей. В букваре помещены обычные для того времени религиозные и назидательные тексты. Кроме того, даны статьи учебно-методического характера об ударении и знаках препинания в славянском языке — одно из первых филологических наблюдений над языком литературы того времени.

Сам Симеон Полоцкий много сделал для развития литературного языка XVII века. В новых жанрах (виршах, ораторской прозе, драматических произведениях) он использовал книжно-славянский язык, или, как его называли тогда, «славенский». Этот язык свойствен прежде всего церковно-религиозным произведениям. Симеона всегда характеризовало стремление писать на правильном «славенском» языке. Литературная речь раннего Симеона содержала многочисленные белорусизмы и полонизмы, например:

Витаем [Приветствуем] тя, православный *царю* праведное
солнце,

Здавна бо век прагнули [желали] тебе души наши и сердце,

Витаем тя, *царю*, от востока к нам пришедшего,

Белорусский же от нужды народ весь *свободшего* [освобожденного].

Полоцкий сознательно стремился освободиться от таких элементов в своей речи и с этой целью изучал грамматику славянского языка Мелетия Смотрицкого. Впоследствии в предисловии к «Рифмологиону» он вспоминает:

Писах в начале по языку тому,
Иже свойственный бе моему дому.
Та же увидев многу пользу быти,
Славенску ся чистому учити,—
Взях грамматику, прилежах читати,
Бог же удобно даде ю [ее] ми знати...

Однако книжно-славянский язык, используемый в произведениях Полоцкого, отличался от принятого в то время языка церковно-религиозных произведений. Основное отличие заключается в употреблении понятной лексики и большей простоте синтаксических построений. Еще Лудольф, автор первой русской грамматики, вышедшей в Оксфорде в 1696 году, писал о языке Симеона Полоцкого: «Он избегал, насколько мог, употребления трудных славянских слов, чтобы быть понятным для большинства читателей, и тем не менее язык у него славянский и много таких слов и выражений, которые в народной общей речи неизвестны». Характерным примером в этом отношении служит стихотворение «Женитва», где безукоризненный в грамматическом и стилистическом отношении книжно-славянский язык используется для яркого воплощения бытовой, жанровой ситуации. Не без юмора рисует поэт выразительный образ жены:

...Утру денну мужу не дает обнощ спати,
В ложе обыче ему о нуждах стужати;
Ту жалостне глаголет, мужа укоряет,
Аки о ней недобре в нуждах помышляет.

К сим ревнивая жена обыче стужати:
«Что ты на ону жену любиши смотриати?
И что со рабынею ты глагола еси?
Ты был еси в гостине, то ми да повеси!».
Из торжища грядуща гневно вопрошает:
«Что принес еси?». Аще ни, то люте дае.

С расширением тематики произведений Симеона тесно связано введение в текст конкретной бытовой лексики. В наибольшей степени это относится к пьесам. Так, в комедии «О Навуходно-

соре царю» воин, расправляясь по приказу царя с отроками и выражая свою готовность к подчинению, говорит:

Аз [я] и две коже готов есмь издрати
С единого хребта, а сам не страдати.

А вот каким языком говорит герой «Комедии о блудном сыне»:

Ха! ха! ха! То добрии люди,
Слышь! Дажь им по сту рублев; дай же, не забуди!

.....
Сядите, слуги мои! Вина наливайте,
А за наше здравие до дна испивайте.
Кто из вас в зернии умеет, той сяди со мною,
Прочии в карты, в тавлеи играйте с собою;
Аще кто проиграется, та на мне утрата;
А кто добре выиграет, за труд гривна злата.
[зерни, тавлен — названия азартных игр].

Симеон пользуется также латинскими словами, утвердившись до этого в языке юго-западной Руси, и широко использует в своей поэзии антично-мифологический словарь. Например, в нескольких строчках «Орла российского» упоминаются: *Афина*, *Омир* [Гомер], *Еней*, *Вергилий*, *Овидий*, *Демосфен*, *Кикерон* [Цицерон].

Таким образом, С. Полоцкий пользовался книжно-славянским языком, исключая из него наиболее архаичные, отжившие черты, обогащая его антично-мифологической лексикой и, реже, элементами разговорного языка. В этом видны ростки нового литературного языка эпохи классицизма.

Симеон Полоцкий стоит у истоков великой русской литературы. Он — первый русский профессиональный писатель, поэт, драматург. В его творчестве отчетливо заметны отличительные черты русской литературы: гражданственность, идейность, служение не личным, а общественным идеалам. Творчество этого выдающегося писателя было важным и закономерным этапом в развитии русского книжно-литературного языка.

Л. Е. ЛОПАТИНА
Рисунок В. Комарова

Древнерусская школа. Гравюра

КАК УЧИЛИ ПИСАТЬ НА РУСИ

В 1954 году стало известно об интереснейшем изобретении древнерусских учителей — деревянном букваре. Букварь был обнаружен на рубеже XIII—XIV веков, но употреблялось такое пособие в школьной практике и раньше.

Отсутствие письменных источников, содержащих сведения о методах и средствах обучения родному языку в древнерусских школах, не раз ставило в затруднительное положение исследователей. Даже такие видные советские историки русской школы, как Н. А. Константинов и В. Я. Струмицкий с сожалением отмечали, что наука до сих пор не имеет описания методики обучения в Киевской Руси (подробно см.: Очерки по истории народного образования в России. М., 1953).

Лишь с открытием берестяных грамот исследователям стала доступной письменность школьников XII—XIII веков. Однако берестяные грамоты составляют только часть археологического комплекса, в который входят еще и такие атрибуты школьного учения, как воощенные дощечки и другие учебные пособия, без которых

невозможно иметь полное представление о грамоте в древней Руси. Анализ этих источников и материалов поможет познакомиться со спецификой обучения родному языку в древнерусской школе. Понятно, что одни археологические источники не раскроют перед нами во всех подробностях систему начального обучения грамоте в XI—XIII веках, однако они все же позволяют внести существенные поправки в ранее принятое представление о ней.

Обнаруженные археологами берестяные грамоты новгородского ученика XIII века Онфима и других учащихся свидетельствуют о том, что обучение детей в школе начиналось с заучивания азбуки. Печатные буквари XVI—XVII веков, сохранившие традиции древнерусской методики, также рисуют начало учебного процесса с заучивания букв со старославянскими наименованиями в алфавитном порядке.

Букварь новгородских детей далеко не похож на современные книжки с картинками. Он представляет собой можжевелевую дощечку с вырезанными на лицевой стороне 36 буквами древнерусского алфавита. Чтобы было удобно держать дощечку в руке, нижний ее конец освобожден от букв. На обратной стороне видна выемка, предназначенная для писания по воску. Ученик мог держать в руке дощечку и, глядя на лицевую часть, списывать буквы на навощенную сторону (или проверить написанное по данному на лицевой части образцу).

Сходство с такими букварями мы находим в английских учебных пособиях X—XV веков. Там их называли *горнбуками* (*горн* — 'рог', *бук* — 'книга'). Если на Руси на дощечке азбуку вырезали, то в Англии к ней приклеивали пергаменный лист с алфавитом. Для сохранности лист покрывали сверху тонкой роговой пленкой, от чего и произошло название горнбук. Деревянные буквари способствовали последовательному восстановлению в памяти забытых букв, приучали детей запоминать их в определенном порядке.

Археологические материалы свидетельствуют и о стремлении детей к поиску способов самостоятельного заучивания букв. В 1957 году академик Б. А. Рыбаков в Любече обнаружил пряслице с буквами АБВГДЕЖЗ (Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. Краткие сообщения Института археологии, вып. 99, М., 1964). Перед нами домашний способ заучивания азбуки: девочка-школьница, занимаясь вечером прядением, время от времени поворачивала вверх веретено с пряслицем, проверяя себя, запомнила ли она ту или иную букву. Второе пряслице с началом азбуки найдено в 1959 году в Новгороде. В тех же целях дети употребляли гребенки. Такой гребешок конца XII века с началом азбуки обнаружен при раскопках древнего Берестья. Серия букв из

алфавита пацарапана на необработанной кости учеником из Гродно.

В связи с открытием берестяных грамот буквально во всех пособиях и статьях по истории школы встречается утверждение о том, что в древней Руси писать на родном языке дети учились на бересте. Изучение археологических источников убеждает в ошибочности такого вывода.

Советский археолог В. Л. Янин, изучив берестяные грамоты Онфима, пришел к иному выводу: обучали детей на Руси сначала при помощи писал на воцеленных дощечках, и лишь после переходили к письму на березовой коре. Почему Онфим и другие, уже умея писать, фиксировать результаты счета, летоисчисления, снова и снова выписывали на бересте азбуку и отдельные слоги? Отвечая на вопрос, ученый пишет: «Письмо на бересте было не первым, а вторым этапом обучения. Переход от воска к бересте требовал более сильного нажима, уверенной руки. И, научившись выводить буквы на мягком воске, нужно было снова учиться технике письма на менее податливой коре» (В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. МГУ, 1975). Академик Л. В. Черепнин такие упражнения условно называет «пробой пера» и относит к ним часть грамот Онфима, грамоты 74, 330 и другие (Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969).

Наблюдения В. Л. Янина подтверждаются миниатюрами с изображением юной княжны Евфросинии Суздальской (XIII в.) и тверского княжича Александра (XIII в.), держащих перед своими учителями в одной руке писало, в другой — воцеленную дощечку, с пацарапанными на ней буквами АБВГ.

Такой же способ обучения применялся в древней Греции, Риме, в средневековой Европе, где дети сначала учились писать стилем — писалом на церах (воцеленных дощечках), а после овладения техникой начертания букв и слов переходили к письму на папирусе или пергамене (см.: О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. М.—Л., 1936).

Если древнерусских цер пока обнаружено только шесть, то металлические и костяные стержни с лопаточками для разглаживания воска на церах выявлены в 55 древнерусских городах.

Археологические источники позволяют сделать вывод о том, что дети в древней Руси сначала на церах, а затем на бересте упражнялись в написании ломаных и прямых линий, буквообразных знаков. Этот первоначальный этап обучения отражают берестяные грамоты XII—XIV веков. Дальнейшее приобретение графических навыков было связано с упражнениями в написании отдельных букв.

его как новый шаг в обучении новгородского школьника. Для берестяных грамот, писанных под диктовку, характерны пропуски и перестановки отдельных букв, неоконченность некоторых слов, что объясняется психологической сложностью процесса, выполняемого детьми при письме на слух (мыслительная и графическая работа одновременно).

В литературе высказывалось мнение, что в древней Руси с методической целью пользовались азбукой-границей, то есть акростихами, где каждая последующая строка образует алфавит, так что в сумме первые буквы строк воспроизводят всю азбуку. Выучив акростихи наизусть, ребенок запоминал алфавит и очередность букв в них. Однако это предположение не подтверждают археологические источники. Ни одна берестяная грамота с азбукой, слогами или текстом не находится в какой-либо связи с каким-нибудь акростихом. Среди опубликованных акростихов 99 процентов в первом вертикальном ряду не содержат полной азбуки. Следуя ранее сложившейся традиции, Иван Федоров в Букваре 1574 года поместил акростихи после азбуки, слогов и составленных из них слов, то есть после того, как азбука уже детьми выучена.

В послании новгородского архиепископа Геннадия (XV в.) сказано: «А мой совет о том, что учить в училищах. Первое азбука-граница истолкована совсем, да и подтительные слова, да и Псалтыря...». Далее Геннадий уточняет: «А иным ведь силы книжные не мощно достати, токо же азбуку-границу и с подтительными слова выучат, и он силу познает в книгах велику» (Послание Геннадия, конец XV века). Название акростихов «азбукой-границей» в послании новгородского архиепископа Геннадия объясняется не «ограниченностью» первых букв строчных слов азбукой, а тем, что древнерусское слово *гран* означало 'стих'.

Из сказанного Геннадием следует, что силу книжного познания дают не одни лишь павыки из букв составлять слоги и слова, а умение читать и истолковывать тексты акростихов. Таким образом, акростихи использовались для обучения чтению связных текстов и предшествовали занятиям по Часослову и Псалтыри. Как небольшие литературные церковно-догматические произведения акростихи использовались также в целях религиозно-нравственного воспитания. В этой связи уместно вспомнить, что их называли еще азбуками-литоциями (от греч. *литоциа* — молитва). Облеченные в форму стиха молитвы лучше запоминались учащимися. Традиция составлять учебные пособия в стихах существовала на Западе и на Руси довольно долго. Известно, что зарифмованной была даже «Арифметика» Л. Ф. Магницкого.

Учитывая дороговизну пергамента, на котором переписывали Часослов, Псалтырь и другие книги, отдельные авторы высказы-

вают предположение о чрезвычайной редкости рукописного свитка в школах грамоты древней Руси. Если же такая книга сюда попадала, то ею чрезвычайно дорожили и, чтобы она не пропала, привязывали железной нитью к столу (В. Смолицкий. Как учили грамоте на Руси. «Знание-сила», 1966, № 1). Археологические источники решительно меняют такое представление.

Древнерусские педагоги находили иной выход из трудного положения. За плату они переписывали фрагменты из Часослова и Псалтыри, необходимые для определенного периода обучения. На Западе учителя нередко называли писцом за списывание «малых книжек» для детей по заказу родителей. Видимо, такие факты были широко распространены и на Руси. От XI—XIII веков сохранилось два таких фрагмента из Псалтыри в 9 и 12 пергаменных листах.

К списыванию фрагментов привлекались и книгописцы. В житии казанского архиепископа (XVI в.) Гурия сказано, что в молодости будущий церковный владыка «писаше книжецы малыя, иже в научении бывають младым детям» (Г. Рыбушкин. История Казани, часть 1, Казань, 1833). На Псалтыри XIII века писец Захария оставил надпись: «Из детская обычая много написав». Такие книжечки писали и на бересте. Обычно это были молитвы, изучавшиеся в школе. Подобные списки могли делать и сами учащиеся под наблюдением учителя.

Как видим, археологические материалы раскрывают поиски древнерусскими учителями путей усовершенствования средств и методов обучения детей с самого начала существования школы в древней Руси. Они дают представление о том методическом творчестве, которое обогащало педагогическую культуру наших предков.

С. Д. БАБИШИН
Ивано-Франковск

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 4

По горизонтали: 3. Санскрит. 7. Тамань. 9. Фемида. 10. Маршак. 12. Ниелло. 16. Гвидон. 18. Кулава. 20. Фрак. 21. Идиома. 22. Салтан. 23. Хаки. 24. Кринка. 27. Прадед. 30. Ананас. 32. Карман. 33. Тамара. 34. Епанча. 35. Контекст.

По вертикали: 1. Кафтан. 2. Письмо. 4. Ярило. 5. Тарту. 6. Веди. 8. Пава. 11. Огранка. 13. Исфахан. 14. Лексика. 15. Паллада. 17. Дадон. 19. Прага. 25. Ирак. 26. Камка. 28. Роман. 29. Дора. 30. Анемон. 31. Стансы.

Александр
Иванович
ЕФИМОВ
(1909—1966)

Имя известного советского лингвиста доктора филологических наук, профессора Александра Ивановича Ефимова знакомо широкому кругу читателей и слушателей: преподавателям вузов и школ, агитаторам и пропагандистам, работникам культуры — всем, кто интересуется вопросами мастерства писателей и культуры русской речи. Ученому принадлежат многочисленные публикации на эти темы (книги, брошюры, статьи); профессор Московского университета, он часто выступал с лекциями перед самыми разными аудиториями.

А. И. Ефимов занимался исследованиями в области истории русского литературного языка, стилистики художественной речи, современного русского языка, культуры русской речи и др. Изучение языка русских писателей-классиков XIX века занимало главное место в его трудах. Наибольший интерес для ученого представляли писательские способы достижения образности художественной речи, тропы и синонимы, — то, что в теории словесности определялось как «остов красноречия».

В предисловии к «Стилистике русского языка» А. И. Ефимова академик В. В. Виноградов подчеркнул ее близость к структуре тех курсов и монографий, которые имели название «теория словесности». Кроме того, В. В. Виноградов заметил, что, придавая особое значение «высшему синтаксису», заключающему в себе главы

о тропах и фигурах речи, А. И. Ефимов «следовал за Белинским». Действительно, горячо разделяя мнение Белинского о том, что «всякое чувство и всякая мысль должны быть выражены образно, чтоб быть поэтическими» (Сочинения Державина), А. И. Ефимов самым важным качеством художественной речи считал «экспрессивность, картинность, красочность и наглядность». Особое место, в связи с этим, занимали у него фразеология (труды о фразеологическом новаторстве М. Е. Салтыкова-Щедрина, о фразеологическом составе повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»), а также различные формы и типы речевой стилизации в художественных произведениях.

*

Редакция предлагает вниманию читателей полученную от Н. Г. Ефимовой рукопись из архива покойного автора. Публикуемая впервые, эта рукопись представляет собой текст доклада, прочитанного А. И. Ефимовым в апреле 1966 года на заседании Ученого совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Заседание было посвящено Л. Н. Толстому. В докладе положение об образности как доминирующем качестве языка и стиля художественного произведения развернуто достаточно полно и убедительно. Как известно, Л. Н. Толстой ориентировался на народное слово, суровое и внешне далеко не всегда «красивое». Однако приведенные из романа «Анна Каренина» примеры — образы «свечи», «книги» как метафорические эквиваленты человеческой «жизни» — вводят нас в область образности, прямо восходящей к старым традициям русской поэзии. Следует отметить, что обращение А. И. Ефимова к идее так называемой образной перспективы слова в тексте означало новую ступень (в результате слияния стилистики с поэтикой) в изучении поэтического языка. Во второй части доклада приводятся суждения Л. Толстого (по свидетельствам мемуаристов) о речевой образности стихов Пушкина, Тютчева, Фета.

А. В. СТЕПАНОВ

«Она хотела унасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда купаясь готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. „Где я? Что я делаю? Зачем?“ Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, немолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. „Господи, прости мне все!“ — проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрепала, стала меркнуть и навсегда потухла» (Л. Толстой. Анна Каренина. 7, XXXI).

Так писать, так высоко поднять культуру образного языка, добиваясь проникновенной силы и выразительности, мог только Лев Николаевич Толстой, этот великий мастер русского художественного слова! Сколько мыслей и ассоциаций, сколько интереснейших аспектов исследования открывает даже этот небольшой отрывок!

В нем прежде всего поражает искусная смена различных систем повествования.

Обычное описание событий, поступков героини сменяется по принципу речевых светотеней переносно-метафорическим. Слово-символ *свеча*, то есть сознание, разум, сама жизнь, сознательное существование, влечет за собой цепь других слов, употребленных в этом образном контексте: *вспыхнув* более ярким, чем когда-нибудь, светом, она *навсегда потухла*. Наряду с опорным словом *свеча* также образно-символически употребляется и слово *книга*. Но *книга жизни* характеризуется уже с помощью прямых, а не переносных значений. Такое изобретательное сочетание различных способов, типов повествования под силу лишь огромному художнику.

Еще одна важная деталь: восприятие этих образов искусно подготовлено и усилено. Читатель раньше, из главы 26-й, узнает, что перед сном Анна, «налив» себе обычный прием опиума, подумала: если выпить всю склянку, можно умереть. Он [Вронский] будет мучиться, раскаиваться. Она лежала в постели с открытыми глазами: «Вдруг тень ширмы заколебалась, захватила весь карниз, весь потолок, другие тени с другой стороны рванулись ей навстречу; на мгновение тени сбегали, но потом с новой быстротой надвинулись, поколебались, слились, и все стало темно. „Смерть!“ — подумала она. И такой ужас напел на нее, что она долго не могла понять, где она, и долго не могла дрожащими руками найти спички и зажечь другую свечу вместо той, которая догорела и потухла».

Следовательно, появление в конце образно-символического значения у слова *свеча* понятно и мотивировано. Оно выступает на фоне и параллельно с прямым и основным его значением... Фраза о мужичке, который, приговаривая что-то, работал над железом, также подготовлена предыдущим контекстом. В той же, 26-й главе рассказывается, что Анну еще до встречи с Вронским не раз во сне преследовал страшный кошмар: «Старичок с взлохмачепной бородой что-то делал, нагнувшись над железом...». Он ее как бы не замечал, но — в чем был весь ужас — он, приговаривая бессмысленные французские слова, делал «какое-то страшное дело в железе над нею».

С точки зрения словесно-художественного мастерства основное качество литературного произведения — образность и художественность речи. Писатель должен образно мыслить и образно говорить. Л. Н. Толстой поражает нас той неистощимой изобретательностью, с какой он создает яркие и миллионам людей понятные, доступные словесные образы. В своем речевом творчестве Л. Толстой так велик и многогранен, что потребовались бы десятки до-

кладов и сообщений, чтобы в какой-то степени обобщить закономерности его словесно-художественного мастерства.

В наше время на стыке литературоведения и языкознания появилась новая наука, наука о языке художественной литературы — стилистика художественной речи... Она должна одним из основных своих предметов, объектов исследования сделать язык, — могучий, бессмертный язык Л. Н. Толстого. Трудно назвать ту проблему этой науки, решение которой невозможно при обращении к языку этого исполина. Я бегло перечислю некоторые из проблем, каждый раз мысленно отвечая, что Толстой дает для решения их безукоризненный и исчерпывающий материал. Вот они, проблемы стилистики художественной речи, которые ждут молодых исследователей:

Своеобразие образно-художественной речи. Проблемы стилизации и пародирования; Образ автора, рассказчика и повествователя; Типизация речи действующих лиц. Словесные средства создания портрета; Речевые средства юмора и сатиры; Принципы и приемы метафоризации значений слов; Речевая экспрессия; Иаобразительная роль слова и фразеологических единиц; Выразительные свойства частей речи; Отношение писателя к иноязычным речевым средствам; Работа писателя над языком своих произведений; Взгляды писателя на язык литературного произведения, характеристика способов и приемов словесно-художественного творчества и другие проблемы эстетики слова...

Работая в настоящее время над проблемами образно-художественной речи, я с особым вниманием изучаю замечания Толстого относительно «секретов» создания образного языка. Как откровенно, что Толстой в своих взглядах перекликается с Пушкиным и одобряет те образцы поэтической речи, которые ближе всего к творениям поэта!

По свидетельству А. Б. Гольденвейзера, Л. Толстой высоко оценил такие строки Тютчева: «Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздной борозде» [«Есть в осени первоначальной...»]. «Здесь это слово „праздной“ как будто бессмысленно и не в стихах так сказать нельзя, а между тем, этим словом сразу сказано, что работы копчены, все убрали, и получается полное впечатление. В уменье находить такие образы и заключается искусство писать стихи, и Тютчев на это был великий мастер» [А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 314—315]. Нет сомнения, что образ «праздной борозды» восходит к пушкинскому: «И праздный в поле ржавит плуг» (Воспоминания в Царском Селе).

Л. Толстой не любил стихов, за исключением немногих поэтов — Пушкина, Тютчева, Фета: «Так трудно выразить свою мысль вполне ясно и определенно, а тут еще связан рифмой, размером,

Но зато у настоящих поэтов в стихах бывают такие смелые обороты, которые в прозе невозможны, а между тем, они передают лучше самых точных. Лев Николаевич вспомнил стихи Фета [„Осенняя роза“]:

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

— Как это хорошо „Дыханьем ночи обожгло“! Это совсем тютчевский прием... Как смело, и в трех словах вся картина!» [А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, с. 318—319].

Сравним у Пушкина: «Дохнул осенний хлад — дорога промерзает...» («Осень»).

А теперь о самом Пушкине, которого Толстой называл мастером красоты, высоко ценил красоту и художественность его стиха. С. А. Стахович рассказывает: «...Но какой мастер красоты ваш Пушкин». — С ударением и расстановкой произнес он [Толстой] слова: „мастер красоты“. — „У меня сегодня на верховой езде — и с тех пор все вертится в голове стих!»

Недвижим он лежал, и странен
Был томный лик его чела.

— Ведь вот неверно — *лик его чела...* а прекрасно. Так прекрасно, что готов не заметить этого и понимаешь, в чем дело“...

Я напомним, что... *томный мир его чела.* Лев Николаевич всплеснул руками: „Ну, конечно, Пушкин бы не ошибся. Чудесно! И именно это поражает в покойнике. Это странное спокойствие гладкого лба“...

— Да, да, — продолжал Лев Николаевич, — тем удивителен Пушкин, что в нем нельзя ни одного слова заменить. И не только нельзя слова отнять, но и прибавить нельзя. Лучше не может быть, чем он сказал» [Толстой и о Толстом. Новые материалы. М., 1924, с. 63—64].

Этот культ высокохудожественного языка пушкинской поэзии характерен также для Тургенева, который на память читал целые главы Онегина...

Итак, Толстой — за подлинную красоту языка. Он был врагом цветистого, искусственного, неправдоподобного языка. Показательны, например, требования Л. Н. Толстого к образной речи. Рассуждая по поводу неудачных попыток литераторов называть глаза «бирюзовыми», губы «коралловыми» и проч., он изложил систему взглядов на средства и приемы словесного мастерства, на важнейшие качества художественной речи. Л. Н. Толстой указывал:

«Автору выгоднее выпустить 10 прекрасных описаний, чем оставить один такой намек в своем сочинении. Хотя склонность сравнения вообще и в особенности с драгоценными вещами преобладает, как мне кажется, у французов, эта склонность существует и у нас, и у немцев, но меньше всего у англичан. Бирюзовые и бриллиантовые глаза, золотые и серебряные волосы, коралловые губы, золотое солнце, серебряная луна, яхтовое море, бирюзовое небо и т. д. встречаются часто. Скажите по правде, бывает ли что-нибудь подобное? Капли воды при лунном свете, падающие в море, горят лучше жемчужин, падающих в таз, и ни капли не похожи на жемчужины, ни таз — на море»...

Развивая эту мысль, Л. Н. Толстой пишет: «Я не мешаю сравнивать с драгоценными камнями, но нужно, чтобы сравнение было верно, ценность же предмета не заставит меня вообразить сравниваемый предмет, ни лучше, ни яснее. Я никогда не видал губ кораллового цвета, но видал кирпичного; глаз — бирюзового, но видал цвета распущенной синьки и писчей бумаги. Сравнение употребляется или чтобы, сравнивая худшую вещь с лучшей, показать, как хороша описываемая вещь, или, сравнивая необыкновенную вещь с обыкновенной, чтобы дать о ней ясное понятие» [Варианты из второй и третьей редакций «Детства». — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. — Л., 1928, с. 177—179].

Относительно известных строк Лермонтова «Из-под куста мне ландыш серебристый Приветливо кивает головой» [«Когда волнуется желтеющая нива»] он говорил: «Я сегодня видел ландыш, совсем готовый бутон, должен вот-вот распуститься. Почему ландыш называют серебристым? Ничего нет похожего на серебро... Это сказано только для рифмы, для рифмы к „душистый“». Эпитет должен рисовать предмет, давать образ, а это совершенно фальшивое представление» [В. Ф. Булгаков. Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1957, с. 212].

Следовательно, словесно-художественный образ должен быть в первую очередь верным, правдивым, реалистичным. Его необходимо нарисовать, представить картинно, красочно.

Как ни странно, иногда Толстого изображают противником образных средств. Например, А. М. Пешковский, развивая теорию общей образности, сослался на необразность «Кавказского пленника» Л. Толстого. Эта ссылка мне показалась подозрительной. Пришлось проверить. И оказалось (об этом я писал в журнале «Вопросы литературы») [имеется в виду статья «Образная речь художественного произведения». — «Вопросы литературы», 1959, № 8], что в этом произведении употреблено более 20 самых разнообразных сравнений. Причем образность повествования усиливалась автором по мере работы над рукописью. Известно, что вначале глаза

Дины упоминались без сравнения, а затем Толстой написал: «...и над самой ямой, *как у кошки*, у Дины глаза в темноте светятся». Сравнения в этой повести весьма разнообразны, и употребляются они иногда целыми группами. Вот как описывается старик из аула: «...Бородка и усы подстрижены, — белые, *как пух*; а лицо сморщенное, и красное, *как кирпич*; нос крючком, *как у ястреба*, а глаза серые, злые... Идет бывало..., *как волк* озирается». Весьма выразительны сравнения в описании Дины: «Как она прыгнет прочь, *как коза дикая*»; «куклу... качает, *как ребенка*»; «побежала на гору, *как козочка прыгает*»; «глазенки так и блестят, *как звездочки*» и т. д. [курсив автора].

А какой наблюдательный, какой тонкий стилист был Лев Николаевич! Во втором издании «Стилистики художественной речи» я воспользовался его мыслями относительно употребления обращений, изобразительной роли которых посвятил особую главу. Письмо к Анне, после ее измены, Каренин писал не обращаясь к ней, начав его без каких-либо слов и наименований: «Положив локти на стол, он склонил набок голову, подумал с минуту и начал писать, ни одной секунды не останавливаясь. Он писал без обращения к ней и по-французски, употребляя местоимение „вы“, не имеющее того характера холодности, который оно имеет на русском языке» (3, XIV).

Как верно и точно подмечена эта жизненная деталь! Стремясь избежать холодности и в то же время неуместной теплоты изъяснения, Каренин не стал начинать письмо с обращения. Последнее переключило бы его в иную систему изъяснения...

Итак, девиз Льва Толстого, его основные заповеди: 1) непрерывно изучать язык народа и 2) без усталости работать над языком своих произведений, «просеивая песок» (это его выражение) и, следовательно, от себя добавим, оставляя в книге лишь чистое золото поэзии...

А. И. ЕФИМОВ

От редакции: Рукопись А. И. Ефимова подготовил к печати А. В. Степанов.

Н. П. МАКАРОВ—ЛЕКСИКОГРАФ

Николай Петрович Макаров (1810—1890) хорошо известен как лексикограф, составитель русско-французского, французско-русского и других словарей, которые считались лучшими в дореволюционной России. Их высоко ценил В. И. Ленин. По свидетельству Н. К. Крупской, словарь Макарова был известен Владимиру Ильичу с гимназических лет и помог ему овладеть тонкостями французского языка.

«Когда Владимир Ильич волновался,— пишет Надежда Константиновна,— он брал словарь, например, Макарова, и мог часами его читать» (Н. К. Крупская. Ответы на анкету института мозга.— «Литературная газета», 11 декабря 1968).

Словари Н. П. Макарова хорошо послужили нескольким поколениям, изучавшим иностранные языки, и сыграли немаловажную роль в развитии русской культуры.

Николай Петрович Макаров родился в 1810 году в Чухломе, захолустном городишке бывшей Костромской губернии, в дворянской семье, хранившей предание о знаменитом некогда предке А. В. Макарове — кабинет-секретаре Петра I. Со стороны матери Николай Петрович приходился родственником П. А. Катенину (1792—1853), известному русскому поэту-романтику, критику, драматургу, полиглоту.

В молодости Николай Петрович находился на военной службе; после отставки служил по коммерческой части у своего земляка-богача В. А. Кокорева. Однако отношения между Макаровым и Кокоревым вскоре осложнились. [Макаров поместил в «Современнике» против своего шефа обличительную статью «Задушевная исповедь». — «Современник», т. 78, отд. I, 1859]. Распроцавившись с коммерцией, Макаров занялся музыкой. Он всегда любил музыку и с восторгом вспоминал ощущения, испытанные им в молодости от игры Паганини, пения Виардо и других знаменитых артистов. Николай Петрович и сам умел играть на скрипке, гитаре, неплохо пел.

Кроме музыки он увлекался еще и литературой. После опубликования «Задушевной исповеди» у Макарова возникли некоторые связи в писательских кругах. Он познакомился с Добролюбовым

и Некрасовым. Писание давалось ему легко. Меньше чем за один год были написаны три романа: «Банк тщеславия», «Две сестрички и новое фарисейство», «Победа над самодурами и страдальческий крест» (СПб., 1861). Они печатались под псевдонимом Гермогена Трехзвездочкина, подчеркивавшим их сатирическое направление. Не вдаваясь в оценку этих произведений как литературных явлений, скажем только, что писательский дебют Макарова свидетельствовал о несомненном беллетристическом даровании автора. Однако писательская деятельность Макарова дебютом и ограничилась. Можно предположить, что причиной этого явился суровый отзыв Д. И. Писарева о последнем романе Макарова (Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. СПб., 1903, т. I, с. 547). А может быть, сказались особенности склада характера Макарова. Азартной натуре его был в высшей степени присущ дух состязательности. Его всегда увлекала борьба за первенство. Испытывая себя в разных видах деятельности, он всегда стремился догнать и превзойти соперников. Но в литературе он выступил, будучи 50-летним, рядом с такими замечательными и признанными писателями, как Толстой и Достоевский, Гончаров и Тургенев, Салтыков-Щедрин, Чернышевский... Соперничать с ними Макаров не мог. Понимая это, он оставил литературу и уехал из Петербурга в деревню. Здесь новая идея властно захва-

тила его. Открылось настоящее призвание Макарова, послужившее главному делу его жизни — работе над составлением словаря.

Как возникла эта идея? Заглянул ли он случайно в существовавшие тогда лексиконы и изумился нагромождению в них ошибок, и по свойству живой, творческой природы вдруг озарило его понимание того, каким должен быть словарь, и появилась уверенность в своей способности решить эту задачу? Или неудержимо потянуло его испытать силы в новом виде деятельности? Натолкнул ли его кто-нибудь на мысль заняться словарем — сейчас установить трудно. Только удивительно, что, не имея ни подготовки, ни опыта, он смело взялся за работу, о которой академик Л. В. Щерба писал: «...словарное дело — исключительно трудное дело» (см.: Предисловие ко второму изданию русско-французского словаря. М., 1959).

Уединившись в деревенском доме, он установил для себя суровый режим: шестнадцатичасовой рабочий день (с 7 часов утра до 11 вечера) с перерывом на обед и чтение французской газеты (для справок о современном французском языке). Работал в будни и праздники. Все отвлекающее — визиты, прогулки, развлечения — было оставлено.

«...Словарь не может быть индивидуальным делом, а должен делаться коллективными усилиями», — указывает Л. В. Щерба. Макаров трудился над «Полным русско-французским словарем» один. Вдали от города, он не имел возможности ни общаться, ни советоваться с кем-либо. От изнурительной работы у него открылись болезни. От чтения лексиконов, напечатанных мелким шрифтом, он почти ослеп. Через три года (1866) словарь был готов, и сразу же возник вопрос о его печатании. Собственных средств для этого не было. Нужно было найти издателя, готового рискнуть взяться за такое сложное, дорогое, не сулящее выгод издание. Макаров подробно описывает в книге «Мои семидесятилетние воспоминания» (СПб., 1881) пережитые им мучения и унижения, прежде чем первый выпуск «Полного русско-французского словаря» увидел свет.

Вскоре появились и первые отзывы. Читая их, Макаров плакал от счастья: «Чем-то отжившим веет от параллельного словаря (Ф. Рейфа), когда для сравнения переходишь к нему от свежего, полного мыслей труда г. Макарова»; «Польза этого труда более чем очевидна. Люди, занимающиеся переводами с русского на французский, найдут в нем незаменимое подспорье; для учащихся это необходимый советник в их самостоятельной работе для правильного уразумения духа французского языка и изучения его особенностей; для наших домашних наставников и наставниц, во всех углах России обучающих молодое поколение французскому языку,—

это настольная книга» (Из рецензии В. С. Игнатовича. Журнал министерства народного просвещения. 1867, т. 134, № 6, с. 946).

Еще более лестным оказался отзыв академика Я. К. Грота: «Потребность в подробном русско-французском словаре ощущалась у нас очень давно и недостаток такого пособия, при значительном распространении у нас французского языка, служит одним из прискорбных доказательств того, как бедна наша учебная и ученая литература и как мало у нас охотников предпринимать серьезные многолетние труды. Наконец нашелся человек, задумавший составить такой словарь обоих языков, который в неслишком большом объеме представил бы возможно полное и надлежащим образом разработанное содержание. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровым в замечательной степени успешно. Употребив на то не более трех лет, г. Макаров подал ~~Ф~~радный пример деятельности настойчивой и неутомимой» (Записки Императорской Академии Наук. СПб, 1868, т. 12, № 2).

Чем же была вызвана такая единодушная восторженная оценка работы Н. П. Макарова? Дело в том, что двуязычные домакаровские словари были большей частью переводными, то есть они представляли собой перечень русских слов в алфавитном порядке с переводом их на иностранный язык. В любом языке есть слова, устойчиво употребляемые для обозначения какого-нибудь одного понятия, например, *носорог*, *свинья*, *наперсток* и т. д. Перевод и употребление таких слов не представляет, конечно, никаких затруднений. Но гораздо больше слов имеют не одно, а много значений, много смысловых оттенков.

Домакаровские словари давали переводы слов, но не показывали, когда и как их нужно употреблять. Макаров постарался устранить этот недостаток старых лексиконов и сделал это в высшей степени умело. Он представил почти каждое слово живой речи в окружении других слов, привел многочисленные примеры характерных для языка словосочетаний, фигуральных оборотов, выражений, фраз. Особое внимание он обратил на устойчивые обороты и выражения, пословицы, поговорки, «крылатые слова».

Например, слову *всякий* в словаре Ф. Рейфа дан перевод *chaque*, и этим ограничиваются все сведения о его значении и употреблении. Макаров для этой цели приводит 11 фраз и 20 устойчивых выражений, в которых это слово участвует, например: «всякий кулик свое болото хвалит», «всякий молодец на свой образец», «на всякое чиханье не наздравствуешься», и для каждого из них подбирает соответствующую французскую пословицу или объяснительную фразу.

В словаре Макарова содержится более 32 000 фраз, выражений, пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний, демонстрирую-

щих замечательное богатство, особенности, дух и колорит русского языка. «Со стороны фразеологии этот словарь отмечается редким богатством», — подчеркивал Я. К. Грот.

Но богатством фразеологии не исчерпывается достоинство труда Макарова. Словарь отражает характерное для русского языка слияние предлогов с глаголом, отчего новый глагол приобретает иной смысловой оттенок. Например, из глагола *резать* путем слияния его с разными предлогами возникает более 20 разных глаголов с новыми смысловыми оттенками: *врезать, вырезать, изрезать, нарезать, надрезать, обрезать, отрезать, перерезать, порезать, подрезать, прорезать, разрезать, срезать, урезать* и т. д.

Французский язык не имеет такого богатства глаголов. Поэтому различные смысловые оттенки русских новообразований должны быть переданы по-французски объяснительными фразами. Макаров выполнил эту задачу с замечательной тщательностью.

«Можно с уверенностью предсказать, — писал Я. К. Грот, — что словарь Макарова сделается надолго настольной книгой для всех, кто захочет изучать один из двух языков с помощью другого». Предсказание Грота оправдалось. «Полный русско-французский словарь» Макарова в течение 50 лет был самым распространенным словарем в дореволюционной России. Окрыленный успехом своего творения, Макаров сразу же приступил к составлению Французско-русского словаря (1866—1872), затем были изданы международный словарь для средних учебных заведений (1874) и Немецко-русский словарь (1875). Их высокие достоинства обеспечили им широкое распространение.

Кроме двуязычных словарей, Макаров составил еще очень интересную «Энциклопедию ума или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (1878). В этой книге собрано около 8 000 афоризмов, крылатых выражений и литературных цитат. Макаровская «Энциклопедия ума...» представляет сейчас библиографическую редкость. В наше время произведений подобного жанра известно уже довольно много. Но «Энциклопедия ума...» в ряду таких книг одна из первых, и в этом ее заслуга и ценность.

Завершает лексикографическую работу Макарова книжечка пословиц (Латинские, итальянские и английские поговорки, пословицы и тексты из разных писателей. СПб., 1878).

В последние десятилетия лексикография сделала большие успехи. Новые, созданные в советское время словари оставили далеко позади старые лексиконы. Но работы первого русского лексикографа Н. П. Макарова останутся навсегда памятником труда страстного, самоотверженного, неутомимого.

А. Д. БРАВН, Т. Н. ЕГОРОВА
Ленинград

Каждый участник и гость Олимпиады-80, сошедший с борта самолета в Шереметьево, направляясь к центру города, проедет по Ленинградскому шоссе, где на улице Лавочкина (Химки-Ховрино) находится олимпийский спортивный зал, по Ленинградскому проспекту, вдоль которого расположен ряд спортивных комплексов, по улице Горького — одной из самых красивых улиц Москвы.

ХИМКИ-ХОВРИНО

Здесь, на улице Лавочкина, в большом спортивном зале «Динамо» намечается провести состязания женщин по ручному мячу (гандболу).

Улица Лавочкина появилась на карте нашего города совсем недавно — в 1965 году. Этим названием увековечена память о выдающемся советском авиаконструкторе С. А. Лавочкине — создателе скоростных истребителей, сыгравших большую роль в Великой Отечественной войне. Район, где находится эта улица, называется *Химки-Ховрино*. Это наименование открывает нам интересные и почти забытые страницы истории Москвы и русской культуры. Первая его половина связана с протекавшей здесь рекой Химкой. Эта река неоднократно упоминается в писцовых книгах Московского государства XVI века, но только в форме *Химка*. Название *Химка* окончательно закрепляется лишь в XIX веке. Именно от него образованы наименования *Химкинской улицы*, *Химкинский бульвар*, *Химкинского водохранилища* и *Химки* (подмосковный город).

Возможно, название *Химка* (*Хинка*) связано со словом *хиль*, которое в некоторых говорах употреблялось в значении 'чепуха, пустяки, вздор'. Может быть, *Хинка* — 'незначительная, пустяковая, бесполезная' речка. Новая история Химок (так стала называться местность в окрестностях реки Химки) связана с проведением в 1932—1937 годах канала *Москва-Волга*, переименованного впоследствии в канал имени *Москвы*. В 1937 году здесь было создано Химкинское водохранилище и открыт Северный речной порт.

Вторая половина названия микрорайона *Химки-Ховрино* связана со старым подмосковным селом *Ховрино*, принадлежавшим в XIV веке Григорию Ховре — представителю знатного боярского рода *Ховриных-Головиных*.

По мнению историков, основателем рода *Ховриных-Головиных* был «сурожский гость», то есть купец из генуэзской колонии *Сурожка* (*Судака*), некто *Стефан Васильевич*, прибывший в Москву в начале XIV века. Его сын *Григорий* получил в Москве некрасивое прозвище *Ховра* (или *Ховря*), что значит 'неряха, свинья'. Дети его уже носили фамилию *Ховрины*, позднее *Ховрины-Головины*.

Ховрины-Головины знамениты тем, что развернули в Москве каменное строительство, начали создавать белокаменную Москву.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОСПЕКТ

Ленинградский проспект, 39. Здесь находится спортивный городок ЦСКА: Дворец спорта, зимний плавательный бассейн, Дворец тенниса, Дворец тяжелой атлетики, футбольно-легкоатлетический манеж, ряд других спортивных объектов. В дни Олимпиады-80 во Дворце спорта состоится женский баскетбольный турнир, а в футбольно-легкоатлетическом манеже встретятся борцы вольного и классического стиля, фехтовальщики.

Спортивный комплекс ЦСКА возведен рядом с московским

аэровокзалом, который был построен на бывшем Ходынском поле. Под названием *Ходынского луга* эта местность впервые упоминается в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича, составленной в 1389 году: «А из Московъских сел даю сыну своему, князю Юрю: село Михалевъское, да Домаптовъское, да луг Ходынский». Ходынское поле получило свое название по протекавшей по нему речке Ходынке, притоку реки Москвы. Во второй половине XVIII века на его территории находились в основном пахотные поля ямщиков Тверской ямской слободы.

В дни Великого Октября воинские части, располагавшиеся в казармах на Ходынском поле, перешли на сторону большевиков и активно участвовали в установлении власти Советов. В честь Великой Октябрьской социалистической революции Ходынское поле было переименовано в Октябрьское.

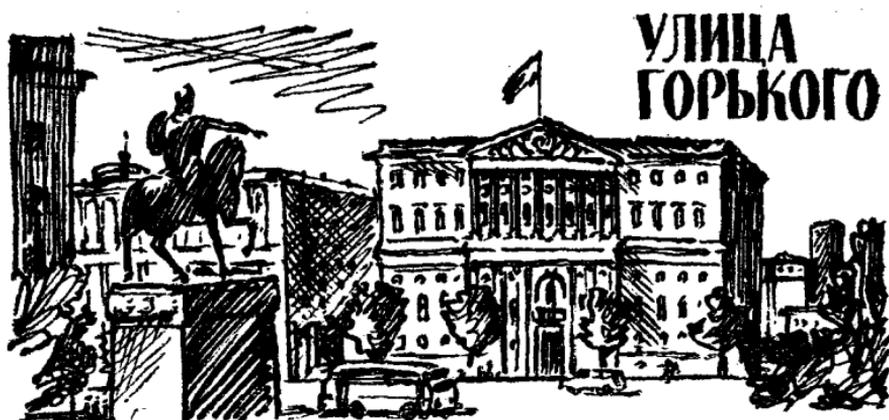
В нескольких останках от Белорусского вокзала расположен один из старейших московских стадионов — «Динамо», построенный в 1928 году. Во время Олимпиады-80 на нем будут проходить состязания по футболу и хоккею на траве. Некоторые московские старожилы в разговорной речи называют «Динамо» *стадионом на Масловке*. Это связано с тем, что поблизости расположены две улицы — Верхняя Масловка и Нижняя Масловка, названные по существовавшей здесь в XVII—XVIII веках пустоши *Масловка*.

Территория стадиона подходит вплотную и к улице, которая называется *Новая Башиловка*. В этом старомосковском названии сохранилась память о местности *Башиловка*, так названной в 30-е годы XIX века по фамилии чиновника Башилова, построившего здесь в Петровском парке театр и «вокзал» (см.: В. А. Ицкович «Вокзал». — «Русская речь», № 4, 1978), проведшего улицы и аллеи.

На противоположной стороне Ленинградского проспекта расположен стадион Юных пионеров, построенный в 1934 году. Спортсмены часто называют его *СЮП*. Здесь будут проходить встречи по хоккею на траве.

С одной стороны этот стадион граничит с Беговой улицей, название которой (возникшее в XIX веке) связано с расположенным на ней Московским ипподромом. С другой стороны стадиона Юных пионеров находятся 1-й и 2-й Боткинские проезды, названные в честь основоположника русской клинической медицины С. П. Боткина.

Название *Ленинградский проспект* молодо. На карте столицы оно появилось в 1957 году, когда к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции часть Ленинградского шоссе от Белорусского вокзала до развилки с Волоколамским шоссе была обособлена в виде проспекта.

Здесь в доме № 22^а работает штаб Олимпиады-80, ее Оргкомитет.

История ул. Горького связана с давно минувшими временами. Эта магистраль — древний путь, возникший еще в XIV веке, когда от Кремля на Тверь (ныне — г. Калинин) шла оживленная Тверская дорога. Постепенно эта дорога застраивалась и на начальном своем участке (известном в истории Москвы под названием *Запеглименья*) превратилась в улицу.

Откроем роман «Евгений Онегин» — и перед нами предстает ее старый облик:

...Пошел! Уже столпы заставы
 Белеют; вот уж по Тверской
 Возок несется чрез ухабы.
 Мелькают мимо будки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Куницы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротах
 И стаи галок на крестах.

На Тверской была проложена первая в Москве линия конной железной дороги (в просторечии — *конки*), был построен первый кинотеатр, который тогда называли *синемаграфом*.

В 1932 году бывшие Тверская и 1-я Тверская-Ямская улицы были переименованы в улицу Горького — в честь великого совет-

ского писателя. Память о прежнем названии ул. Горького сохраняется в названии Тверского бульвара (напомним, что это был первый московский бульвар; он возник в 1796 году на месте разобранной стены Белого города), а также — Тверских-Ямских улиц и переулков, расположенных на месте Тверской ямской слободы XVI века.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Рисунки В. Комарова

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ГОСТЬ

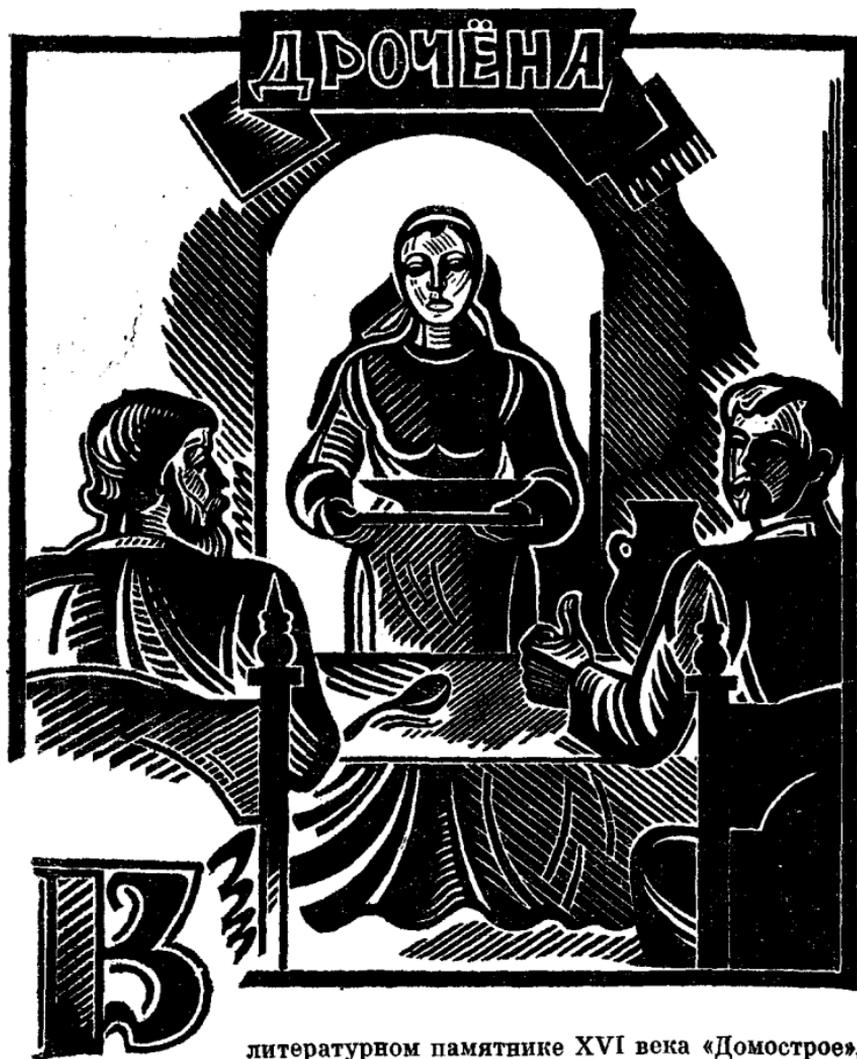
«Чем вы, гости, торг ведете И куда теперь плывете?», — спрашивает князь Гвидон из «Сказки о царе Салтане» проезжающих купцов. Те отвечают: «Мы объехали весь свет, Торговали соболями, Чернобурыми лисами...».

Сейчас слово гость употребляется лишь по отношению к человеку, пришедшему навестить кого-либо. В древности же так называли и купцов, русских и иноземных, торговавших в разных городах и странах. Всем с детства знаком былливый Садко богатый гость. Занимающихся торговлей (гостьбой) на пути из Варяг в Греки именовали гречниками.

Размещались гости в гостинных дворах, там находились торговые ряды и лавки с товарами. В XV веке такие дворы были в Москве, Пскове, Новгороде.

В XVIII веке гость в древнем значении перестает употребляться. Связано с прошлым теперь и слово купец. И его нам приходится слышать порой только при знакомстве родителей, родственников, друзей жениха и невесты: «У вас товар, у нас купец!».

В литературном памятнике XVI века «Домострое», описывающем быт русского человека, среди различных «яств» названа «постная драчёна в маковом молоке».

Какое же кушанье называют дrouchёной?

Словари XVIII века определяют дrouchёну как «личный пирог», «хлебное из яиц, молока и муки»; поваренные книги этого времени дают подробное ее описание: сколько яиц надо разбить, когда лить молоко, как долго взбивать тесто («чем больше будет взбивано, тем лучше выйдет драчёна»), когда «оное выложить в сковородку» и как запечь («чтоб поднялась и вздулась») и т. п.

Итак, судя по этим источникам, дробёна — кушанье из запеченной смеси яиц, молока и муки. Делают его и теперь. Название *дробёна* (порой в форме *драчёна*) встречается в современных кулинарных книгах, в меню столовых. Дома же называем мы кушанье из яиц и молока, заимствованным из французского языка, слово *омлет*. Многие из тех, кто делает дробёну сейчас или помнит, как готовили ее когда-то, возражают: дробёна — это не омлет. И будут по-своему правы. Омлет — это лишь один из ее вариантов.

Слово *дробёна* продолжает и сейчас активно употребляться в русских народных говорах, особенно широко в северных и центральных областях России (Новгородской, Вологодской, Ленинградской, Калининской, Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской и др.), на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, известно оно также в западных и южных областях (Смоленской, Брянской, Орловской, Курской, Тамбовской).

Как свидетельствуют записи, сделанные в Тамбовской губернии в 1850 году и в Вологодской области в 1964, дробёна — это яичница на молоке.

Нет, это не яичница, скажут нам жители Московской области. Дробёну делают так: сначала кладут сметану, яйца, дрожжи, потом муку, все разболтают, выливают в формочку и — в печь (1968).

Томичи возражат: сначала варят картошку и рубят ее сечкой, на нее молочка польют, сала растопленного. Вот это дробёна (1954).

Дробёна — каша из тертого картофеля на молоке и яйцах, — утверждается в записи, сделанной в Новоладожском уезде Петербургской губернии (1858).

А у нас дробёна, — скажут рязанцы, — оладьи или толстые блины, только в одних местах они из мятой картошки, а в других — из пшенной каши.

А вот что записано в Новосибирской области: «Драчёну делали, щас ее глазуньей зовут. Яйца набыют на сковороду» (1964—1965).

В Новгородской области дробёна — блюдо из гороховой муки, в Тюменской — разрезанная на куски, облитая маслом и обсыпанная сахаром сдобная булка, подается на стол по праздникам (1898); в Костромской — четырехугольный закрытый белый пирог из опарного теста (1927); на Амуре — это блин из гречневой муки на молоке (1914). Можно выделить три основные разновидности дробёны: яичница (обычно с молоком и мукой), лепешка (оладья, блин и т. п.) и запеканка (крупяная и картофельная).

Если кушанье приготовлено из муки и молока (то есть «хлебное», как определяли дробёну старые словари), то в зависимо-

сти от количества яиц это либо яичница (омлет), либо сдобная лепешка. Последняя издавна была для русского народа любимым и даже лакомым блюдом (в старых диалектных записях она называется *пирожным печеньем*). Ее делали на свадьбы, праздники.

В некоторых местах в «яично-мучную» дрожёну добавляли дрожжи. На севере это кушанье готовили из пшеничной, ржаной, гороховой муки («сдобный гороховый пирог»), на Дальнем Востоке — из гречневой («гречушные толстые колоба»).

Дрожёна картофельная (запеканка или оладьи) делается из сырого тертого или вареного толченого картофеля. Она издавна известна в Петербургской, Новгородской, Рязанской, Московской губерниях (а затем областях), а также в Пермской, Томской, Иркутской, Красноярской областях. Запекали или жарили картофельную дрожёну на постном или сливочном масле, добавляя в нее яйца, сметану, молоко.

В виде большого каравая, толстого блина, лепешек делается из пшеничной крупы крупяная дрожёна.

На некоторых территориях слово *дрожёна* бытует в значении «хлеб, пирог, булка, ватрушка из пшеничной муки».

Слово *дрочена* родственно глаголу *дрочить*, широко распространенному в русских народных говорах и означающему «вдывать, вздувать, взбивать; сдобривать, сдобить, нежить, холить». Отсюда сразу становится понятным его происхождение. Ведь дрожёной как правило, называются *взбитые, пышные, нежные кушанья*.

В говорах существуют производные от *дрожёна* (*драчёна*) слова: *дарачена, дрочёнка (драчёнка), дрочённик (драчённик)* и т. д. Они употребляются в тех же значениях, что и *дрожёна*.

Диалектное прилагательное *дрочёный* соответствует по значению литературному *сдобный* (если говорится о тесте или изделии из такого теста).

Приведенные сведения о местных разновидностях дрожёны получили отражение в «Словаре русских народных говоров». Слово *дрожёна* (кушанье), начиная с XVIII века включается в толковые словари русского языка. Однако бытование его в настоящее время ограничено сферой специального употребления и справочно-словарными пособиями. Оно почти не встречается в современной художественной литературе; в устной речи его обычно замещают другие слова: *запеканка, омлет* (или *молочная яичница*), а также *лепешка, оладья* и т. д. с уточняющими определениями (*картофельный, пшеничный* и т. п.).

Л. П. БАЛАХОНОВА

Рисунок В. Толстоногова

СТУДЕНЫЙ — ХОЛОДНЫЙ

При упоминании о слове *студеный* в нашей памяти порой всплывают с детства хорошо знакомые строки Н. А. Некрасова:

Однажды в студепую зимнюю пору
Я из лесу вышел: был сильный
мороз.

Крестьянские дети

Или картина поздней осени, с которой начинается его поэма «Железная дорога»:

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит...

В современном русском литературном языке слово *студеный* употребляется довольно редко, да и то лишь в одном значении — «очень холодный». В словарях оно, как правило, дается со стилистической пометой «просторечное». А, между тем, в русском языке XI—XVII веков оно занимало отнюдь не столь скромное место и обладало большим количеством значений. *Студеный* являлось основным прилагательным, обозначающим низкую температуру: «воды студения, понеже отъ снежныхъ горъ текуть» (Проскипитарий Арсения Суханова, 1649—1653); «студена бо была зима велими» (Летопись по Воскресенскому списку, XV в.).

Студеными назывались — определенное географическое положение и климатические условия, холодные северные моря, и, в частности, Северный

Ледовитый океан: «многие народы живут в теплыхъ местахъ, и многие в студеныхъ, и есть великие города в студеныхъ странахъ, къ Северному морю» (Посольство... Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг.); «подъ кругомъ же студенымъ живутъ многие народы сибирские» (География или краткое земного круга описание, 1710); «река Лена впаде въ море Студеное въ Окиянское» (Путешествие чрезъ Сибирь... Николая Спафария в 1675 г.).

Употреблялось интересующее нас слово в древнерусских текстах и по отношению к легкой одежде; месяцу декабрю; помещению, не имеющему отопления, плохо защищенному от холода. «Кафтанъ студеной крашенинной» (Книга расходная Николаевского карельского монастыря, 1551—1560 гг.); «М(еся)ць дека (брь), ре(ко)мый студеный» (Пролог Лобковский, XIII в.); «в ней... церковь студеная» (Двинские грамоты XVII в.).

Вот как видный деятель движения старообрядцев XVII века протопоп Аввакум в своем «Житии» говорит о тюрьмах, в которых ему пришлось неоднократно побывать: «... привезли в Брацкый острог, и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немножко; и привезше, в полатку студеную над ледником посадили; Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцать недель; Сидель до Филиппова поста в студеной башне».

Слово *студеный* входило в состав фразеологических сочетаний: *студеная болезнь* 'лихорадка', *голодная* и *студеная смерть* 'смерть, вызванная отсутствием пищи и низкой температурой окружающей среды', *студеное оружие* 'рубящее или колющее оружие для рукопашного боя': «студеною болезнию одержьжыми сииречь трясвицею» (Житие Кирилла Белозерского, XV в.); «чтобы намъ беднымъ и беспомощнымъ сиротамъ, голодною и студеною смерью не умереть (Грамоты Сарайской и Крутицкой епархий, 1693 г.); «беглые его кр(естьяне)... съ огненымъ, и съ студенымъ ружьемъ, и съ копьями (Слово и дело государевы, 1750 г.) «Студеное оружие» мы встречаем и у А. С. Пушкина в подготовительных текстах к «Истории Петра»: «Харчевникам и торговцам иметь при полках оружие огненное и студеное».

В XVI веке происходит объединение разрозненных феодальных княжеств в единое централизованное государство вокруг Москвы. Идет процесс формирования русской нации. Все это оказывает существенное влияние на характер дальнейшего языкового развития. В XVI—XVII веках в письменный язык начинают проникать слова народно-разговорной речи. В памятниках письменности появляется слово *голодный*, имеющее такие же значения, как и *студеный*. Прилагательное *голодный* обозначало более высокую температуру, чем *студеный*: «вода, которою поливаешь хотя и подбаеть чтобы была холодная, но обаче чтобы не столь студена

была, дабы почки молодые не поморила» (Назиратель, XVI в.). Это послужило толчком к тому, что у слова *студеный* начало развиваться значение — ‘очень холодный, обладающий очень низкой температурой’. Прилагательное *холодный* начало постепенно занимать место прилагательного *студеный*. Появляются выражения: *холодная болезнь, голодная и холодная смерть, холодное оружие*.

В XVIII—XIX веках *холодный* прочно входит в состав лексики русского литературного языка и развивает свои значения, в особенности переносные. А слово *студеный* постепенно оттесняется в сферу разговорного языка и диалектов, теряет свои значения, сохраняя лишь одно — ‘очень холодный’.

Н. М. МИХАЙЛОВА

Рисунок С. Гавриловой

РУССКИЕ ИМЕНА

Продолжение. Начало см. 1979, № 4

Дмитрий. Имя греческого происхождения, буквально ‘сын Деметры (богини земледелия)’. Имя *Деметра* означает ‘мать земли’ и составлено из *de(da)* ‘земля’ (вариант греческого *ge* ‘земля’) и *mater* ‘мать’.

Евгений. Из греческого *eugenēs* ‘благородный’ (*eu* ‘благой’ и *genos* ‘род’).

Евдокия. Имя греческого происхождения: *eu* ‘благой’, *doxa* ‘слава, репутация’; буквально ‘благославная’.

Екатерина. (Катерина). Имя связано с греческим *katharos* ‘чистый’.

Елена (ср. **Еля, Олена, Лёля**). Образовано от греческого *helene* ‘свильник, факел из тростника’. Соотносится с греческим *hēle* ‘солнечный свет, солнечное тепло’. Равнозначное русское имя *Светлана*.

Зоя. Имя образовано от греческого *zoē* ‘жизнь’ (ср. элемент *зоо-* в словах *зоология, зоопарк*).

Игорь. Имя скандинавского происхождения: *Ingvarr*, *Ivar* — буквально ‘предводитель племени ингов’.

Ирина. От греческого *eirēne* ‘мир’.

Кирилл. Имя греческого происхождения: *kūrios* ‘господин, хозяин’; буквально ‘повелевающий’.

Константин. От латинского *constans* ‘постоянный’.

Ксения. Греческое *ksenios* ‘гостеприимный’ из *ksenos* ‘гость, чужестранник’.

Лариса. От греческого *laros, laris* ‘чайка’.

М. М. МАКОВСКИЙ

Окончание следует

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977,
№№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—4

Силантьев. Отчество от формы Силантий из канонических мужских имен Силан и Силуан, Силван (см. Силуянов). Имени Силантий не существовало, оно возникло в силу так называемой гиперкоррекции («сверхправильность»): имя Силан ошибочно приняли за краткую форму якобы от полной, которую «восстановили» по модели латинских имен с формантом *-антий, -ентий*.

Силкин. Отчество от уничтоженной формы Силка из канонических мужских имен Сила, Силван, Силуан.

Силуянов. Отчество от канонического мужского имени Силван (латин. *Silvanus* — ‘бог лесов’, *silvātīcus* — ‘лесной’). Имя еще византийской церковью канонизовано и перешло в русские «святцы» в виде двух разных имен — Сильван и Силуан. Отчества образовались от обеих форм, значительно измененных в русском употреблении (Сильван превратился в Селивана, а Силуан в Силуяна), и стали фамилиями.

Ситников. Отчество от именованья отца по профессии: *ситник* — мастер по изготовлению сит. Менее вероятно связь

с наименованием разновидности печеного хлеба *ситный*), в этом случае надо представить прозвище, обозначающее особого любителя такого хлеба.

Сквирский. Именованье по местности: *сквирский* — из города Сквир (ныне в Киевской области Украинской ССР).

Склемин. Всероссийской переписью 1897 года зарегистрировано 38 человек с такой фамилией в Погореловской волости Мезенского уезда Архангельской губернии (архив Архангельской обл.). В основе — диалектное севернорусское слово *склемы* ‘сплетни’ (М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XVII, СПб., 1877).

Скляр. Отчество от именованья отца по профессии: в украинском языке и близких к нему русских говорах *скляр* ‘стекольщик’ (сравни украинскую фамилию Скляренко).

Скобелев. Возможна связь фамилии через прозвище со *скобель* ‘пож для строгания’,

но вероятней — отчество от прозвища Скобель, также связанного с глаголом *скоблить*, по в иных значениях (например, *скобель* 'чешущийся').

Скоморохов. Первоначально отчество: 1) от именованя отца по профессии *скоморох* — актер русского народного театра до XVIII в.; 2) от прозвища *Скоморох* 'кривляющийся, наясничающий'.

Скорняков. Отчество от именованя отца по профессии: *скорняк* — мастер по выделке мехов из шкур.

Скоронупов. Фамилия документирована в селе Волковичи Алексинского уезда Тульской губернии в 1916 году (архив Тульской обл.). В ее основе — ироническое прозвище из *скорый* и *пуп*. Так, вероятно, называли человека суетливого или делающего все наспех.

Скосарев. Отчество от прозвища отца из диалектного *скосарь* 'заносчивый, фанаберистый'. Встречается и написание Скосырев, так как безударный гласный подвергается в русской речи редукции (ослаблению) — произношение *a* или *ы* в такой позиции неразличимо.

Скрозников. Отчество от прозвища отца из диалектного *скрозник* 'ловкий, пройдоха, проныра' — в его основе произношение *скрозь* вместо *сквозь* (Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961). Фамилия записана в Усть-Паденгской волости Шадринского уезда Архангельской губернии в 1897 году (архив Архангельской обл.). Эта параллель говоров Северного Поволжья и реки Ваги (Вага — левый приток Северной Двины) очень существенна: фамилия указывает на историческую связь обеих территорий — Важскую землю русские начали

заселять одновременно из земель Ростово-Суздальских и Новгородских, борьба за Важскую землю продолжалась между Новгородом и Москвой несколько столетий.

Скрябин. В основе фамилии прозвище Скряба из глагола *скрябать* (выпедный из употребления) — 'скрести, скоблить, царапать'. Более пятисот Скрябиных было в Вохминском уезде Костромской губернии. В селе Русская Бектяшка (на Волге ниже Ульяновска) в 1910 году эту фамилию носили почти 300 человек (архив Ульяновской обл.), кроме того она была записана и в юго-восточном Заволяжье (архив Куйбышевской обл.).

Скугарев. Фамилия употребляется с XVII века. В 1680 году возникла деревня Скугаревка, названная по фамилии владельца (см.: П. Л. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1904). В основе фамилии — отчество от глагола *скугарить* 'тосковать, грустить, скучать'.

Скуратов. Отчество от русского нецерковного мужского имени (или прозвища) Скурат, связанного со *скура* 'шкура, грубая кожа'.

Скурлыгин. Фамилия документирована в деревне Аристовка, бывшего Городищенского уезда Пензенской губернии. Очевидно, отчество от прозвища отца — Скурлыга, но основа прозвища и исходное значение остаются неизвестными.

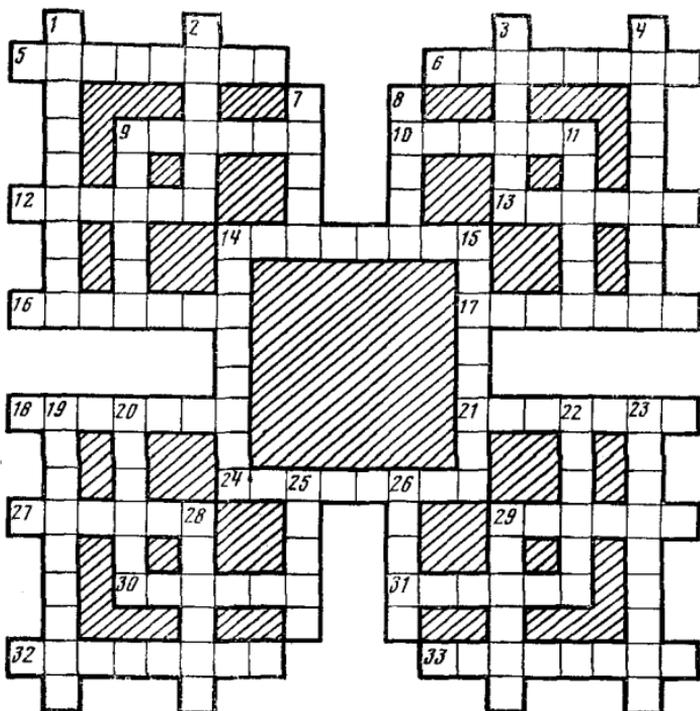
Слонимский. Именование по местности, то есть из города Слоним (ныне в Гродненской области БССР).

Слуцкий. Именование по местности — из города Слуцк (ныне в Мипской области БССР).

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Периодический литературный сборник с произведениями разных писателей. 6. Законченная в смысле отношений часть текста. 9. Слово или выражение, образованное путем буквального перевода иноязычного слова. 10. Фрукты, конфеты или сладкое блюдо, подаваемые в конце обеда. 12. Город, укрепленный частоколом. 13. Футбольная команда высшей лиги. 14. Слово, вышедшее из живого словоупотребления. 16. Город на левом берегу реки Кубани. 17. Русская народная сказка. 18. Первая русская революционная газета, издаваемая А. И. Герценом и Н. П. Огаревым за границей. 21. Роман И. А. Гончарова. 24. Раздел языкознания — наука о звуках языка. 27. Слово, заменяющее что-нибудь имя, в значении „некто, тот-то“. 29. Пахарь (устар.). 30. Вид закладки. 31. Латы, металлический панцирь на спину и грудь. 32. Выделение (слога, слова) силой голоса или повышением тона. 33. Герой романа М. А. Шолохова.

По вертикали: 1. Инструмент для письма, рисования, черчения. 2. Объявление о том, что все билеты на какое-либо представление проданы. 3. Опросный лист для внесения каких-нибудь сведений. 4. Искусственный международный язык. 7. Мера веса алмазов и других драгоценных камней. 8. Стихотворение А. С. Пушкина. 9. Большой закрытый конный экипаж. 11. Порт на Черном море. 14. Фигурный знак, идеограмма. 15. Употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. 19. Спортивные, театральные и т. п. соревнования, состязания. 20. Остаток недогоревшей свечи. 22. Город в Канаде. 23. Слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь. 25. Удары в колокол, служащие сигналом к сбору людей в случае тревоги. 26. Родина Одиссея. 28. Отдельная часть запорожского казачьего войска. 29. Удобный случай для посылки, отправки чего-нибудь с кем-нибудь.

■ ПРЕМЬЕРА, ПРЕМЬЕР

Стремясь сделать материал ярче, образнее, журналисты нередко пользуются приемом, который заключается в том, что лексика, обозначающая одну «сферу знания», употребляется для обозначения другой. Такие случаи довольно часто можно встретить в печати, в частности, в спортивной, например: «Ждите симфонии рекордов», «Трое дебютировали в команде», «Роль диспетчера умело выполняет Гереч», «Мужской чемпионат еще не миновал свой экватор». Об этом приеме журналистов напомнил заголовок «Весна — премьеры урожая» в газете «Комсомольская правда» (16 марта 1978). «Верно ли здесь употреблено слово *премьеры*? Когда в наш язык вошли *преьера, премьер?*» — спрашивает москвичка Л. А. Рябова.

Премьера (premiere) — слово французское, оно означает 'первая', зафиксировано впервые в «Словаре иностранных слов» (1937).

Современные толковые словари отмечают одно значение этого слова: 'первое представление нового спектакля или возобновление спектакля после долгого перерыва'. *Премьерой* называют и первые представления на эстраде, в цирке, на радио и телевидении, первое исполнение инструментального произведения.

Видимо, в России слово *преьера* появилось в печати не раньше 20-х годов XX века. А до этого вместо него использовались такие слова и словосочетания, как *новинка, первое представление*, а на афишах — *в первый раз представлено будет...*

В газетном заголовке «Весна — премьеры урожая» *преьера* можно понять как 'начало чего-либо', в данном случае «начало урожая, начало подготовки к борьбе за урожай». Такое значение отмечено в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (1971). Это значение авторы словаря отмечают по газетным материалам 60-х годов. Таким образом, у слова *преьера* в последнее время, видимо, наметилось появление нового значения 'начало чего-либо'. Утвердится ли наметившееся значение — покажет время. Пока же

сочетания типа «Весна — премьера урожая» находится за рамками литературного языка.

Значительно раньше чем слово *премьера* в наш язык вошло французское *premier* 'первый'. В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» читаем: «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году». В XVIII веке в русских войсках существовали два чина майора: *премьер-майор* и *секунд-майор*. Разница между ними выражалась в различии служебных обязанностей и жалованья.

Сейчас слово *премьер* наиболее знакомо нам по сочетанию *премьер-министр*. Так в ряде государств называется председатель совета или кабинета министров, глава правительства. *Премьер* может употребляться и без второй части *министр*. «В премьерере Англии чувствовался неутомимый делец, снедаемый беспокойством, как бы не опоздать к какому-то самому главному событию» (П. Павленко. Счастье).

В начале XX века слово имело и «театральное» значение 'актер, занимающий первое место, ведущее положение в труппе, играющий главные роли': «Я потом без особого труда с одной репетиции заменял премьеров на Александринской сцене» (Холодов. Влиاذкое-далекое). Оно вошло и в название оперетты И. Кальмана «Цыган-премьер». Рядом с ним в это время употреблялось и слово *премьерша*: «Весной 1891 года была командирована на гастроли в Малый театр петербургская премьерша Мария Гавриловна Савина» (Ю. Юрьев. Записки). Сейчас *премьер* в своем «театральном» значении почти не употребляется.

В. С. Филиппов

■ ЗА СЧЕТ

Москвича А. Дарагана интересует вопрос о значении предлога *за счет*. Читатель пишет: «Мне всегда казалось, что делать что-то *за счет* чего-то можно только путем уменьшения, сокращения этого последнего. За последние годы я уже привык к оборотам типа: „Рост производительности труда *за счет* внедрения рационализаторских предложений“ или „Повышение урожайности *за счет* применения удобрений“ и т. п. Может быть, то, что ранее считалось нелепостью и безграмотностью, сейчас стало нормой?».

В современном русском языке у предлога *за счет* можно отметить несколько значений. Одно из них приводится в письме тов. Дарагана: предлог *за счет* употребляется в конструкциях, включающих в себе значение выигрыша одной стороны и связанного

с этим ущербом для другой: «Большая комната — приемная барского дома: ее увеличили за счет другой комнаты, выломав стену» (Горький); «Беридзе требовал предельно сократить объемы работ за счет второстепенных деталей» (Ажаев); «За счет отпадающих развлечений усиливается интерес к писательству и обостряется внимание» (Пришвин). Это, очевидно, наиболее конкретное и привычное значение предлога.

Другое, более широкое значение отмечается во всех толковых словарях современного русского языка (см., например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и др.) — «используя что-либо для чего-либо»: «В ближайшее пятилетие наши мощности должны резко возрасти за счет гидроэнергии» (Николаева); «Мог и растянуть доклад на пять часов подряд за счет цитат» (Михалков).

В рамках указанного второго значения возникли и распространялись конструкции, зависимый член которых выражен отвлеченным существительным, называющим прием, способ использования резерва или источника: *за счет ограбления, за счет уменьшения, за счет применения, за счет увеличения, за счет внедрения* и т. п. В таких случаях предлог *за счет* семантически сближается с предлогами *путем, при помощи*, например: «Возникает тенденция к расширению экипажей космических кораблей за счет выключения в их состав двух или трех пилотов-космонавтов» («Правда», 30 июня 1963).

Таким образом, у предлога *за счет*, наряду с конкретным значением 'в ущерб' в современном языке употребляются также значения 'используя, при помощи, благодаря, путем, посредством' и другие (ср. *богатеть за счет колоний* — 'в ущерб', но: *богатеть за счет ограбления колоний* — 'используя ограбление', 'при помощи ограблений'; *расширить строительство военных объектов за счет жилищного строительства* — 'в ущерб', 'взамен', но: *улучшить жилищные условия за счет строительства новых домов* — 'при помощи, посредством').

Употребление предлога *за счет* в новых значениях вызывало и, видимо, вызывает различную оценку. Академик В. В. Виноградов считал, что использование предлога *за счет* в значении 'под влиянием, вследствие' свидетельствует о «неряшливом журнальном языке»; в качестве неправильного употребления он приводит следующий пример: «литературный кругозор каждого кружковца расширяется за счет прочтения... ряда значительных произведений литературы» (В. В. Виноградов. Современный русский язык. Вып. II, М., 1938).

Такую же оценку развивающихся значений мы находим в книге К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя «Литературное редак-

тирование» (М., 1957): «Приведем еще несколько примеров того, как некоторые слова становятся штампованными, теряют свое конкретное значение и выступают в роли заменителей других слов. В одной и той же заметке читаем: *Капиталистические государства обогащались... за счет колоний, за счет беспощадной эксплуатации туземных народов... Создание индустриальной базы социализма шло за счет жесткого режима экономии, за счет социалистического накопления в народном хозяйстве. Слова за счет* связаны с представлением о каком-то балансе, т. е. если увеличивается одно за счет другого, то это другое уменьшается, ухудшается. Когда пишут: *Капиталистические государства обогащались за счет колоний*, — это понятно, но что такое *создание индустриальной базы социализма за счет жесткого режима экономии*, — разобрать трудно... Употребляют *за счет* и вместо *потому что*, и вместо *путем*, и вместо других слов».

Однако необходимо учитывать, что в процессе языковых изменений русского языка предлоги нередко становятся многозначными, расширяют сферу употребления (так произошло, например, с предлогом *по*. Смотри об этом: В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы. 4. Конструкции с предлогом *по*. — Сб. «Грамматика и норма». М., 1977). Кроме конкретного значения 'в ущерб чему-либо', у предлога *за счет* в современном языке получили распространение более широкие значения 'используя что-нибудь для чего-нибудь', 'при помощи', описанные в книге Е. Т. Черкасовой «Переход полнозначных слов в предлоги» (М., 1967), в «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М., 1976). Подробный и тонкий анализ различных значений этого предлога дается в статье Г. А. Золотовой «О новом предлоге *за счет*» («Вопросы культуры речи». М., 1965, вып. VI). Г. А. Золотова считает, что «Энергичное поведение нового предлога позволяет думать, что в судьбе его обнаруживается определенная целесообразность языкового развития, вызвавшая этот предлог к жизни для выражения общественно важных отвлеченных отношений, нуждавшихся в выражении».

Следует, однако, учитывать, что употребление предлога *за счет* имеет определенные стиливые ограничения — его использование связано с научной, деловой и газетно-публицистической речью.

Л. К. Чельцова

■ ИПАТОВСКИЙ МЕТОД

17 июля 1977 года было опубликовано приветствие Л. И. Брежнева «Ипатовскому райкому партии Ставропольского края»:

«С огромным интересом ознакомился с сообщением об опыте организации уборки урожая в Ипатовском районе...

Детальная разработка с участием передовиков производства, специалистов, колхозного и совхозного актива комплексного плана подготовки и проведения уборки урожая и заготовок хлеба, широкое применение на полях района новой прогрессивной технологии организации уборочных работ, основанной на создании уборочно-транспортных отрядов, кропотливая работа партийных организаций с кадрами, широкий размах социалистического соревнования обеспечили производительное использование техники, небывало высокие темпы уборки и хорошее качество работы...

Уверен, что ваш опыт уже в этом году получит широкое распространение...».

Опыт ипатовцев был подхвачен хлеборобами (и не только хлеборобами) всей страны: «Хлопкоробы широко применяют *метод ипатовцев*» («Правда», 23 октября 1978); «*Ипатовская технология помогает механизаторам*» в Калмыцкой АССР («Правда», 25 марта 1979); создаются сельскохозяйственные комплексы «по примеру *ипатовских земледельцев*» (Всесоюзное радио, 22 марта 1979).

Ипатовский метод — это новый метод организации производства и комплексного использования техники в колхозах и совхозах: «Комплекс не являет собой застывшую производственную единицу. Одни и те же люди на разных этапах объединяются то в уборочно-транспортный механизированный кулак, то в посевной, то в кормозаготовительный» («Известия», 20 апреля 1978). Массовое внедрение в производство поточной системы уборочно-транспортных комплексов получило наибольшее применение и развитие в *Ипатовском* районе Ставропольского края. Отсюда и само название метода — *ипатовский*, а его создателей называют *ипатовцами*, так же, как и жителей села Ипатово и всего Ипатовского района.

Район и село (бывшее Винодельное) были названы в год 15-летия Советской власти на Ставрополье именем героя гражданской войны Петра Максимовича Ипатова (1887—1918). Здесь он жил, боролся за власть Советов и погиб в бою. Имя П. М. Ипатова не ушло в историю. Оно живет теперь новой жизнью, определяя новую систему труда в социалистическом сельском хозяйстве: «Полевым работам — *ипатовский метод*» («Сельская жизнь», 3 марта 1978); «*Ипатовский характер. Опыт ипатовцев сослужил добрую службу...*» («Сельская жизнь», 21 июня 1978); «Стала лауреатом группа авторов *ипатовского опыта* уборки

полевых культур», — писала «Комсомольская правда», отмечая присуждение Государственной премии СССР в области науки, техники, искусства и за выдающиеся достижения в труде (7 ноября 1978).

Ипатовский метод продолжает развиваться. Метод комплексного использования сельскохозяйственной техники порождает новую структуру управления — цеховую. Создаются цехи — растениеводства, животноводства, механизации: «Тон задают *ипатовцы*. Например *ипатовцев* по внедрению цеховой структуры поддержан во многих районах Ставрополья» («Правда», 6 марта 1979).

В годы гражданской войны П. М. Ипатов вел за собой отряды воинов, сражаясь за власть Советов. Теперь его имя объединяет передовиков сельского хозяйства, ведет вперед к новым рубежам науки, техники и сельского труда. Собственное имя *Ипатов* в производных словах *ипатовский* — *ипатовцы* наполняется новым содержанием — ‘передовой комплексный поточный метод’, ‘метод цеховой структуры управления’, ‘создатели и последователи этого метода’. Теряется значение единичности — одно лицо. Возникает новое значение — оценка; оценка качества большого коллективного народного труда; оценка характера, сознания, отношения к работе самих тружеников. Славная история имени *Ипатов* стала славным настоящим в словах современного русского языка — *ипатовский, ипатовцы*.

А. А. Брагина

■ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ

Москвич товарищ Морев сообщил нам: «Пишут и говорят *Опытно-экспериментальный* завод и т. п. Кто должен исправить это масло масляное?»

На тавтологичность сочетания *опытно-экспериментальный* указывает В. В. Яшин (г. Одинцово Московской обл.).

Прилагательное *опытно-экспериментальный* образовано от двух слов: *опытный* и *экспериментальный*. Они являются относительными прилагательными к существительным *опыт* и *эксперимент*. *Опыт* и *опытный* в русском языке известны с конца XVII века, *эксперимент* (от лат. experimentum) и *экспериментальный* (от франц. expérimental) стали употребляться в русском языке со второй половины XVIII века. Таким образом, в русском языке XVIII столетия появились два синонима: русское слово *опыт* и заимствованное — *эксперимент*. В толковых словарях русского языка новое иностранное слово первое время объяснялось посредством общепонятного русского *опыт*. Последнее в XIX веке употреблялось в двух значениях: ‘испытывание чего-либо; проба, Хи’

мические, физические опыты»; 'первый труд, попытка в чем-либо. Опыт о воспитании. Опыт в стихах и прозе'. В двух значениях употреблялось и прилагательное *опытный*: 'Наученный опытами. Опытный полководец'; 'Основанный на опытах. Опытная физика'.

С развитием науки и техники расширилась сфера употребления *опыт, опытный, эксперимент, экспериментальный*. Они начинают соединяться с другими словами, образуя словосочетания. У слова *опыт* появляется ряд других значений. В современном русском языке *опыт* и *эксперимент* многозначны. У первого слова четыре значения, у второго — два. Будучи многозначными, они совпадают по смыслу лишь частично — в двух значениях. Если бы совпадение было полным, то, возможно, одно из этих слов перешло бы в пассивный запас языка, как это произошло с синонимами: *самолет* — *аэроплан*, *вратарь* — *голкипер* и другими, которые совпали в значениях полностью.

В «Словаре синонимов русского языка» (1971) указывается, что слова *опыт* и *эксперимент* в современном русском литературном языке «сблизились» в двух значениях: во-первых, когда обозначают воспроизведение какого-либо явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью изучения, исследования; и, во-вторых, — пробу, попытку, осуществить что-либо, какое-либо начинание. В словаре отмечается, что в первом и во втором значениях *эксперимент* имеет книжный характер, причем во втором значении оно менее употребительно по сравнению с *опыт*. Как видим, различие между словами *опыт* и *эксперимент* не только стилистическое, но и смысловое. Если с точки зрения стилистики употребление существительного *эксперимент* связано с книжной речью, то есть с официальными документами, терминологией и прочее, то слово *опыт* бытует повсеместно и в обиходном языке, и в научной речи.

А синонимичны ли относительные прилагательные *опытный* и *экспериментальный*? «Словарь синонимов русского языка» отмечает, что в тех двух значениях, в каких синонимичны слова *опыт, эксперимент*, синонимичны и образованные от них прилагательные. Итак, словари рекомендуют употреблять прилагательные *опытный* и *экспериментальный* как синонимы только в определенных значениях. Во всех других случаях они не синонимичны.

Современное употребление слов *опыт, эксперимент, опытный, экспериментальный* позволяет установить не только стилистическое, но и смысловое различие между этими существительными и прилагательными. Слова *эксперимент* и *экспериментальный* обычно обозначают крупномасштабные исследования, в которых участвуют многие промышленные предприятия, научно-исследовательские учреждения: «Это было в том полете, когда... образовали пер-

вую экспериментальную космическую станцию» («Известия», 27 августа 1976). «Грузовой корабль доставил на орбиту топливо для объединенной двигательной установки станции „Салют-6“, оборудование, аппаратуру, материалы для обеспечения жизнедеятельности экипажа, проведения научных исследований и экспериментов» («Известия», 15 марта 1979). Словами *опыт*, *опытный* обозначают, как правило, наблюдения, исследования менее масштабные: «В экспедицию за редкими растениями отправились отряды сотрудников полярной опытной станции Всесоюзного института растениеводства имени Н. И. Вавилова» («Известия», 27 августа 1976); «Совхоз „Заречье“ расширяет производство посадочного материала — грибниц шампиньонов... Тут также работает опытный цех, в котором намечается вырастить в нынешнем году для трудящихся столицы и Московской области 83 тонны шампиньонов» («Правда», 19 марта 1979).

Наряду со сложными словами: *опытно-конструкторский*, *опытно-мелиоративный*, *опытно-показательный*, *опытно-производственный*, *опытно-промышленный*, *опытно-селекционный*, *опытно-статистической*, *опытно-технический*, *опытно-фильтрационный* можно использовать сложное слово *опытно-экспериментальный*, если *опытный* и *экспериментальный* употребляются в разных значениях. Тогда прилагательное *опытно-экспериментальный* не будет маслом масляным, то есть тавтологичным, не будет необходимости заниматься его исправлением. В настоящее время слово *опытно-экспериментальный* помещено в «Орфографический словарь русского языка», «Словарь-справочник. Слитно или раздельно?»

В. Н. Сергеев

При перепечатке

ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12.06.79. Подписано к печати 07.VIII.79. Т-11483
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4 Уч.-изд. л. 9,8
Бум. л. 2,5 Тираж 60200 Заказ 1961

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10